

АСТРАПОЛИС

Астраханские политические исследования

ASTRAPOLIS

Astrakhan Political Studies

2019–2020

(9–10)

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редакционная коллегия:

Гришин Н.В. – доктор политических наук, профессор; **Головин В.Г.** – доктор биологических наук, профессор; **Карабущенко П.Л.** – доктор философских наук, профессор (главный редактор); **Кудряшова Е.В.** – кандидат политических наук, доцент; **Маркелов К.А.** – кандидат экономических наук, профессор; **Оськина О.И.** – кандидат политических наук, доцент; **Подвойский Л.Я.** – кандидат философских наук, доцент (ответственный редактор); **Усманов Р.Х.** – доктор политических наук, профессор (зам. главного редактора)

АСТРАПОЛИС: Астраханские политические исследования : ежегодник кафедры политологии Астраханского государственного университета. – Электрон. текстовые, граф. дан. (722 Кб). – Систем. требования: MS Windows XP и выше; 1 ГБ ОЗУ; CD-ROM; мышь. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2020. – Т. 9–10. – 202 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): 12 см. – Загл. с экрана. – Диск помещен в контейнер 14×12 см.

В настоящем издании публикуются материалы по социокультурным и политическим проблемам современности. К исходной политической проблематике добавлены актуальные проблемы современной философии, культурологии и филологии.

Издание адресуется научно-педагогическим работникам, аспирантам, практическим работникам, всем, кто интересуется вопросами современной политической науки и культуры.

ISBN 978-5-9926-1263-9

Издание подготовлено при поддержке:

- *Астраханского отделения Российского общества политологов;
- *Астраханского отделения Российского философского общества;
- *кафедры ЮНЕСКО «Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие» Астраханского государственного университета.

На обложке использована карта Астрахани из книги Адама Олеария 1636 г.

На титульной странице использован герб Астраханского царства из «Титулярника» царя Алексея Михайловича 1672 г.

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом «Астраханский университет», 2020
© Коллектив авторов, 2020
© А. И. Стремина, дизайн обложки, 2020

Recommended by the editorial and publishing board
of Astrakhan State University

Editorial Board:

Grishin N.V. – Doctor of Political Sciences, Professor; **Golovin V.G.** – Doctor of Biological Sciences, Professor; **Karabushchenko P.L.** – Doctor of Philosophy, Professor (chief editor); **Kudryashova E.V.** – PhD (Political Science), Associate Professor; **Oskina O.I.** – Political Science, Associate Professor; **Podvoisky L.Ya.** – PhD (Philosophy), Associate Professor (editor); **Usmanov R.H.** – Doctor of Political Sciences, Professor (vice chief editor)

ASTRAPOLIS: Astrakhan Political Studies : Yearbook of Political Science Department of Astrakhan State University. Electron. text, graph. bases (716 Kb). – System requirements: MS Windows XP and higher; 1 GB of RAM; CD-ROM; mouse. – Astrakhan : Astrakhan State University, Publishing House “Astrakhan University”, 2020. – Vol. 9–10. – 202 p. – 1 electron. optic disk (CD-ROM): 12 cm. – Title from the screen. – The disc is placed in a 14×12 cm container.

This edition publishes the materials on the sociocultural and political issues of our time. For the initial political issues the problems of modern philosophy, culture and philology are added.

The publication is addressed to science teachers, graduate students, practitioners, everybody who is interested in contemporary political science and culture.

Produced with the support of:

- * Astrakhan branch of the Russian Society of Political Scientists;
- * Astrakhan branch of the Russian Philosophical Society;
- * UNESCO Chair “Learning Society and Socially Sustainable Development” of Astrakhan State University.

On the cover of the yearbook the map of Astrakhan by Adam Olearius, 1636 is used.

On the cover page the coat of arms of the Astrakhan kingdom from «Titular» by the Tsar Alexei Mikhailovich, 1672 is used.

© Astrakhan State University, Publishing House
“Astrakhan University”, 2020
© Team of authors, 2020
© A. I. Stremina, cover design, 2020

АСТРАПОЛИС

Астраханские политические исследования

2019–2020 (Том 9–10)

Ежегодник кафедры политологии Астраханского государственного университета

Содержание

Научно-практическая конференция
«Россия в системе нового мирохозяйственного уклада» 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Маркелов К.А., Головина Е.Е. Сопряжение как новое политико-экономическое понятие: теоретико-практический аспект 8

Джанталеева М.Ш. Роль парламентской дипломатии в межгосударственных отношениях России и Казахстана 17

Михайлова Е.А., Кучмар К.И. Особенности, предпосылки и развитие внешнеторгового конфликта между США и Китаем 26

Энверова К.Е. Особенности и перспективы дипломатических отношений формируемого пространства Большого Каспия 36

Абкаилов А.-Ч.Я. Проблемы ратификации конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. 44

Соколова Ю.С. Медиасобытия в социальных медиа как фактор современной мировой политики 50

Упир И.Р. Проводимая Си Цзиньпином политика регулирования социальных сетей в КНР 57

Югзов В.М. Советский и российский периоды сотрудничества с Исламской Республикой Иран: сравнительный анализ 64

Приорова И.В., Лебедева И.В. Образовательная политика Китая в период карантина 2020 года: дискуссии и оценки по материалам китайской прессы..... 72

Михайлова Е.А., Присакарь Е.Ю. Взаимодействие Русской Православной Церкви и современного российского государства (1991–2012 гг.) 82

Сажин Н.В. Карабахский конфликт в контексте российско-армянских дипломатических отношений 91

ГЕОПОЛИТИКА

Оськина О.И., Лисянский И.Н. Новые геополитические акторы в меняющихся условиях мира 98

Цой С.В. Современные аспекты международного взаимодействия и перспективы сотрудничества государств Корейского полуострова в условиях глобализации 104

Мажитов А. Шелковый путь и Каспийский регион, приоритеты развития	110
Иманов Д.А. Американская «мягкая сила» в период президентства Дональда Трампа	117
Масюткина В.Р. Современные геополитические интересы КНР в странах Прикаспия на примере Ирана, Азербайджана и Казахстана	124

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

Драгомир А.А. Поведение современных политических лидеров во время пандемии коронавируса	131
Айрапетян А.В. Миграционный кризис с точки зрения европейских политических элит	139

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Подвойский Л.Я. Жемчужина в теории русского права	147
Подвойская Н.Л. Философско-правовые и политические грани власти.....	156
Таирова Ш.С. Ноосфера как глобальный проект современного цивилизационного развития	176

Трибуна молодого ученого

Хван И.И. Проблемы мирного объединения Корейского полуострова	182
Шахаева М.Г. Политика КНР в борьбе с проявлениями сепаратизма	188
Долотказина Д.М. Влияние этнических групп Республики Крым на этнополитические процессы в России	194

Департамент социально-политических и экономических исследований
Евразии и Востока Астраханского государственного университета

Кафедра ЮНЕСКО «Обучающееся общество и социально-устойчивое
развитие» Астраханского государственного университета

Кафедра политологии и международных отношений
Астраханского государственного университета

Научно-практическая конференция
**«РОССИЯ В СИСТЕМЕ НОВОГО
МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА»**

Дальнейшее развитие производительных сил требует **перехода к новому, интегральному, мирохозяйственному укладу**. Формирующиеся вопреки американскому доминированию новые самостоятельные центры мировой экономики – Китай, страны АСЕАН, Индия, а также ЕАЭС – обладают собственными культурно-цивилизационными характеристиками, отличаясь своей системой ценностей, историей, культурой, духовностью и иной национальной и региональной спецификой.

Целевой функцией нового мирохозяйственного уклада является повышение общественного благосостояния, что гарантирует ему преимущества в обеспечении экономического роста. Россия могла бы сыграть важную роль в этом процессе, встав на путь опережающего развития нового технологического и становления мирохозяйственного укладов¹.

Двадцать третьего июня 2020 года в Астраханском государственном университете прошла научно-практическая конференция *«Россия в системе нового мирохозяйственного уклада»*. Организаторами конференции стали: Департамент социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока АГУ, кафедра ЮНЕСКО «Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие» АГУ и кафедра политологии и международных отношений АГУ.

¹ Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. – М. : Книжный мир, 2018. – 768 с.

Цель конференции: повышение значимости интеллектуального капитала как важнейшего фактора инновационного развития науки.

Задачи конференции: проанализировать и оценить проводимые научные исследования с точки зрения их результативности и применимости, проследить историю развития и современное состояние науки.

Миссия конференции: популяризация российских исследований, в первую очередь, в молодежном сообществе, а также создание профессиональной площадки для опубликования основных научных результатов проведенных исследований, научной дискуссии и практик.

Для обсуждения организаторами мероприятия были предложены следующие темы:

- Большой Каспий: современные геополитические процессы в регионе;
- Интеграционный потенциал Большого Каспия на евразийском пространстве;
- Современные геополитические интересы ведущих стран мира в Прикаспийском регионе;
- Политико-правовой статус Каспия: современное состояние и перспективы развития;
- Актуальные проблемы безопасности, рисков и устойчивого развития;
- Политическая культура и дипломатия стран Прикаспийского содружества;
- Проблемы межкультурного диалога и коммуникации стран Прикаспийского региона;
- Политическая философия и ее практические аспекты;
- Политические лидеры: современные вызовы и угрозы.

В работе приняли участие профессорско-преподавательский состав АГУ, а также студенты, магистры и аспиранты университета.

Материалы конференции (доклады и сообщения) публикуются редакцией ежегодника АСТРАПОЛИС (Астраханские политические исследования) в авторском варианте.

*Оргкомитет конференции и редакция ежегодника
АСТРАПОЛИС*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

СОПРЯЖЕНИЕ КАК НОВОЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Маркелов Константин Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: asu@asu.edu.ru

Головина Екатерина Евгеньевна, аспирант
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: golovinaeeasp@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается понятие сопряжение как научное явление процессов исследования неживой и живой природы. Анализ литературных источников показывает, что данная дефиниция находится в системе координат различных понятий и определений, входящих в орбиту философской категории «взаимодействие», которая может представлять различные аспекты взаимного влияния и воздействия объектов друг на друга. Однако эти процессы отражают многообразные стороны таких связей и характеризуются в формах сотрудничества, координации, кооперации и др. Неоднородность подходов к определению и трактовке понятия сопряжение свидетельствует об отсутствии единого методологического подхода к исследованиям и философскому осмыслению этого термина. В качестве конкретной идеи реализации методологического потенциала понятия «сопряжение» проанализированы научные взгляды исследователей на примере процесса сотрудничества РФ и КНР по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

Ключевые слова: сопряжение, понятие, взаимодействие, методология, познание, модели, система, евразийские проекты, интеграция, сотрудничество ЕАЭС и ЭШП

CONNECTION AS A NEW POLITICAL AND ECONOMIC CONCEPT: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECT

Markelov Konstantin A., Ph.D. (Economics), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mai: asu@asu.edu.ru

Golovina Ekaterina E., postgraduate student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: golovinaeeasp@gmail.com

Annotation. The article considers the concept of conjugation as a scientific phenomenon of the processes of research inanimate and living nature. An analysis of literary sources shows that this definition is in the coordinate system of various concepts and definitions included in the orbit of the philosophical category of "interaction", which can represent various aspects of the mutual influence and influence of objects on each other. However, these processes reflect the diverse aspects of such relationships and are characterized in the forms of cooperation, coordination, cooperation, etc. The heterogeneity of approaches to the definition and interpretation of the concept of conjugation indicates the absence of a unified methodological approach to research and philosophical understanding of this term. As a concrete idea of the implementation of the methodological potential of the concept of "conjugation", the scientific views of researchers are analyzed using the example of the process of cooperation between the Russian Federation and the PRC in conjunction with the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt.

Keywords: conjugation, concept, interaction, methodology, cognition, models, system, Eurasian projects, integration, EAEU and SREB cooperation

В общественно-политическом и экономическом обороте понятие «сопряжение» впервые и достаточно громко озвучено в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 08.05.2015 г. (<http://kremlin.ru/supplement/4971>), что послужило толчком для активного изучения этого явления. В данном контексте многие процессы стали рассматриваться не с методологической, а с прикладной точки зрения, причем относительно конкретного проекта, на основе которого предполагается формирование Большого Евразийского партнёрства.

Известно, что понятие «сопряжение» «было введено в химию в конце XIX века для объяснения некоторых особых свойств молекул, содержащих сопряженные связи» [18, с. 37].

В настоящее время оно широко используется в естественнонаучных исследованиях различных областей науки «физики, химии, биохимии и биологии», однако во всех этих частных применениях не несет методологической нагрузки [21, с. 1932–1933].

В многочисленных энциклопедических словарях понятие «сопряжение» обозначается крайне сжато и неопределенно, лишь как «способ соединения, скрепления частей, деталей...», «взаимосвязь чего-либо с чем-либо», «совмещение нескольких объектов, явлений» и др. В технических дисциплинах сопряжение определяется как «способ соединения деталей, при котором одна из них полностью или частично входит в другую (другие)», «взаимно связанный, находящийся во взаимодействии сопряженные детали, сопряженные поверхности ...» [20, с. 200] и характеризует иное качественное состояние объектов и другое понимание данного определения.

При этом выделяется многообразие их разновидностей, например, в математике (комплексное, изогональное и изотомическое сопряжения); в химии (сопряжение реакций и связей); в системологии – сопряжение подсистем и элементов; сопряжённое пространство. Кроме того, определяются мезомерные эффекты (эффект сопряжения, резонансный эффект).

В русском языке слово «сопряжение» также представлено широким спектром синонимов: интегрирование, коммутация, координация, соединение, координирование, связывание, сочленение, мезомерия и другие. Однако в Большой советской энциклопедии из всей совокупности выделен лишь термин «сопряжение связей», как один из важнейших видов внутримолекулярного взаимного влияния атомов и связей в органических соединениях, обусловленного взаимодействием электронных систем атомов [1].

В философских словарях понятие «сопряжение» не представлено, оно только опосредованно вытекает из одной из важнейшей философской категории – «взаимодействие», которая «является существенным методологическим принципом познания природных и общественных явлений» [17, с. 31].

Еще классиками марксизма, при исследовании общих вопросов диалектики, была обоснована значимость данного явления: «взаимодействие – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю» [15, с. 546].

В современном представлении «взаимодействие – это процессы взаимного воздействия различных объектов друг на друга, их взаимообусловленность и даже в известном смысле переход друг в друга. Является атрибутом объективной реальности (материи) в ряду ее других неотъемлемых свойств – движения, пространства, времени, отражения, структуры и др. определяет существование и структурную организацию любой материальной системы» [22, с. 93].

Аналитический обзор определений и категорий позволяет сделать вывод, что многообразие существующих понятий полностью или частично подходит под обобщенное понимание философской категории «взаимодействие» и, в действительности, могут представлять, те или иные аспекты, взаимного влияния и воздействия объектов друг на друга. Однако процессы данного воздействия отражают различные стороны (направления) этих связей и могут характеризоваться как формы сотрудничества, координации, кооперации и др.

В данном контексте справедливо мнение известного советского и российского экономиста, чл.-корр. РАН Клейнера Г.Б., что ресурсы экономических систем должны быть направлены в общем случае на достижение не конкурентных преимуществ (обеспечение победы), а партнерских преимуществ – условий, обеспечивающих включение данного субъекта во взаимовыгодные отношения с другими субъектами. Относительно ресурсной теории экономической системы, под обеспечением партнерских преимуществ данной системы понимается ее привлекательность для вовлечения в те или иные партнерские отношения с другими системами [10, с. 9].

Указанное определение справедливо не только для сложных социально-экономических, но и политических, военно-политических и иных систем. Говоря о современных моделях евразийского сотрудничества между ведущими геополитическими игроками (Россия и Китай), необходимо определить субъектность паритетных партнерских отношений, масштабы и возможности их достижения и обеспечения. Результатом данного сотрудничества должна являться некая форма сопряжения между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), в котором доля экономического участия России достигает 80 % потенциала союза и Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП).

В нашем представлении, преимущества китайской стороны могут определяться экономическими достижениями КНР, соответственно, их сфера влияния (доминирования) – финансово-экономическое и технологическое обеспечение мегарегиональных проектов. Россия традиционно обеспечивает военно-стратегический (ядерный) паритет с США, ее Военная доктрина направлена на стратегическое (ядерное и неядерное) сдерживание, предотвращение военных конфликтов, обеспечение обороны и безопасности России, а также интересов ее союзников, поддержание глобальной и региональной стабильности и безопасности [5, с. 69].

Следовательно, современная модель сопряжения двух ведущих игроков на евразийском континенте – России и Китая должна формироваться:

– в области экономики – в процессе создания современного транзитного пространства на базе ЕАЭС и ЭПШП и должна строиться исходя из национальных интересов России и стран постсоветского пространства, так как ими представляется территории этих государств как пространственный (природно-ресурсный, транспортно-логистический и инфраструктурный) каркас;

– в области геополитических отношений – обеспечение реализации международного политического взаимодействия, стратегическое партнерство с ведущими экономиками мира и внутреннее ресурсное сопровождение региональных и мегапроектов.

При этом геополитический диалог между Россией и Китаем на Большом евразийском пространстве должен формироваться в рамках общей идеи сопряжения: на паритетных взаимодополняемых партнерских отношениях, обеспечивающих условия стабильности, процветания и поступательного политического и социально-экономического развития [5, с. 69].

В настоящее время указанная проблематика, рассматриваемая Министерством экономического развития Российской Федерации *как идея сопряжения* проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, предполагает участие в капитале и заемных деньгах, а также в инфраструктурных проектах [8]. В научном сообществе данные вопросы носят иную интерпретацию и исследуются в разноректорных аспектах:

– сопряжение евразийской интеграции на базе строительства ЕАЭС и ЭПШП обеспечивают формирование транзитного пространства между Китаем и Европой по различным вариантам [12, с. 46–47];

– эффективность сотрудничества по сопряжению заключается в реализации транспортно-логистических и финансовых систем, которые будут обеспечивать комплексное взаимодействие между внешними и внутренними субъектами и гарантировать доступ как на внутренний рынок, так и на глобальный рынок [2, с. 109];

– при планировании регионального сотрудничества ЕАЭС и ЭПШП необходимо оценивать сопряжение с позиций его участников: структурного (структурный реализм), внешнеполитического (конструктивизм) и институционального (функционализм и неофункционализм) [19, с. 69]. Указанный формат фактически исключает из переговоров по сопряжению страны Центральной Азии, не входящие в ЕАЭС, что ставит под сомнение единство центральноазиатского региона, хотя отправной точкой для его стабильности является торгово-экономическое сотрудничество [19, с. 77];

– сопряжение ЕАЭС и ЭПШП ставит вопрос по поводу конкуренции за экономическое и стратегическое влияние на страны Центральной Азии между Россией и КНР [23, с. 170–171];

– реализация процессов сопряжения позволит преодолеть потенциальные противоречия в Центральной Азии – наиболее острые из тех, что существуют между Россией и Китаем [12, с. 41];

– практическая реализация сопряжения возможна по пути создания зоны свободной торговли и объединения возможностей транспортных систем, создаваемых в ЕАЭС и ЭПШП. Однако перспективы создание такой зоны торговли с Китаем оцениваются достаточно проблематичными [16, с. 149];

– эффективность сопряжения двух проектов может оцениваться: эффективностью сосуществования разных интеграционных проектов на

территории Центральной Азии или конкуренцией между интеграционными проектами РФ и КНР как вероятная «игра с нулевой суммой» [9];

– на фоне растущего интереса к БРИКС как к финансовому проекту, приобретающего экономическое, геополитическое и идеологическое измерения, возникают вопросы к планам сопряжения ЭПШП и ЕАЭС [11, с. 64].

Действительно, проведенный Саммит и Экономический форум Россия – Африка (Сочи, 23–24.10.2019 г.) под девизом «За мир, безопасность и развитие», а также подписание меморандума от 24.10.2019 г. о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Африканским союзом в области экономического сотрудничества, определили новый геополитический вектор современного межконтинентального сотрудничества и основ миропорядка [6, с. 18].

Аналитический обзор результатов представленных исследований свидетельствует о широком спектре подходов к определению и трактовке понятия «сопряжение», которые появились при описании данного явления на примере совместного заявления РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства двух проектов (ЕАЭС и ЭПШП). Одной из основных причин, по нашему мнению, является отсутствие единого методологического подхода к исследованиям и философского осмысления данного понятия.

Политико-экономическая значимость понятия сопряжение (применительно к данным проектам) в сконцентрированной формуле сформулирована академиком РАН Глазьевым С.Ю. – «в условиях растущего отставания и ухудшающегося экономического положения России стратегическое партнерство с КНР наполняется реальным содержанием. Благодаря китайскому финансированию реализуются совместные программы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Массированные китайские инвестиции направляются в развитие российских топливно-энергетического, агропромышленного и транспортного комплексов» [3, с. 258]. По его мнению, фундаментальной особенностью современного периода является структурная перестройка мировой экономики, обусловленная сменой технологических и мирохозяйственных укладов, наложение которых сопровождается резонансным усилением кризисных явлений. В этих условиях страны ШОС, АСЕАН и ЕАЭС формируют новый мирохозяйственный уклад [4].

Академик РАН Глазьев С.Ю. в своей фундаментальной работе «Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах» (2018) исследовал некоторые компоненты современного сопряжения через механизмы и процессы развития сложных социально-экономических системы [3]:

– технологическая сопряженность объединенных в технологическую совокупность производственных процессов обуславливает синхронизацию их развития. Возникновение, расширение, стабилизация и упадок производств, входящих в одну технологическую совокупность, происходит более или менее одновременно [3, с. 40];

– в хозяйственной деятельности производства связаны технологической сопряженностью, которая обуславливает синхронизацию их жизненных циклов. Комплексы технологически сопряженных производств образуют воспроизводящиеся целостности – технологические уклады [3, с. 560];

– каждая составляющая его технология имеет жизненный цикл, который описывается логистической кривой, и проходит фазы вызревания, бурного роста, зрелости и упадка. Развитие производств синхронизируется (в силу их технологической сопряженности), вследствие чего жизненный цикл технологического уклада приобретает такую же форму логистической кривой, но – растянутой почти на столетие [3, с. 560].

Указанные положения позволили академику С.Ю. Глазьеву обосновать возможность смены действующего технологического и мирохозяйственного укладов, и определить Евразию центром трансформационных преобразований.

Реализация инициативы глав России и Китая по сопряжению двух трансконтинентальных интеграционных инициатив (ЕАЭС и ЭШП) открывает перспективы расширения взаимовыгодного сотрудничества в создании условий для устойчивого развития Евразии [3, с. 658]. Поэтому в долгосрочной перспективе евразийскую интеграцию можно рассматривать куда шире – включая Шанхайскую организацию сотрудничества, сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой «Одного пояса-пути», зону свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом, а в проекте – с Индией и др. [3, с. 578].

Евразийская интеграция имеет широкие пространственные измерения. В качестве важнейшего сегмента можно выделить так называемый ареал Большого Каспия, на пространстве которого реализуются многомерные сопряженные мегапроекты.

Так, многообразие вариантов продвижения товаров и транспортировки грузов сопровождаются формированием смешанных и интермодальных перевозок [13, с. 77]. В этих условиях особое значение приобретает стратегия развития транспортного узла Каспийского бассейна как макроэкономической транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей комплексное функционирование портового хозяйства, железнодорожного и автомобильного транспорта, судоходных каналов, судостроительной, рыбохозяйственной и иных отраслей [13, с. 86].

При этом Конвенция о правовом статусе Каспийского моря усиливает позиции Российской Федерации как основной страны транзита, что обосновывает необходимость разработки комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, включая транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг», морских портов Волго-Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов [14].

В современной геополитике Каспий занимает особое значение в рамках более активного влияния энергетических и транспортно-логистических факторов, а также формирования транспортно-коммуникационного каркаса

и общего экономического пространства прикаспийских государств. С новым этапом развития интеграционных процессов и реализацией энергетических мегапроектов меняется геополитический статус региона. В научной литературе введено понятие «Большой Каспий», которое определяется как геополитический регион, возникший в Евразии в результате распада Советского Союза. В его состав включается пять стран, непосредственно выходящих к озеру-морю (Россия, Казахстан, Туркменистан, Иран и Азербайджан), а также государства Южного Кавказа и Центральной Азии [7, с. 15].

Сопряжение указанных территорий существенно повышает статус Каспия, так как два из трех формируемых транзитных коридора между Китаем и Европой проходят через пространство Большого Каспия - по вариантам: а) перевозки китайских грузов в Россию через Казахстан; б) транзита из Китая в Европу в обход России – через Казахстан и Иран [12, с. 46–47].

В этих условиях, по образному выражению, Каспий можно представить, как «остров сопряжения миров» – «Востока и Запада». Это нарождающееся геополитическое пространство, притягивающее ведущих мировых игроков, в ареале которого осуществляется «разлом» технологического и мирохозяйственного укладов и происходит формирование нового многополярного мироустройства.

Выводы. 1. Понятие «сопряжение» наполнено новым интегральным политико-экономическим содержанием, которое недостаточно изучено. 2. Существующие трактовки понятия «сопряжение» свидетельствует об отсутствии единого методологического подхода к исследованиям этого термина. 3. Только после философского осмысления содержания понятия «сопряжение» как важнейшей внутренней стороны взаимодействия» возможно его возведение в ранг естественнонаучной категории познания неживой и живой природы [21, с. 1933]. 4. В отличие от фундаментального закона природы – сохранения энергии (уравнения баланса энергии), в политико-экономическом аспекте процесс «сопряжения» сопровождается синергетическими (положительными, но, возможно, «отрицательными») эффектами. 5. Познание «феномена» данного термина как философской категории может позволить подойти к новому пониманию и развитию современных интеграционных процессов, включающих смену технологических и мирохозяйственных укладов. 6. Реализация конкретной политико-экономической идеи «сопряжения», озвученной в совместном заявлении РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, свидетельствует о существенных методологических проблемах, вызванных недостаточностью познаний данного явления.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия (БСЭ). 3-е изд. Основной вариант. – Режим доступа: <https://slovar.cc/enc/bse/2043271.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Борисов Д. А. Сопряжение ЕАЭС и ЭШП: комплементарный потенциал, индифферентная реальность / Д. А. Борисов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 109–114.

3. Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба») / С. Ю. Глазьев. – М. : Книжный мир, 2018. – 768 с.
4. Глазьев С. Ю. Над пропастью во лжи (часть 1) / С. Ю. Глазьев. – 14.04.2020. – Режим доступа: <https://glazev.ru/articles/1-mirovooy-krizis/78464-nad-propast-ju-vo-lzhi-ch-1>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Головин В. Г. Взаимосвязанность международных образований как фактор евразийского развития / В. Г. Головин, Е. Е. Головина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1 (63). – С. 62–71.
6. Головин В. Г. Политическое лидерство как фактор устойчивого развития и международного сотрудничества / В. Г. Головин, Е. Е. Головина // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – 2019. – Т. 17. – С. 7–20.
7. Дергачев В. А. Геоэкономический словарь-справочник / В. А. Дергачев. – Одесса : ИПРЭИ НАНУ, 2004. – 177 с.
8. Идея сопряжения проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути // Министерство экономического развития Российской Федерации от 27.08.2015. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/press/interview/2015082704>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Капустин Н. Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: дилемма интеграции? / Н. Капустин. – 10.01.2018. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/nikolay-kapustin/33975/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Клейнер Г. Б. Ресурсная теория системной организации экономики / Г. Б. Клейнер // Российский журнал менеджмента. – 2011. – Т. 9, № 3. – С. 3–28.
11. Коньшев В. Н. Возможно ли сопряжение китайской и российской моделей интеграции в Евразии? / В. Н. Коньшев, М. Л. Лагутина // Управленческое консультирование. – 2106. – № 11. – С. 57–67.
12. Макаров И. А. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России / И. А. Макаров, А. К. Соколова // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 40–57.
13. Маркелов К. А. Черноморско-Каспийский регион: от геополитики к геоэкономике транспортных систем / К. А. Маркелов, Р. Х. Усманов, В. Г. Головин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 1 (58). – С. 74–88.
14. Маркелов К. А. Стратегические приоритеты развития российского транспортного узла Каспийского бассейна / К. А. Маркелов // Российский экономический интернет-журнал. – 2018. – № 3 (01.07.2018–30.09.2018). – 17 с. – Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Markelov.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 546.
16. Мендкович Н. А. На пути к Евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве / Н. А. Мендкович. – М. : Алгоритм, 2015. – 240 с.
17. Похлебаев С. М. Сопряжение как фундаментальный принцип организации и развития материи / С. М. Похлебаев, О. С. Похлебаева // Наука и школа. – 2009. – № 6. – С. 30–32.
18. Садых-Заде С. И. Дивинил / С. И. Садых-Заде, С. Д. Юльчевская. – Баку : Азербайджанское государственное издательство, 1966. – 159 с.
19. Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации / А. С. Скриба // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 67–81.
20. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН СССР, Институт русского языка ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1988. – Т. 4. – 800 с.

21. Третьякова И. А. Сопряжение как внутренняя сторона взаимодействия и методология познания / И. А. Третьякова // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 11 (9). – С. 1929–1933.
22. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
23. Mostafa G. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions / G. Mostafa, M. Monowar // *Journal of Eurasian Studies*. – 2018. – Vol. 9. – P. 163–172.

РОЛЬ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Джанталеева Мадина Шапигуловна, кандидат политических наук,
доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E- mail: lady.jantaleewa@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается парламентская дипломатия как часть демократического механизма, необходимого для развития общества. Межпарламентский диалог способствует установлению благоприятного климата в межгосударственных отношениях, укреплению взаимного доверия, формированию правовой базы сотрудничества. Именно он призван придать должную глубину взаимодействию между государствами. Механизмы межпарламентского общения доказывают свою востребованность, в то время как парламентская дипломатия обретает особый многогранный смысл, оставаясь при этом эффективным выразителем воли гражданского общества, равноправным партнером государства в развитии международного диалога.

Ключевые слова: парламентская дипломатия, гражданское общество, демократия, правовое государство, диалог

THE ROLE OF PARLIAMENTARY DIPLOMACY IN INTERSTATE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Dzhantaleeva Madina Sh., Ph.D. (Politics), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: lady.jantaleewa@yandex.ru

Annotation. This article examines parliamentary diplomacy as part of the democratic mechanism necessary for the development of society. The inter-parliamentary dialogue contributes to the establishment of a favorable climate in inter-country relations, the strengthening of mutual trust, and the formation

of a legal framework for cooperation. It is intended to give proper depth to interaction between States. Mechanisms of inter-parliamentary communication are proving their relevance, while parliamentary diplomacy is gaining a special multi-faceted meaning, while remaining an effective voice of the will of civil society, an equal partner of the state in the development of international dialogue.

Keywords: Parliamentary diplomacy, civil society, democracy, rule of law, dialogue

С усилением процессов глобализации, включающих последовательное снятие коммуникационных и языковых барьеров, все более значимую роль в международной политике приобретают различные формы дипломатии, выходящие за рамки традиционных.

Наряду с взрывным ростом механизмов диалога гражданских обществ различных стран, открывающих новые грани общественной, публичной, народной дипломатии, всё более активно в современных мировых процессах проявляют себя и формы парламентской дипломатии, позволяющие вести прямой диалог между представительными органами, способными выступить от имени народов соответствующих государств.

Парламенты сочетают черты, которые присущи дипломатии официальной (легитимный статус) и дипломатии общественной (трансляция общественных настроений и интересов, экспертных оценок), и, будучи проявляемыми совместно, эти качества производят значительный синергетический эффект в обмене мнениями и выработке совместных решений на международных площадках.

Целью парламентской дипломатии является не только формирование законодательного базиса международных отношений, но и углубление связей и интеграционных основ между государствами и регионами.

Сам термин «парламентская дипломатия» впервые вводится в научно-политический оборот Д. Раском в 1955 году для описания переговорного процесса и дискуссий, проводимых в той или иной международной организации. Тогда отмечалось, что основной задачей парламентской дипломатии является усиление взаимопонимания между странами, улучшение контроля над правительством, лучшее представительство своего народа и повышение демократической легитимности межправительственных институтов. В целом, можно отметить, что данные задачи актуальны для парламентской дипломатии и сегодня.

Парламентская дипломатия может реализовываться с помощью многих механизмов. В первую очередь, к ним следует отнести два основных направления: международную деятельность национальных парламентов и работу парламентариев в международных парламентских организациях. Любой парламент обладает определенным инструментарием в области международных отношений, к которым можно отнести участие в межпарламентских конференциях, двусторонних и многосторонних межпарла-

ментских связях, систему парламентского мониторинга и др. С другой стороны, парламентские структуры в рамках интеграционных объединений и международных организаций значительно расширяют этот инструментарий, дополняя и развивая его [3].

Можно выделить два уровня анализа парламентской дипломатии: институциональный и политический. Институциональный определяется установленным в национальном законодательстве статусе парламента во внешней политике страны и предполагает выполнение предусмотренных функций (ратификация международных договоров, согласование кандидатур послов и др.).

Наиболее важной функцией является ратификации международных договоров, заключаемых между правительствами стран. Согласно существующим нормам международного права международные договоры государств, требующие внесения изменений в действующие законы или принятия новых, подлежат ратификации парламентом. Политический уровень связан с более широкой ролью, которую парламент и его члены играет в формулировании и проведении внешнеполитических приоритетов конкретной страны. В последнем случае более широкая роль парламента в международном пространстве может варьироваться, по разным экспертным оценкам, в зависимости от трёх параметров: исторических традиций национального парламентаризма, характеристик политической системы страны и общего положения государства на мировой арене.

С учетом обострения и поляризации традиционной системы международных отношений и жесткой обособленности инструментов официальной дипломатии, все чаще опирающейся на оказывающиеся более конкурентоспособными механизмы дипломатии, мировая политика активно нуждается в инновационных форматах ведения диалога. Парламентские инициативы обладают высоким потенциалом консолидации государственных усилий по формированию объективного представления о России в зарубежном медиа пространстве и общественного запроса на трансляцию существующих мнений и оценок по актуальным международным проблемам.

С течением времени потенциал и ресурсы парламентской дипломатии постоянно увеличиваются. Востребованность её велика уже сегодня и в будущем будет только расти. Связано это, в первую очередь, с тем, что именно парламентарии помогают преодолеть отчуждение «государственной власти» от своих граждан, решить проблему «демократического дефицита», т.е. недоверия граждан к деятельности структур государственного управления, ассоциируемых с консервативной и оторванной от повседневных нужд людей бюрократией. Лучшими практиками парламентской дипломатии уже являются помощь в разрешении конфликтов, поддержание связей с политическими силами в государстве, дипломатические отношения с которым находятся в кризисе, формирование если не позитивного,

то более взвешенного и объективного представления о своей стране, влияние на общественное мнение за границей [1].

Парламентская дипломатия включает в себя как элементы официальной дипломатии, так и элементы общественной дипломатии, поскольку в своей деятельности парламентарии представляют избравшие их общества. Члены парламента являются легитимными представителями своих стран, избранными в рамках демократических механизмов и представляющими интересы широких слоев населения.

Парламентские структуры выполняют в области международной деятельности несколько важных функций, таких как: законотворческая, контрольная, организационная и публично-представительская. Парламентская дипломатия играет существенную роль в мониторинге международной деятельности исполнительной власти, помогая министрам и государственным служащим за многообразием текущих проблем не потерять перспективу национального развития. Обеспечение международной безопасности является одной из основных сфер применения парламентской дипломатии.

Национальные парламенты, а также такие структуры межпарламентского сотрудничества, как ПА ОБСЕ, ПАСЕ, ПА ОДКБ, МПА СНГ играют важную роль в обеспечении национальной безопасности, энергетической, экономической и гуманитарной безопасности, защиты окружающей среды и водных ресурсов, безопасности на дорогах. Парламенты государств, выполняя свои ключевые функции, все активнее участвуют в процессе принятия решений в сфере безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Парламентская дипломатия связана с реализацией основных принципов международного права и Устава ООН, выполнением международных обязательств государства, заключением имплементацией международных договоренностей, использованием норм дипломатического протокола, созданием и функционированием межпарламентских организаций и объединений, их сотрудничеством с межгосударственными и межправительственными структурами, продвижением в жизнь внешнеполитических инициатив государств, защитой интересов бизнес-сообщества и т.д.

В современном мире парламентская дипломатия может привнести дополнительный вклад в международную стабилизацию, особенно с точки зрения возможного преодоления напряженных ситуаций между странами посредством формирования транснациональных групп на основе идеологических соображений, что может ограничить ультранационалистические тенденции и делать проще поиск компромиссов. Межпарламентские организации глобального масштаба и региональные объединения парламентов по праву заняли свое место среди акторов современной мировой политики, поскольку парламентский компонент межгосударственных связей остаётся важным фактором в решении большинства актуальных проблем [6].

В России акторами парламентской дипломатии являются обе палаты Федерального Собрания Российской Федерации – Совет Федерации и Государственная Дума. Особым образом в прежние годы вопрос об институционализации парламентской дипломатии в Российской Федерации никогда не ставился. Само понятие периодически звучало как в высказываниях отдельных депутатов, так и в оценках СМИ, освещающих международные контакты парламента.

Все свои семь созывов Государственная Дума играет важную роль в проведении внешней политики России, в развитии международных связей в различных сферах и на различных институциональных уровнях, однако именно в последние два года эта работа приобретает заметный системный характер. Обе палаты Федерального Собрания упомянуты в утверждённой Президентом Путиным 30 ноября 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации, где на них помимо законодательного обеспечения внешнеполитического курса страны и выполнения международных обязательств Российской Федерации возложена задача как раз способствовать повышению эффективности парламентской дипломатии [8].

Практика парламентской дипломатии всё активнее выходит за рамки протокольных мероприятий сугубо комитетов по международным делам – и руководство палат Федерального Собрания (во главе с обоими спикерами), и весь депутатский корпус включаются в прямой диалог со своими зарубежными коллегами, совершают рабочие поездки как в ближнее, так и в дальнее зарубежье, проводят встречи с представителями властей и гражданского общества разных стран, артикулируют новые идеи и механизмы разрешения различных международных проблем.

Представители зарубежных государств посещают российский парламент – и вновь линия нацелена не столько на исключительно поддержку существующих связей, сколько на расширение сотрудничества, поиск решений для имеющихся проблем.

Важной чертой нынешней парламентской дипломатии России является ее связь с решением конкретных, насущных вопросов. Депутаты Государственной Думы переносят практику разрешения жизненных коллизий рядовых граждан на международный уровень – особенно это востребовано в становлении механизмов региональной интеграции на евразийском пространстве. Парламентарии выступают эффективными инициаторами необходимой политической воли для решения такого рода проблем, поскольку, во-первых, являются представительной властью, а во-вторых, наиболее близки к нуждам и заботам рядовых граждан, своих избирателей, от которых получают обращения и наказания.

Рассматривая внешнеполитическую деятельность казахстанских парламентариев необходимо отметить, что она превратилась в один из важных факторов международной политики. Депутаты, будучи представителями народа и обладая особым статусом, играют все большую роль

в защите и продвижении национальных интересов на мировой арене. Казахстанские парламентарии в рамках своей международной деятельности вносят вклад в укрепление международных позиций и авторитета страны, которым она заслуженно пользуется сегодня благодаря активной, последовательной работе отечественной дипломатии во главе с Первым Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым.

Тенденция к усилению роли парламентской дипломатии наглядно проявляется в рамках работы многосторонних межпарламентских структур. К примеру, депутаты Парламента Республики Казахстан активно участвуют в заседаниях Парламентской ассамблеи ОБСЕ, где законодатели государств – участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе обсуждают самые актуальные вопросы в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах [4]. Дискуссии охватывают весьма широкий круг региональной и международной проблематики, демонстрируя степень вовлеченности законодателей в международную жизнь государств.

Итоги дебатов отражаются в декларациях и резолюциях, принимаемых путем голосования на ежегодной сессии ассамблеи. Также в течение года проводятся осенние и зимние заседания, конференции и семинары с участием парламентариев, экспертов и представителей гражданского общества. Помимо этого, ассамблея направляет своих членов в миссии по наблюдению за выборами в государствах – участниках ОБСЕ, в том числе и в Казахстан.

Члены Парламентской ассамблеи были одними из активных сторонников Казахстана при избрании на пост председателя ОБСЕ. Еще в 2008 г. в Астане была проведена ее ежегодная сессия, которая стала первым мероприятием ассамблеи такого масштаба в Центральной Азии. Депутаты из стран ОБСЕ дали высокую оценку уровню организации форума, особо отметив участие и содержательное выступление Президента Н.А. Назарбаева. Итоги работы саммита ОБСЕ 2010 г., в котором также приняло участие руководство Парламентской ассамблеи, открыли «второе дыхание» в работе ОБСЕ и заложили основу деятельности организации в XXI веке. Астанинская юбилейная декларация стала основным документом «сообщества ОБСЕ», в том числе ее Парламентской ассамблеи.

В целях укрепления статуса надежного и авторитетного члена этой организации депутаты Парламента Казахстана продолжают регулярно принимать участие в мероприятиях Парламентской ассамблеи, поддерживая доверительные партнерские отношения с коллегами из стран ОБСЕ. Выступая на заседаниях форума, они информируют членов ПА ОБСЕ о международных инициативах Главы государства, приоритетах внешней и внутренней политики Казахстана, ситуации в Центрально-Азиатском регионе.

Парламентская делегация страны была представлена на всех заседаниях ассамблеи и провела ряд двусторонних встреч с руководством ПА ОБСЕ, ее секретариата, а также руководителями и членами других национальных делегаций. В ходе беседы с казахстанскими депутатами европейские коллеги

интересовались текущей ситуацией в стране, ходом реформы уголовного и административного законодательства, обстановкой в Центрально-Азиатском регионе и планами на будущее.

Таким образом, на сегодня Парламентом Казахстана ведется активная, целенаправленная работа по продвижению политического диалога с международным парламентским сообществом, разъяснению приоритетов государственной политики и международных инициатив нашей страны. Депутаты Парламента, несомненно, продолжат работу над усилением парламентской дипломатии в целях качественной реализации Концепции внешней политики и Стратегии Главы государства «Казахстан-2050» [2].

Развитие межпарламентского диалога является важной основой укрепления взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Благодаря тесным рабочим контактам удавалось оперативно обмениваться информацией и находить взаимопонимание во время различных политических и социально-экономических процессов в странах. За все годы сотрудничества парламентарии двух стран всегда выражали заинтересованность в обмене опытом. Даже глобальный финансово-экономический кризис, сложная геополитическая ситуация в мире не повлияли на интенсивность межпарламентских связей. Данный факт внушает оптимизм и для развития будущих тесных контактов, поскольку взаимодействие законодательных органов дает стимул диалогу между государствами, обсуждению животрепещущих проблем. Сегодня такое сотрудничество как никогда крайне актуально.

Доверительные, дружественные политические и экономические связи, которые существовали и существуют между Россией и Казахстаном, сложились и благодаря многоуровневым межпарламентским контактам. Существующая солидная договорно-правовая база, затрагивающая разные стороны межгосударственного взаимодействия, является показателем высокого уровня сотрудничества и результатом многолетней работы депутатов и специалистов обеих палат как российского, так и казахстанского парламента. Парламентарии двух стран демонстрируют понимание и совпадение точек зрения по самым актуальным вопросам международной проблематики региональной и глобальной повестки дня. Конечно, во многом благодаря законодательным органам государств налажено тесное взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Договора о коллективной безопасности.

Следует отметить, что наблюдается последовательный рост уровня, интенсивности межпарламентских связей. В 90-х годах прошлого столетия они осуществлялись в основном в рамках таких международных организаций как Межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ, Межпарламентский Комитет стран Таможенного союза, Межпарламентский союз и Парламентская ассамблея ОБСЕ. Но с начала нового столетия

взаимодействие законодательных органов претерпело качественные изменения: визиты делегаций разных уровней; заседания круглых столов и конференций, посвященных обсуждению актуальных межгосударственных вопросов; контакты во время встреч руководителей парламентов государств-участников ШОС стали более насыщенными и конкретными. В ноябре 2006 г. в Санкт-Петербурге было подписано Соглашение о сотрудничестве между Советом Федерации РФ и Сенатом Парламента Казахстана, в соответствии с которым была сформирована Парламентская группа по сотрудничеству между двумя верхними палатами законодательного органа государств.

С учетом актуальности развития межпарламентского взаимодействия, Парламентская группа решила ввести в практику проведение рабочих встреч сопредседателей в период между заседаниями. При этом руководители законодательных органов проводят встречи, где рассматривают вопросы укрепления межпарламентских связей, дальнейшего расширения двустороннего сотрудничества, предложения по развитию модельного законодательства стран СНГ. Более того, в Государственной Думе РФ даже была создана специальная группа по связям с Парламентом Республики Казахстан, которая считается одной из самых многочисленных, куда входят несколько десятков депутатов.

Примечательно, отдельной страницей в истории межпарламентских связей можно считать взаимодействие между крупнейшими партиями Госдумы и Мажилиса – «Единая Россия» и «Нур Отан», которые в своих странах пользуются поддержкой основной части населения. Их рабочий диалог начался с марта 2006 года, когда был подписан меморандум о сотрудничестве. Кроме того, между молодежными отделениями данных политических партий – «Молодой гвардией Единой России» и «Жас Отан» – тоже были установлены тесные контакты взаимодействия [7].

Вместе с тем существуют и другие примеры межпарламентского сотрудничества. На выборах Президента Республики Казахстан, а также депутатов Мажилиса Парламента неоднократно в качестве международных наблюдателей от Содружества Независимых Государств находилась делегация Совета Федерации РФ, которая каждый раз подчеркивала открытость и прозрачность проведенных выборов.

Парламентская дипломатия России и Казахстана внесла весомый вклад в формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Многими экспертами отмечается существенный вклад парламентов стран ЕАЭС части институционализации данного объединения и продолжающейся планомерной работы по гармонизации национальных законодательств стран-членов с целью обеспечения единого экономического пространства для свободной торговли и повышения уровня интеграции, что также будет продолжаться и на парламентском треке.

Межпарламентский диалог способствует установлению благоприятного климата в межстрановых отношениях, укреплению взаимного

доверия, формированию правовой базы сотрудничества. Именно он призван придать должную глубину взаимодействию между государствами. Механизмы межпарламентского общения доказывают свою востребованность, в то время как парламентская дипломатия обретает особый многогранный смысл, оставаясь при этом эффективным выразителем воли гражданского общества, равноправным партнером государства в развитии международного диалога. На наш взгляд, взаимодействие стран по законодательной линии вносит весомый вклад в поддержание доверительных контактов в решении многих актуальных вопросов.

Таким образом, российско-казахстанский межпарламентский диалог является одним из важнейших каналов сотрудничества двух стран. Парламентарии активно взаимодействуют как в двустороннем формате, так и в рамках международных региональных организаций. В течение последних лет депутаты двух стран неоднократно встречались в Москве, Санкт-Петербурге, Астане. По мнению некоторых экспертов, межпарламентские связи между Россией и Казахстаном и в ближайшие годы будут развиваться в том же позитивном ключе, так как наблюдается обоюдное желание сохранения сложившихся дружественных контактов.

Список литературы

1. Значение парламентской дипломатии России будет неуклонно возрастать. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/13844/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2020).
2. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2020).
3. Лихачев В. Парламентская дипломатия / В. Лихачев // Международная жизнь – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/122>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2020).
4. Парламентская дипломатия в действии // Казахстанская правда. – Режим доступа: <https://www.kazpravda.kz/news/sport/parlamentskaya-diplomatiya-v-deistvii>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2020).
5. Стратегия «Казахстан-2050». – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2020).
6. Развитие парламентской дипломатии и дипломатии местных сообществ. – Режим доступа: <http://ast.social/185-2010-12-03-10-52-09.html> свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2020).
7. Расширение взаимодействия между партиями «Единая Россия» и «Нур Отан» Информ-24: Парламентские новости. – Режим доступа: <http://inform-24.com/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2020).
8. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2020).

ОСОБЕННОСТИ, ПРЕДПОСЫЛКИ И РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ США И КИТАЕМ

Михайлова Елена Александровна, кандидат социологических наук,
доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: elmikh@mail.ru

Кучмар Кирилл Игоревич, студент
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: kirillku4mar24@gmail.com

В статье рассматриваются факторы, которые привели к обострению внешнеторговых связей между США и Китаем. Систематизирована хронология событий конфликта и рассмотрены особенности принятия решений. Американская сторона обвиняет Китай в недобросовестной торговой практике, а китайская сторона критикует США за то, что они оценивают рост КНР, как угрозу своей национальной безопасности и гегемонии США на мировой арене. Затянувшийся конфликт может негативно обернуться для экономик обеих стран, для Китая есть угроза переориентирования компаний на ведение бизнеса в другие страны, а США будут вынуждены импортировать более дорогие товары и услуги. На сегодняшний день конфликт не разрешен, большая часть тарифов всё ещё действует, но обе стороны ожидают соблюдение обязательств своих партнеров по январскому соглашению, которые теперь необходимо выполнить в условиях общемировой пандемии COVID-19 и перейти к следующим этапам разрядки между странами.

Ключевые слова: Китай, США, международные отношения, внешнеторговый конфликт, национальная безопасность

FEATURES, PREREQUISITES AND DEVELOPMENT OF THE FOREIGN TRADE CONFLICT BETWEEN THE UNITED STATES AND CHINA

Mikhailova Yelena A., Ph.D. (Sociology), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: elmikh@mail.ru

Kuchmar Kirill I., student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: rkirillku4mar24@gmail.com

In the article, the author examines what factors led to the aggravation of foreign trade relations between the United States and China. The author systematized the chronology of the conflict events, and also considered the features of making these decisions. The US side accuses China of unfair trade practices, and the Chinese side criticizes the US for assessing the growth of the PRC as a threat to its national security and US hegemony on the world stage. The prolonged conflict may negatively affect the economies of both countries, China faces the threat of reorienting companies to do business in other countries, and the United States will be forced to import more expensive goods and services. To date, the conflict has not been fully resolved, most of the tariffs are still in effect, but both sides expect to meet the obligations of their partners under the January agreement, which now need to be fulfilled in the context of the global COVID-19 pandemic and move to the next stages of detente between the countries.

Keywords: China, the United States, international relations, foreign trade conflict, national security

Объявление о введении санкций против Китая на основании статьи 301 Закона о торговле США в марте 2018 года вызвало эскалацию торгового спора между США и Китаем. Основными факторами, ведущими к торговой войне, являются неудовлетворенность США «несправедливой торговой политикой» Китая, отражение его политических и экономических систем, которые сильно отличаются от западных, и подъем Китая, к которому США относятся как к угрозе своей гегемонии на международной арене. Торговая война означает сдвиг политики США в отношении Китая от вовлеченности к разъединению, что включает ограничение торговых и инвестиционных потоков, а также технологий и людей между двумя странами.

В частности, сдерживание передачи технологий в Китай стало важной политикой для США, направленной на сдерживание роста Китая. США укрепляют свою систему проверки национальной безопасности в отношении иностранных инвестиций, что создает Китаю все больше трудностей для импорта технологий путем приобретения американских компаний. В то же время также ужесточает ограничения на американские компании, ведущие бизнес с некоторыми высокотехнологичными компаниями в Китае, особенно с Huawei. Поскольку центр споров между двумя странами смещается от вопросов, связанных с торговлей, к проблемам, связанным с технологиями, торговая война переросла в технологическую войну.

Продолжающаяся торговая война между Китаем и США будет иметь негативные последствия для обеих экономик. Китай должен увидеть резкое сокращение прямых иностранных инвестиций, поскольку транснациональные корпорации переносят свои бизнес в другие страны, а также снижаются потенциальные темпы экономического роста, поскольку Китай теряет преимущество, которое позволяло ему ранее дешево импортировать технологии из-за рубежа. С другой стороны, США не только потеряют

свою долю на китайском рынке, но и будут вынуждены импортировать более дорогие товары и услуги. В долгосрочной перспективе мировая экономика сталкивается с риском распада на два экономических блока, сосредоточенных на двух основных державах, что оказывает негативное влияние на глобальный экономический рост.

Причиной торговой войны между США и Китаем стал конфликт интересов. Американская сторона обвиняет Китай в недобросовестной торговле, а китайская сторона критикует США за то, что они оценивают рост КНР, как угрозу своей национальной безопасности. США обвиняет Китай в несоблюдении торговых принципов установленных Всемирной торговой организацией (ВТО) – открытости и ведущей роли рынка. США пропагандируют точку зрения в отношении Китая как недобросовестного торгового партнера. Отвечая на критику со стороны США, « Народная газета», представляющая официальный взгляд Коммунистической партии Китая, ответила, что реальный мотив США в ведении торговой войны состоит в том, чтобы сдерживать Китай как претендента на гегемонию США, и заявила, что представление о Китае как о нечестном торговце беспочвенно и не более чем оправдание.

В Отчёте стратегии национальной безопасности (2017 г.), подготовленном администрацией Трампа подчеркивается, что экономическая безопасность является основой национальной безопасности, а Китай и Россия названы «стратегическими конкурентами». В отчёте отмечается: «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаются подорвать американскую безопасность и процветание. Они полны решимости сделать экономику менее свободной и менее справедливой, увеличить численность своих военнослужащих и контролировать информацию» [1].

Основываясь на этих суждениях, администрация Трампа изменила свою политику в отношении Китая с взаимодействия на эскалацию. В основе прежней политики участия было полное принятие Китая в качестве члена международного сообщества и поддержка экономического развития Китая, в надежде, что страна постепенно перейдет к более демократической форме правления. Напротив, разъединение направлено на то, чтобы не дать Китаю угрожать лидерству США в мире, ограничивая его поведение и экономический рост с помощью таких мер, как повышение импортных тарифов на китайскую продукцию, ограничение экспорта высокотехнологичной продукции в Китай и усиление ограничений на прямые инвестиции в США китайскими компаниями.

Президент США Дональд Трамп, который баллотировался в 2016 году на протекционистской платформе, сыграл ключевую роль в ведении продолжающейся торговой войны против Китая. Выполняя свои предвыборные обещания, он выпустил меморандум, в августе 2017 года, предписывающий Управлению торгового представительства США (USTR) проводить расследования в отношении действий, политики и практики Китая

в отношении передачи технологий, интеллектуальной собственности и инноваций в соответствии со статьей 301 Закона о торговле.

Отчет о расследовании, опубликованный 22 марта 2018 года, является резкой критикой в отношении Китая. Что примечательно в отчете, так это то, что основное внимание уделяется проблеме передачи технологии, а не торговому дисбалансу.

В отчете приводятся следующие четыре пункта:

Во-первых, Китай использует ограничения иностранного владения, в том числе требования к совместным предприятиям, ограничения капитала и другие инвестиционные ограничения, чтобы требовать или оказывать давление на передачу технологий от американских компаний китайским предприятиям. Китай также использует процедуры административного анализа и лицензирования, чтобы требовать или оказывать давление на передачу технологий, что, в частности, подрывает ценность инвестиций и технологий США и ослабляет глобальную конкурентоспособность американских компаний.

Во-вторых, Китай накладывает существенные ограничения и вмешивается в инвестиции и деятельность американских фирм, в том числе посредством ограничений условий лицензирования технологий. Эти ограничения лишают владельцев технологий США возможности торговаться и устанавливать рыночные условия передачи технологии. В результате американские компании, стремящиеся лицензировать технологии, должны делать это на условиях, которые несправедливо благоприятствуют китайским получателям.

В-третьих, Китай направляет и содействует систематическому инвестированию и приобретению американских компаний и активов китайскими компаниями для приобретения передовых технологий и интеллектуальной собственности и для осуществления крупномасштабной передачи технологий в отраслях, которые считаются важными в промышленных планах правительства Китая.

Наконец, Китай осуществляет и поддерживает несанкционированные вторжения в компьютерные сети американских компаний и их кражу. Эти действия предоставляют китайскому правительству несанкционированный доступ к интеллектуальной собственности, коммерческим секретам или конфиденциальной деловой информации, включая технические данные, позиции на переговорах, а также поддерживают стратегические цели развития Китая, включая его науку и технологии, продвижение, военную модернизацию и экономическое развитие [2].

В свете «недобросовестной торговой политики» Китая, показанной в отчете, президент Трамп подписал меморандум, направляющий следующие действия: введение тарифов на китайские товары, подача иска в ВТО против Китая за дискриминационную практику лицензирования, а также на ограничение инвестиций Китая в ключевые технологические сектора.

В ответ 23 марта 2018 года Управление торгового представительства USTR инициировало процедуры урегулирования споров в рамках ВТО

и обратилось с просьбой о двусторонних консультациях с Китаем в качестве первого шага. 3 апреля Управление USTR объявило о плане санкций, который предусматривает введение дополнительных тарифов в размере 25 % на 1300 наименований товаров, импортируемых из Китая, включая высокотехнологичную продукцию на сумму 50 миллиардов долларов. На следующий день Китай ответил, выразив готовность ввести дополнительные тарифы в размере 25 % в ответ на 106 наименований товаров, импортируемых из США, включая соевые бобы и автомобили [3]. В свете заявления Китая, которое американская сторона расценила как неоправданный ответный удар, президент Трамп немедленно приказал Управлению USTR рассмотреть вопрос о том, следует ли увеличить импорт США из Китая в соответствии с новыми тарифами.

К сентябрю 2018 года обе стороны внедрили три раунда дополнительных тарифов.

С одной стороны, общие тарифы США, применяемые исключительно к Китаю, составили 250 млрд долларов, что эквивалентно примерно половине импорта США из Китая в 2017 году. Для первых двух раундов 6 июля и 23 августа 2018 года тарифы на общую сумму 50 млрд долларов США с тарифной ставкой 25 %. 24 сентября 2018 года тарифы для третьего раунда на сумму 200 млрд долл. США с тарифной ставкой 10 %.

С другой стороны, общие тарифы Китая, применяемые исключительно к США, составили 110 миллиардов долларов, что эквивалентно примерно 70 % импорта Китая из США в 2017 году. В рамках первых двух раундов тарифы составили 50 миллиардов долларов с тарифной ставкой 25 %. Ответный третий раунд ввел тарифы на сумму 60 млрд долларов с тарифной ставкой 5 % и 10 %.

В качестве важного шага к примирению на встрече президента США Дональда Трампа и президента Китая Си Цзиньпина, состоявшейся 1 декабря 2018 года в кулуарах саммита G-20 в Буэнос-Айресе, США дали Китаю 90-дневную отсрочку до 1 марта 2019 года от дополнительных импортных тарифов. 24 февраля 2019 года президент Трамп объявил, что он продлит перемирие 1 марта в торговых соглашениях, сославшись на прогресс в торговых переговорах, что вселяет надежду на то, что в ближайшее время может быть заключена окончательная сделка по прекращению торговой войны.

Однако эта надежда была обманута, когда 5 мая 2019 года президент Трамп неожиданно объявил о планах повышения дополнительной тарифной ставки, наложенной на 200 миллиардов долларов китайских товаров, покрываемых в третьем раунде, с 10 до 25 %, которая была отложена дважды, на том основании, что Китай отказался от своих обязательств на предыдущих переговорах. Новое повышение тарифов было осуществлено 10 мая, когда в Вашингтоне проходили экономические и торговые переговоры на высоком уровне. В ответ Китай объявил 13 мая, что он также повышает дополнительную тарифную ставку с 10 до 25 % для товаров

на 60 млрд долл. США, на которые распространяется его третий раунд тарифов, начиная с 1 июня. В тот же день Управление USTR опубликовало новый список товаров на сумму около 300 миллиардов долларов, который может быть предметом предполагаемого 25 % повышения тарифов.

Вице-премьер Лю Хе, главный переговорщик Пекина, сказал группе журналистов после того, как 10 мая торговые переговоры завершились без сделки, что между Китаем и США существует три основных спорных вопроса. Во-первых, США должны снять все дополнительные тарифы, наложенные на Китай. Во-вторых, цели, установленные США для китайских закупок, должны соответствовать реальным требованиям. В-третьих, текст любой сделки должен быть «сбалансированным», чтобы обеспечить «достоинство» обеих стран.

На встрече между президентом США Дональдом Трампом и президентом Китая Си Цзиньпином, состоявшейся 29 июня 2019 года в кулуарах саммита G-20 в Осаке, было решено, что США отложат свой план введения дополнительных тарифов на 300 миллиардов долларов на импорт из Китая, и торговые переговоры на высоком уровне в ближайшее время будут возобновлены. Тем не менее, торговая война снова обострилась 1 августа 2019 года, когда президент Трамп отступил от своего обещания и объявил, что дополнительные пошлины в размере 10 % будут наложены на продукты стоимостью в 300 миллиардов долларов, импортируемых из Китая, на которые распространяется четвертый раунд от 1 сентября 2019 года, хотя внедрение некоторых новых тарифов было позднее перенесено на 15 декабря 2019 года. Китай принял ответные меры, объявив 23 августа о своем собственном четвертом раунде тарифов, охватывающих товары США на сумму 75 млрд долл. США. Однако впоследствии четвертый раунд тарифов все еще не состоялся.

Торговый конфликт между США и Китаем перешел от вопросов, связанных с торговлей, к вопросам, связанным с технологиями. В частности, чтобы удержать китайские компании от приобретения передовых технологий через прямые инвестиции в США, включая слияния и поглощения, правительство США усиливает свою систему проверки национальной безопасности для прямых инвестиций иностранных компаний.

В США межведомственный комитет под названием Комитет по иностранным инвестициям в США (CFIUS) отвечает за мониторинг прямых иностранных инвестиций на основе Закона об иностранных инвестициях и национальной безопасности 2007 года (FISIA). По закону CFIUS уполномочен рассматривать риски национальной безопасности, которые могут возникнуть в результате слияний и поглощений, в результате которых иностранные компании стремятся приобрести контроль над американскими компаниями. Если CFIUS считает, что иностранные инвестиции в американскую компанию представляют угрозу для национальной безопасности

США, CFIUS рекомендует «смягчающие меры», и если они не будут приняты, могут привести к отзыву заявки.

В качестве еще одного шага на пути к ограничению передачи технологий в Закон о государственной обороне (NDAA), подписанный президентом Трампом 13 августа 2018 года, содержится Закон о модернизации обзора рисков иностранных инвестиций (FIRRMA) от 2018 года, который укрепляет авторитет CFIUS и Закон о реформе экспортного контроля (ECRA) от 2018 года, который предусматривает меры противодействия передаче важнейших технологий США в другие страны. Хотя ни одна конкретная страна не была указана, широко распространено мнение, что эти новые законы «разработаны специально для Китая».

Некоторые китайские высокотехнологичные компании, в частности два гиганта телекоммуникационного оборудования – Huawei и ZTE, сталкиваются с непреодолимыми препятствиями, даже в районах за пределами юрисдикции CFIUS, при ведении бизнеса в США.

США публично восприняли компанию Huawei, крупнейшего в мире поставщика телекоммуникационных сетей, второго по величине производителя смартфонов и лидера в технологии 5G, как угрозу национальной безопасности с 2012 года, сославшись на риски, связанные с пропуском своего оборудования в сети связи США, которые китайское правительство будет использовать в качестве шпионской платформы. Правительство США предприняло ряд шагов, чтобы заблокировать фирму на рынках США, включая запрет на продажу ее оборудования государственным органам.

15 мая 2019 года Министерство торговли США добавило Huawei и 68 филиалов в свой список организаций, в который входят физические и юридические лица, на которые распространяются особые лицензионные требования для экспорта, реэкспорта и / или передачи в страну указанных товаров. Этот шаг фактически запрещает Huawei покупать детали и компоненты у американских компаний без одобрения правительства США. В тот же день президент Трамп подписал распоряжение, запрещающее американским компаниям использовать телекоммуникационное оборудование, изготовленное фирмами, представляющими риск для национальной безопасности, что открыло путь для запрета вести бизнес с Huawei. 19 августа 2019 года еще 46 филиалов Huawei были добавлены в список запрещенных организаций [4].

Запрет США на Huawei нанесет ущерб не только Huawei, но и его поставщикам по всему миру, многие из которых являются американскими компаниями. Из 70 миллиардов долларов, которые Huawei потратила на закупку компонентов в 2018 году, около 11 миллиардов долларов пришлось на американские фирмы, включая Qualcomm, Intel и Micron Technology. Опасения по поводу негативного влияния на их прибыльность вызвали резкое снижение цен на акции этих компаний после объявления от 15 мая 2019 года.

Помимо Huawei, ZTE – второй по величине производитель телекоммуникационного оборудования в Китае, является еще одной целью

санкций США. Министерство торговли США впервые добавило ZTE в список организаций в марте 2016 года за предполагаемые нарушения законов США о санкциях и экспортном контроле. Транзакции с участием ZTE были разрешены только на основании серии временных лицензий, чтобы минимизировать вредные последствия этого воздействия. В марте 2017 года ZTE был исключен из Списка организаций на основании 7-летнего приостановленного приказа об отказе при условии, что он согласится признать себя виновным и выплатить комбинированный штраф в размере до 1,19 млрд долларов США. Затем, в апреле 2018 года, Министерство торговли активировало приостановленный приказ об отказе на основании очевидных ложных заявлений, сделанных ZTE. В результате компания стала отрезанной от поставок американских деталей и компонентов, необходимых для производства своей продукции.

15 января 2020 года США и Китай подписали долгожданную торговую сделку первого этапа в Вашингтоне. Во время церемонии подписания в Белом доме президент США Дональд Трамп объявил о сделке как о «важном шаге, который никогда ранее не был достигнут с Китаем в направлении справедливой и взаимной торговли». Вице-президент Китая ЛюХэ, в свою очередь, передал послание президента Китая Си Цзиньпина, который оценил торговую сделку как знак того, что две страны могут разрешить свои разногласия путем диалога. Таким образом, наиболее важным аспектом заключения сделки было ощущение избавления от дальнейшей тупиковой ситуации или продолжительной неопределенности, а также ощущение движения вперед к более конструктивным изменениям в способах ведения бизнеса в обеих странах [5].

В рамках сделки Китай взял на себя обязательство увеличить свой импорт из США на 200 млрд долларов по сравнению с уровнем 2017 года, увеличив закупки в сельском хозяйстве на 32 млрд долларов, в производстве на 78 млрд долларов, энергии на 52 млрд долларов и услуг на 38 млрд долларов. Помимо этого, Китай согласился принять меры против контрафакта продукции и упростить для компаний возможность возбуждать судебные иски в связи с хищением коммерческой тайны. В обмен на это США согласились вдвое сократить некоторые новые тарифы, которые были наложены на китайские товары [6].

По мнению некоторых экспертов, наибольшие препятствия еще впереди и некоторые спорные моменты не вошли в первый этап, которые могут помешать заключению второго этапа соглашения.

Сделка первого этапа не затрагивает амбициозную программу Пекина «Сделано в Китае до 2025 года», которая призвана помочь китайским компаниям преуспеть и стать лидерами мирового уровня в области новых технологий. Вашингтон рассматривает «Сделано в Китае до 2025» как прямую угрозу своему господству в технологиях, заявляя, что китайские компании догнали американские и иногда опережают их, только потому что они

получают несправедливую и чрезмерную помощь от китайского правительства в форме субсидии. Пекин утверждает, что не считает несправедливым субсидирование этих отраслей или компаний, но реальность такова, что Китай не собирается так легко отказаться от господства в этих секторах.

Торговая сделка не уменьшит давления США на Huawei. Китайская фирма стала символом соперничества между США и Китаем, и Вашингтон лоббирует своих союзников, включая Великобританию, не использовать технологические услуги 5G компании Huawei в критической инфраструктуре связи, утверждая, что Пекин может использовать ее для слежки за клиентами.

В рамках первого этапа был разработан механизм разрешения споров, который требует, чтобы Китай, после того, как была подана жалоба на кражу интеллектуальной собственности начал консультации с США, а Пекин должен был его разрешить этот вопрос. Но что остается в стороне, так это как США будут за этим следить. Американские фирмы не любят сообщать о краже интеллектуальной собственности, а единственный механизм, который использует США по этому вопросу – консультации с компаниями.

Сделка не включает в себя четкие сроки, когда действующие тарифы будут снижаться. По общему признанию, администрация Трампа оставила угрозу тарифов на месте как рычаг, чтобы победить Китай – в случае, если Пекин не выполнит свои обязательства.

Торговая война между Китаем и США, переросла в технологическую войну, – это война без победителя, которая наносит огромный ущерб обеим сторонам.

Затянувшаяся торговая война с США может снизить потенциальные темпы экономического роста Китая. Чтобы избежать дополнительных расходов, связанных с повышением тарифов в США на китайские товары, некоторые транснациональные корпорации переместят свои бизнес-операции из Китая в Юго-Восточную Азию и другие регионы. Более того, действия правительства США по ужесточению ограничений на приобретение китайских компаний высокотехнологичных компаний США могут замедлить темпы роста производства в Китае.

Торговая война США с Китаем является игрой с отрицательной суммой, которая также вредит самим США. Китай является не только второй по величине экономикой в мире, но и ядром глобальных цепочек поставок. В дополнение к товарам конечного потребления, промежуточные товары, такие как детали и компоненты, составляют большую долю торговли США с Китаем и производства американских компаний в Китае. Поскольку ограничения на ведение бизнеса с Китаем становятся все более жесткими, все больше и больше американских компаний вынуждены переводить свои операции из Китая в другие страны в ущерб эффективности. В результате США не только потеряют свою долю рынка в Китае, но и будут вынуждены импортировать более дорогие товары.

Торговая война между Китаем и США также омрачила мировую экономику. Усилия США по разъединению себя и своих союзников с Китаем могут привести к распаду мировой экономики на два основных экономических блока, сосредоточенных соответственно на США и Китае. Поскольку потоки капитала, товаров, технологий, людей и информации между ними жестко регулируются, транснациональные корпорации больше не могут оптимизировать распределение ресурсов путем глобальных инвестиций, и придется адаптировать цепочки поставок для адаптации к новой среде.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что первый этап соглашения – это начало пути разрешения конфликта между двумя самыми большими экономиками мира. Затянувшийся конфликт может негативно обернуться для экономик обеих стран, для Китая существует угроза переориентирования компаний на ведения бизнеса в другие страны, а США будут вынуждены импортировать более дорогие товары и услуги. На сегодняшний день конфликт до конца не разрешен, большая часть тарифов всё ещё действует, но обе стороны ожидают соблюдение обязательств своих партнеров по январскому соглашению, которые теперь необходимо выполнить в условиях общемировой пандемии COVID-19 и перейти к следующим этапам разрядки между странами.

Список литературы

1. Супян В. Б. Американско-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы / В. Б. Супян // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 9. – С. 24-31.
2. Congressional Research Service. Wayne M. Morrison. US-China Trade Issues. – Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. 中美贸易战，中国态度坚决，初战告捷. – Режим доступа: <http://news.cctv.com/m/a/index.shtml?id=ARTIcLJ6SOCAFPWaRky4tCG1180405>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. кит.
4. Huawei назвала политически мотивированным решение США внести 46 «дочек» в черный список – Режим доступа: (<https://tass.ru/ekonomika/6777776>), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Бочков Д. «Торговая война Китая и США: худой мир лучше доброй ссоры» – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/torgovaya-voyna-kitaya-i-ssha-khudoy-mir-luchshe-dobroy-ssory/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Economic and trade agreement between the United States and China. – Режим доступа: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ФОРМИРУЕМОГО ПРОСТРАНСТВА БОЛЬШОГО КАСПИЯ

Энверова Камилла Евгеньевна, студентка
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: kamillaenverova@mail.ru

В статье анализируются вопросы внешней политики прикаспийских государств. Устанавливаются три зоны политического влияния в Каспийском регионе: по территориальной, смежной и внешней включенности. Рассматривается дипломатическое поведение каждого государства. Описываются причины и даются вероятные прогнозы происходящей ситуации в Каспийском регионе.

Ключевые слова: геополитическое влияние, Каспийский регион, энергетические ресурсы, политический мотив, экономическая мощь

DIPLOMATIC RELATIONS OF THE GENERATED CASPIAN AREA

Enverova Kamilla E., student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: kamillaenverova@mail.ru

The article analyses the foreign policy issues of the Caspian coastal and sub-coastal states. Three zones of political influence are established in the Caspian region. They include: territorial, adjacent and external involvement. The diplomatic manners of each state are considered over. The manner reasons are described and probable forecasts of the current situation in the Caspian region are given.

Keywords: geopolitical influence, Caspian region, energy resources, political motive, economic strength

На современном этапе становления международных геополитических и экономических отношений существует тенденция интеграции стран с тесными социально-экономическими связями. Наблюдаемый процесс преследует ряд политических интересов, имеющих отношение к максимизации эффективности единого рынка, урегулированию конфликтных ситуаций, повышению благосостояния и качества жизни населения. Актуальность данной статьи обусловлена многоплановостью дипломатических отношений современных интеграционных процессов, устанавливаемых между несколькими суверенными государствами.

Дипломатия как искусство ведения переговоров ориентирована на достижение определённых целей, в частности, стратегических задач внешней политики. Официальность дипломатических отношений не вызывает сомнений. 18 апреля 1961 г. была подписана *Венская конвенция о дипломатических отношениях*. Стороны, участвующие в принятии данной конвенции, руководствовались принципами *Устава ООН*. Согласно данному Уставу, Организация Объединённых Наций провозглашает равенство всех стран, необходимость поддержания мира и безопасности на международном уровне, а также развитие дружественных отношений между государствами [6]. Венская конвенция рассматривает ряд вопросов, связанных с назначением/снятием с поста членов дипломатических представительств, прописывает обязанности и привилегии дипломатических послов и агентов, а также регулирует порядок проведения дипломатических миссий на территории принимающего государства [6].

Вопреки устанавливаемой цели на форсирование дружественных отношений между суверенными государствами, дипломатические отношения приобретают законность только в случае юридического признания государства или его правительства другим государством. Согласно международному праву, данная процедура имеет две формы своего осуществления, именуемых *де-факто* или *де-юре* [4, с. 117]. Избирая первый случай (*де-факто*), два государства ограничивают свои деловые контакты торгово-экономическими отношениями [8]. На современном этапе международных связей такая форма дипломатических отношений встречается весьма редко. Большой привлекательностью выглядит полное дипломатическое признание, именуемое *де-юре*. Данная форма юридического признания сопровождается документальным оформлением. Представители двух государств заключают дипломатические отношения на официальном уровне с тем, чтобы обеспечить развитие взаимовыгодных соглашений на политическом, экономическом, культурном и даже религиозном уровнях [4, с. 45].

Установление дипломатических отношений на официальном уровне сопровождается заключением письменных соглашений в виде: *личной ноты, специального соглашения, согласованного коммюнике* или *делового письма* [11]. Официальное соглашение, подкрепленное деловым характером сообщения, говорит об отсутствии враждебности между странами, о признании субъектами законности принятия межгосударственных решений на международном уровне. В науке дипломатические отношения рассматриваются в качестве ведущей формы установления, возобновления, развития или прекращения официальных отношений между государствами [4, с. 204]. На основании вышесказанного дадим определение дипломатических отношений, приведенное в Большой юридической энциклопедии под ред. Барихина А.Б. (2010): «Дипломатические отношения (англ. *diplomaticrelations*) – основная форма поддержания официальных отношений

между государствами в соответствии с нормами международного права и практикой международного общения» [3, с. 204].

Процитированное определение вбирает в себя ряд процессов и явлений, которыми обозначают дипломатию. В действительности, дипломатия представляет собой инструмент реализации внешней политики какого-либо государства. На международной арене политического взаимодействия каждое государства избирает свою модель взаимоотношений с другими странами. Благодаря дипломатии, удалось избежать насильственных мер достижения государственных и национальных интересов мировых держав.

Теперь задачи внешней политики реализуются определёнными *средствами* или *инструментами дипломатии* [6, с. 83]. К числу невоенных политических мероприятий, применяемых в дипломатии, относят: ведение диалога (переговоров), организация визитов, встреч и прочих контактов, рассылка и сбор информации, правовые инструменты [6, с. 87].

Перечисленные инструменты дипломатии относятся к мирным методам взаимодействия, целями которых является:

- 1) налаживание и поддержание постоянных контактов между странами;
- 2) установление доверительных отношений посредством разъяснения своих намерений участвующей в переговорах стороне;
- 3) взаимовыгодные условия принимаемых соглашений;
- 4) оказание услуг и помощи представителям партнерского государства;
- 5) гармонизация интересов сторон при заключении соглашений [3, с. 46].

Геополитическая привлекательность Каспийского моря в постсоветском периоде мировой экономики обуславливается богатой ресурсной базой прикаспийского региона, а также наличием евразийских рубежей на всем протяжении рассматриваемого углеводородного бассейна [4, с. 9]. Каспийский ареал продолжает претерпевать динамические процессы распределения геополитического влияния вследствие выхода данного ареала из-под российского контроля. Условно рассматриваемую геополитическую зону подразделяют на три сектора:

- 1) страны постсоветского пространства – Россия, Казахстан, Туркменистан;
- 2) крупные державы, стремящиеся к региональной гегемонии – Иран, Азербайджан, Турция;
- 3) страны, заинтересованные в энергетических ресурсах Каспия – США, Великобритания, КНР, Япония [7].

Сформированная к концу XX века (в связи с распадом СССР в 1991 г.) наднациональная единица Каспийского бассейна дает основания констатировать уязвимость России в сравнении с прочими западными, дальневосточными и среднеазиатскими геостратегами [4, с. 15]. Осветим ключевые интересы обозначенных стран в рассматриваемой зоне.

Российская Федерация. Межгосударственные политические отношения являются частным случаем проявления дипломатии. В вопросах межгосударственного взаимодействия Россия отстаивает позицию международного права как основы ведения мировой политики [2]. В своем заявлении от 17 января 2020 г. глава МИД РФ Лавров С.В. сообщил: «[Россия] прилагает усилия, направленные на де-эскалацию международной напряженности, на укрепление правовых, демократических начал межгосударственного общения» [2]. Россия избирает вектор комплексного решения проблем мировых держав. Отстаивая концепцию коллективного поиска решений, Россия выступает на устранение политических, экономических и военных рисков, способных усугубить стабильный порядок мироустройства.

Современная взаимозависимость стран очевидна. Углубление связей международного разделения труда, когда глобализация мировой экономики приводит к процессам сращивания экономических ассоциаций в единое целое, рождает транс-национализацию хозяйственной деятельности. Радикальные изменения в образовавшихся условиях сосуществования государств, повышают уязвимость экономик стран от внешних факторов. В этой связи стоит обозначить ряд угроз, которые возникли в системе национальной и международной безопасности:

- 1) низкая конкурентоспособность государственной экономики;
- 2) сохранение экспортно-сырьевой модели развития;
- 3) отставание в разработке и применении современных технологий;
- 4) незащищенность национальной финансовой системы от действий иностранных резидентов;
- 5) уязвимость информационной инфраструктуры;
- 6) отсутствие баланса национально бюджетной системы;
- 7) функционирование теневой экономики, коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений [11].

К экономическим рискам национальной и международной безопасности стран всего мира добавились социально-экономические, информационные и экологические проблемы. Данные составляющие представляются несколько сложными для преодоления и требуют комплексного подхода в их решении. Именно данный курс внешней политики ведет Правительство РФ [2].

Международные экономические отношения – одна из ключевых областей дипломатической деятельности РФ. Данная сфера внешнеполитической активности включает: услуги, туризм, инвестиционную и финансовую деятельность, кредитно-платёжные и валютные отношения, научно-техническое сотрудничество, миграцию рабочей силы и прочее.

Азербайджан пытается диктовать свое лидерство на Каспийском регионе уже много лет. Выгодное расположение республики у бассейна Каспийского моря позволяет рассчитывать на обилие нефтяных запасов, которые могут быть реализованы на рынке сбыта, что обеспечит расцвет

азербайджанской экономики и укрепит ее позиции на мировом масштабе. Несмотря на свое вольготное положение, экономика Азербайджана остается слабой, о чем свидетельствует стремительное увеличение долговых обязательств, достигнув уровень \$10 млрд, Государственной нефтяной компании Азербайджана [10]. В силу данных обстоятельств, республике предстоит сделать выбор в пользу одного из полюсов каспийских оппонентов: Россия – США, Иран – Турция, Армения – Грузия. Оценивая свое положение на перекрестке интересов мировых держав, Азербайджан изберет линию США вернее, чем России, линию Турции скорее, чем Ирана, и линию Грузии, нежели Армении. Доказательством данного прогноза служит заявление министра иностранных дел Азербайджана Вилаят Гулиева: «Военно-стратегический союз между Турцией, Азербайджаном и Грузией направлен на укрепление безопасности и стабильности в регионе» [9, с. 26].

Казахстан. Антироссийское стремление Казахстана к приобретению собственной гегемонии на Каспийском побережье напоминает азербайджанскую модель «нефтяной дипломатии». Тем не менее, Казахстан не может рассчитывать на союз с США, поскольку его территориальным соседом является Китай, усиливающий свои сферы влияния на Дальнем Востоке. Результатом такого влияния стало открытие Казахстаном китайского нефтепровода (Атасу – Алашанькоу), а также передачей 60 % контрольных акций двух нефтедобывающих компаний в руки КНР [4, с. 98]. Лавируя между сферами влияния трех держав – КНР, России, США – республике Казахстан очень сложно построить свои прогнозы с дальностью на 20-30 лет вперед. На сегодняшний день РК удастся сохранить свой суверенитет и продолжать развивать международные отношения во всех трех направлениях.

Туркменистан. Туркменский сектор углеводорода залегает на глубине свыше 3000 м, а также в зонах со слабоизученными отложениями нефтегазонакоплений. Данные факторы вынуждают республику заключать соглашения о добыче нефти и газа на шельфах Туркменистана с дальнейшим разделением интересов по этому вопросу. Туркменистан не представляет угрозы для России, однако его инициатива более проявляется на запад, чем на восток. С прекращением поставок газа на Украину и Кавказ, Туркменистан заключил соглашения с англо-американскими компаниями по поводу протяжения газопровода на запад через Азербайджан и Грузию. В результате, западный альянс под эгидой США укрепляет свои позиции на каспийском пространстве, оставляя России меньше шансов для маневра.

Иран. Западные интересы соседей не импонируют Ирану, склоняющемуся к поддержанию национальных интересов России. Позиция страны заключается в соблюдении интересов держав, являющихся непосредственными соседями Ирана на побережье Каспийского моря. Об этом свидетельствуют комментарии иранских аналитиков о международной обстановке вокруг стратегически важного региона: «Прямое или косвенное вовлечение внерегиональных держав отдает специфическим ароматом особых «западных»

перспектив» [1]. С точки зрения Ирана, попытки западных держав установить свое влияние на решения территориальных государств должно рассматриваться нарушением международных прав, несущим угрозу территориальному суверенитету всего прикаспийского пространства. Итак, российско-иранские отношения выглядят наиболее стабильными, ввиду разделения общей позиции в вопросе регионального распределения власти.

США. Штаты располагают несколькими каспийскими центрами (Caspian Policy Centre), занимающимися анализом Каспийского региона максимально глубоко. Помимо этого, североамериканская страна регулярно проводит каспийские бизнес-форумы по вопросам расширения связей, торговли и инвестиций в интересующей зоне. Как было отмечено ранее, США довольно удачно сумело добиться своего участия в нефтегазовых проектах Азербайджана, Казахстана, Туркменистана. Однако интересы США не ограничиваются энергетической эксплуатацией региона. Очевидно, что Штаты развивают свой политический курс. Каспийский регион привлекает США перспективой экономической свободы, поскольку здесь сконцентрировано до 44 % мировых запасов стоячей воды (Каспийское море-озеро), которые могут быть преобразованы в энергоресурсы [7]. В-третьих, данный регион концентрирует в себе самую динамичную в мире транспортную сеть. Вокруг Каспия расположены пять государств, имеется соединение с Азовским морем через канал «Волго-Дон», также возможно проложение ирригационного канала с выходом в Черное море. И, наконец, Каспийский регион является ареной для развертывания наиболее серьезных военно-политических действий. По всей вероятности, США стремится ослабить влияние России на Запад, которое до сегодняшнего продолжает достигаться за счет удовлетворения энергетических потребностей. Таким образом, в Каспийском регионе США может руководствоваться следующими мотивами:

- 1) приобретение полномочий в добыче энергетических ресурсов;
- 2) иметь возможность выхода в любую точку земного шара через водную сеть;
- 3) установление пристального наблюдения за действиями России и Ирана в целях осуществления безопасности НАТО;
- 4) достижение ключевых позиций в мировой политике посредством использования прерогатив данного региона.

Вопрос реальности осуществления перечисленных задач США остается открытым. Их достижение может осуществиться в случае наращивания экономического разрыва между пятью странами Каспийского региона и США непосредственно. В этом случае возможно принятие прибрежными государствами условий, диктуемых США в собственных интересах и установление его негласного доминирования над данной территорией.

Китай. Активная деятельность КНР в отношении энергетического потенциала Каспийского моря стала заметна после распада СССР. Заручившись

поддержкой прикаспийских стран, испытывающих нужду в финансовых инвестициях, Китай сначала получил доступ к каспийским месторождениям нефти и газа, а затем проложил нефтегазовые трубопроводы на восточное экспортирование энергоресурсов. Помимо развития экономических отношений в Каспийском регионе, Китаем движут геополитические расчеты. По аналогии с североамериканскими мотивами, КНР пытается быть в курсе международных событий, сконцентрированных в дельте Каспийского моря. Им руководит стремление предостеречь возникновение военных организаций или альянсов, способных нанести урок КНР. В частности, появление американских военных баз коренным образом изменило геополитическую ситуацию Средней Азии и заставило Китай занять выжидательную позицию из-за опасений в нанесении ударов по китайским плацдармам [4, с. 97].

Произведенный анализ политических, экономических и стратегических мотивов Прикаспийского региона показал балансирующую социально политическую обстановку Центральной Азии, ставшей ареной для совершения маневров не столько региональных государств (России, Ирана, Азербайджана, Туркменистана, Казахстана), но и внерегиональных (Турция, Афганистан, Пакистан, Грузия, Армения). Обострение создавшейся обстановки началось с участия дальневосточных, западных и североамериканских стратегов (Великобритания, США, КНР), которые преследуют собственные цели, имеющие отношение к распределению сфер влияния в Каспийском регионе. Поставленные в статье прогнозы носят вероятностный характер и имеют зависимость от разности в экономическом потенциале всех стран-участниц Прикаспийского региона. В любом случае международная ситуация всего мира зависит от распределения влияния на данном участке энергоснабжения. Поэтому в перспективе рекомендуется внимательно следить за всеми ходами, которые предпринимаются государствами в отношении друг друга на данном участке географического слияния.

Список литературы

1. Бобкин Н. Что нового в международном положении Ирана? / Н. Бобкин // Российского информационное агентство Iran.ru. – 26.09.2016. – Режим доступа: <https://www.iran.ru/news/analytics/102534/>, Chto_novogo_v_mezhdunarodnom_polozhenii_Irana, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.05.2020).
2. Большая пресс-конференция Сергея Лаврова 2020 // Информационное агентство России «Тасс». – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/7542923>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.04.2020).
3. Большая юридическая энциклопедия: более 30 000 терминов и определений / А. Б. Барихин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Книжный мир, 2019. – 960 с.
4. Жильцов С. С. Основные направления политики Китая в Каспийском регионе / С. С. Жильцов, И. С. Зонн // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2015. – № 2 (13). – С. 96–104.

5. Информационно-аналитический портал «Каспийский вестник». – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/amerikanskij-proekt-bolshoj-kaspijskij-region/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.05.2020).
6. Кураков Л. П. Экономика и право: словарь-справочник / Л. П. Кураков. – М. : Вуз и школа, 2014. – 866 с.
7. Магомедов А. К. Каспий – Кавказ – Причерноморье: пути нефти, пути торговли, пути войны (история и современность) / А. К. Магомедов. – Ульяновск : УлГТУ, 2018. – 250 с.
8. Основные положения Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. // Международное право. – Режим доступа: <http://interlaws.ru/osnovnye-polozhenija-venskoj-konvencii-o-diplomaticheskikh-snoshenijah-1961-goda/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 27.03.2020).
9. Порубочая Е. Ф. Сотрудничество Турции и Азербайджана в военной сфере на рубеже XX–XXI веков / Е. Ф. Порубочая // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 6 (26). – С. 24–29.
10. Проценко Н. Азербайджан в нефтяной ловушке: новый кризис при слабом барреле неизбежен / Н. Проценко // Eurasia Daily. – 13.03.2020. – Режим доступа: <https://eadaaily.com/ru/news/2020/03/13/azerbaydzhan-v-neftyanoj-lovushke-novyj-krizis-pri-slabom-barrele-neizbezhen>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 28.04.2020).
11. Сардачук П. Д. Дипломатическое представительство: организация и формы работы : учебное пособие / П. Д. Сардачук, О. П. Кулик. – Киев : Украина, 2016. – 176 с.
12. Электронная Онлайн Библиотека. – Режим доступа: <http://banauka.ru/623.html/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 27.03.2020).
13. Торкунов М. Известные дипломаты России. Министры Иностранных Дел. XX век / М. Торкунов ; отв. ред. А. В. Торкунов. – М. : Моск. учебники и картолитография, 2017.
14. Шустов А. «Конституция» Каспия: как разделили Каспийское море / А. Шустов // Евразия. Эксперт. – 14.08.2018. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/konstitutsiya-kaspiya-kak-razdelili-kaspiyskoe-more/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 06.05.2020).

ПРОБЛЕМЫ РАТИФИКАЦИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ 2018 г.

Абхайров Абхайир-Челеби Якуб оглы, студент
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: Abhair123@gmail.com

Каспийский регион имеет важное социально-экономическое значение для всех прикаспийских государств. В статье рассматриваются особенности международно-правового регулирования статуса Каспийского моря, некоторые позиции прикаспийских государств, а также процесс ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. государствами-подписантами, в частности Ираном.

Ключевые слова: Каспийское море, правовой режим, международное право, международные договоры, права прикаспийских стран, сотрудничество государств

PROBLEMS OF RATIFICATION OF THE STATEMENT ON THE LEGAL STATUS OF THE CASPIAN SEA IN 2018

Abkairov Abhayir-Chelebi Ya., student
Astrakhan State University
20a Tatishchev, Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: Abhair123@gmail.com

The Caspian region has important socio-economic importance for all the littoral states. The article discusses the features of international legal regulation of the status of the Caspian Sea, some positions of the Caspian littoral states, as well as the process of ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in 2018 by signatory states, in particular Iran.

Keywords: Caspian Sea, legal regime, international law, international treaties, rights of the Caspian littoral countries, state cooperation

Целью данной статьи является краткое рассмотрение истории, а также некоторых затрудняющих формирование и подписание факторов, которые предшествовали Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018. В частности, определенных проблем ратификации данной конвенции иранской стороной. Объектом служит Каспийское море и прикаспийские государства. Предметом является рассмотрение проблем, затрудняющих ратификацию Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018. Для рассмотрения вопросов, представленных в данной статье, использовались

отечественные, а также иностранные источники, которые помогали в рассмотрении интересующих вопросов.

Каспийское море – это очень богатый природными ресурсами водный объект, который, кроме того, стратегически важен для прибрежных государств. Для многих из них минеральные и биологические ресурсы играют основополагающую роль в экономике. Все эти факторы определяют интерес к Каспийскому региону.

На сегодняшний день он становится вполне самостоятельным региональным узлом современной политики, где имеет место развитие событий, от которых зависят международные процессы, как на региональном уровне, так и на международном уровне. Поэтому подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря является столь важным событием.

Прежде чем перейти к рассмотрению предыстории и проблемам ратификации, считаем, что стоит дать краткую характеристику подписанной всеми прикаспийскими государствами Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018.

Акватория Каспийского моря будет разделена на три зоны: внутренние воды, рыболовные зоны, а также общие воды. Внутренние воды будут представлять собой внешнюю границу государства, их ширина будет составлять 15 миль. Рыболовные зоны каждого государства будут составлять еще дополнительные 10 миль. Остальная территория будет являться общими водами. [1, ст. 5, 6, 7]

Касательно вопроса: море или озеро? Были приняты решение, что у водоёма будет особый правовой статус. В Конвенции Каспий охарактеризовали как: окруженный сухопутными территориями сторон водоем [1, ст. 1].

Что касается вопроса о военном присутствии, то было принято решение, что военным силам третьих сторон будет запрещено находиться в Каспийском море. Здесь стоит добавить, что глава ИРИ Хасан Рухани рассчитывал на более жесткие положения, в частности, чтобы по Каспию не могли перемещаться военные грузы некаспийских государств. Вероятно, он имел ввиду некоторые порты в Актау, посредством которых США переправляют военные грузы в Афганистан.

Острый вопрос, касающийся разделения дна, остался не решен. Отмечается, что данный вопрос будет решаться по общей договорённости. Формально, согласно Конвенции, все прикаспийские государства имеют право прокладывать трубопроводы и кабели. Для этого необходимо разрешение стороны, через сектор которой они будут проходить, при этом необходимо экологическое одобрение других соседей [1, ст. 14].

Проблема с определением правового статуса Каспийского моря имеет большую историю, а также целый ряд факторов, которые затрудняют решение данной проблемы.

Во-первых, до развала Советского Союза к водам Каспия выходило всего два государства, собственно СССР, а также Иран. Такие условия

значительно облегчали процесс переговоров и механизм решения каких-либо проблем. Так как все вопросы решались с помощью двусторонних соглашений, таких как Русско-персидский договор о дружбе 1921 г. и Договор о торговле и мореплавании 1940 г.

И все же, несмотря на то, что в те времена Каспий делился только двумя государствами, Ирану была подконтрольна даже меньшая территория, чем полагается по условиям Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018. Условная линия деления Каспийского моря во времена СССР проходила по уровню населенных пунктов Астара – Гасан кули. Данная территория является окончанием современных Азербайджана и Туркменистана.

Поэтому позиция части иранского населения, а также консервативной части иранского парламента относительно того, что Ирану полагается 50 % Каспия довольно спорная.

Тем не менее в 1991 г. Советский Союз распался, после чего на прикаспийской арене появились новые игроки: Азербайджан, Туркменистан, Казахстан. Естественно, что каждое из пяти государств преследовало исключительно свои интересы, особенно учитывая то, на сколько Каспийское море богато природными ресурсами.

Во-вторых, сама природа Каспийского моря ничуть не облегчает ситуацию. С одной стороны, Каспий является внутриконтинентальным водоемом, и в отличие, например, от Черного моря не имеет связи с мировым океаном, поэтому, казалось бы, логичным считать данный водоем озером. Однако, с другой стороны такие факторы как размер, состав воды, а также строение дна дают основания считать Каспий именно морем [4].

Таким образом, для установления правового статуса Каспийского моря нельзя применить ни положения, прописанные в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [2], ни принципы, которые принято использовать для установления статуса трансграничных озер. Все эти обстоятельства делали процесс определения правового статуса Каспийского моря столь сложным и длительным.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно считать подписание 12 августа 2018 г. Конвенции о правовом статусе Каспийского моря [1] действительно весьма знаменательным событием. Тем более, что кропотливая работа в этом направлении длилась на протяжении 20 лет.

Однако, исходя из международного права, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. пока что не является юридически обязывающим документом, так как она не вступила в силу. Как известно, каждое межгосударственное соглашение должно пройти процесс ратификации всеми из подписавшихся участниками, только после данной процедуры документ обретает юридическую силу. И хотя Венская конвенция о праве международных договоров гласит, что до ратификации или отказа от неё, государство, подписавшее соглашение, должно воздерживаться от

действий, которые явно нарушают принципы договора, для стороны, которая не ратифицировала соглашение, оно является не обязательным.

Непосредственно процесс ратификации имеет прямую зависимость от внутренней политической ситуации каждого государства. Четыре из пяти государств-подписантов ратифицировали конвенцию в довольно короткие сроки.

Так, первым государством, которое ратифицировало конвенцию, стал Туркменистан. 1 декабря 2019 г. на четвёртом заседании шестого созыва меджлис Туркменистана рассмотрел и ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря [5].

Относительно Туркменистана стоит добавить, что подписанная Конвенция открывает для Туркменистана возможности по поставке туркменского газа в Европу. Это произойдет в случае воплощения в жизнь проекта по строительству Транскаспийского газопровода. Туркменский газ получит возможность попасть на европейский рынок через Азербайджан и Турцию, что также выгодно для Анкары. Данный проект имеет поддержку со стороны Европы и США, так как газ из Туркменистана может стать альтернативой российскому.

С одной стороны, благодаря Конвенции одно из препятствий для строительства вышеупомянутого газопровода было устранено, а именно неурегулированный статус. Тем не менее, с другой стороны, Россия и Иран теперь обладают рычагом воздействия на этот вопрос. Так как для того, чтобы реализовать проект нужно, чтобы все прибрежные государства дали свое согласие. Кроме того, важно, насколько трубопровод может повлиять на окружающую среду. Поэтому на сегодняшний день Туркменистан поставляют свой газ в Китай.

Затем 8 февраля 2019 г. после того, как обе палаты казахстанского парламента рассмотрели и одобрили конвенцию, президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым был подписан Закон «О ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» [6].

12 февраля 2019 г. в парламенте Азербайджана единогласно было принято решение ратифицировать конвенцию, после чего Президент Азербайджана Ильхам Алиев подписал закон «Об утверждении Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» [7].

В Российской Федерации Государственная дума ратифицировала Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря 19 сентября 2019 года, документ в свою очередь подписал Президент РФ В. Путин [8].

Таким образом, соответствующие органы четырёх из пяти прикаспийских государств без каких-либо препятствий закончили процесс ратификации.

Последнее слово остаётся за Исламской Республикой Иран. И сложная внутривосточная ситуация затрудняет какие-либо прогнозы касательно того, как скоро иранский Меджлис ратифицирует Конвенцию, подписанную в Актау.

В ИРИ подписание Конвенции в Актау было воспринято весьма неоднозначно. На президента Хасана Рухани обрушилось большое количество серьезной критики со стороны консервативно настроенных представителей парламента, а также религиозных деятелей Ирана.

Азербайджанский портал Naqqin.az [9] сообщает, что президент ИРИ Хасан Рухани, а также министр иностранных дел Ирана Мухаммед Зариф обвиняются консерваторами в пренебрежении интересами государства. Некоторые представители парламента заявляют, что они не были уведомлены о столь невыгодных, как они считают, для страны условиях. Они убеждены, что справедливой долей Ирана в Каспийском море являются 50 %, а не 11 %.

Также уже иранская газета Qanun [10] обвинила Рухани в чрезмерном доверии к Российской Федерации. Иранский депутат Махмуд Садеги считает, что российские обещания помощи Ирану в сложной политико-экономической ситуации остаются лишь обещаниями, а на деле Российская Федерация предаёт его интересы.

К критике такого рода присоединился и бывший посол Ирана в Азербайджане Афшар Сулеймани. С его стороны поступили обвинения России в двойной игре с Ираном. По его заявлениям Россия сначала заявляет, что все решения должны приниматься на основе консенсуса, а затем договаривается с каждой стороной в отдельности.

Критика такого рода со стороны консерваторов звучит довольно неоднозначно, так как Тегеран находится в непростой ситуации, учитывая отношения Ирана с США и военный конфликт в соседней Сирии, а подписанная Конвенция обеспечивает Ирану ряд военно-стратегических выгод, таких как не предоставление своей территории другим государствам для совершения агрессии и других военных действий против любой из сторон.

К примеру, если вспомнить Русско-Персидский договор, то в нем Ирану было «предложено» передать рыболовную привилегию России, в качестве помощи российским средствам к существованию. В 1925 г. данная привилегия была присуждена России на 25 лет. А по прошествии 25 лет, Россия продолжила рыболовный промысел во всех районах Каспия, несмотря на то, что премьер-министр Ирана Мохаммед Мосаддык не продлил второй период ещё на 25 лет.

Кроме того, до подписания договора 1921 г. только Россия обладала правом иметь военно-морские силы в Каспийском море. Таким образом, трудно сказать, что условия Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. не справедливы относительно Ирана.

Благодаря взаимному уважению и взаимовыгодным уступкам всех участников переговоров, которые продолжались в течение 20 лет, прикаспийским государствам удалось достигнуть консенсуса касательно текста Конвенции. Именно благодаря многолетней дипломатической работе пяти прикаспийским государствам удалось достигнуть заметного сближения сильно отличавшихся позиций, на которых изначально стояли государства.

Мы считаем, что подписание и ратификация Конвенции о правовом статусе Каспийского моря являются основополагающими для системы взаимодействия в Каспийском регионе и принесут преимущества всем государствам-участникам.

Конвенция приведет не только к значительному укреплению доверия и безопасности на территории Каспия, но и будет способствовать значительному экономическому росту и привлекательности региона, а также откроет значительно больше возможностей для реализации совместных проектов.

Однако стоит добавить, что до ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. говорить о том, документ являет собой урегулирование всех юридических проблем Каспия рано.

И хотя мы считаем, что вероятность того, что Иран все-таки ратифицирует Конвенцию, довольно высока, некоторые общественно-политические силы продолжают всячески противодействовать ратификации, что и приводит к затягиванию данного процесса.

Список литературы

1. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018.
2. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.
3. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.
4. Батырь В. А. Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря / В. А. Батырь // LexRussica. – 2019. – № 9. – С. 51–62.
5. Парламент Туркменистана ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспия. – Режим доступа: <https://sptnkne.ws/p8YZ>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Парламент Казахстана ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. – Режим доступа: https://yandex.ru/turbo?utm_source=turbo_turbo&text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2019%2F1%2F31%2F961941.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Азербайджан ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6149897>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Путин подписал закон о ратификации Конвенции о статусе Каспийского моря – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/6948992>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. В Иране сравнили раздел Каспия с разделом Азербайджан. – Режим доступа: <https://haqqin.az/news/134808>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Иран: оппозиционные политические группы, силовые структуры, избранные проблемы в области прав человека, верховенство права Сборник ИСП. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opensslpdf.pdf?reldoc=y&docid=57b71856a>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

МЕДИАСОБЫТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Соколова Юлия Сергеевна, студентка
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: uliasokolova0@gmail.com

В статье автор рассматривает создание и распространение медиасобытий в социальных медиа, оказывающих влияние на современную мировую политику. Проведен анализ сущности феномена медиасобытия и специфики распространения в Интернете на примере новости об использовании химического оружия во время бомбардировки сирийского города Дума в апреле 2018 года. Объектом исследования выступают политические медиасобытия в социальных медиа. Предметом исследования является новость о химической атаке в сирийском городе Дума 7 апреля 2018 года. Целью данной статьи является анализ роли созданного в Интернете медиасобытия в современной мировой политике.

Ключевые слова: медиасобытие, социальные сети, мировая политика, Сирия, химическое оружие, псевдособытие

MEDIA EVENTS IN SOCIAL MEDIA AS A FACTOR OF MODERN WORLD POLICY

Sokolova Julia S., student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation,
Email: uliasokolova0@gmail.com

In the article, the author considers the creation and distribution of media events in social media that have an impact on contemporary world politics. An analysis of the essence of the phenomenon of media events and the specifics of distribution on the Internet is carried out on the example of news about the use of chemical weapons during the bombing of the Syrian city of Duma in April 2018. The object of the study are political media events in social media. The subject of the study is the news of a chemical attack in the Syrian city of Duma on April 7, 2018. The purpose of this article is to analyze the role of media events created on the Internet in modern world politics.

Keywords: media event, social networks, world politics, Syria, chemical weapons, pseudo-event

Современная эпоха Интернета диктует новые правила развития всех сфер жизнедеятельности человека, в том числе ее политической составляющей. Так, вполне привычным считается присутствие средств массовой информации в политической жизни государства, которые не только отражают современную социально-политическую реальность, но и с помощью

своих инструментов конструируют ее, создавая виртуальные образы, сюжеты и ситуации, способные скорректировать общественное мнение в необходимом ключе.

Последние три десятилетия ознаменовались появлением новых социальных медиа, представленных в интернет-пространстве в качестве блогов и социальных сетей, постепенно заменяющих традиционные средства массовой информации. Отечественный исследователь М.Ю. Павлютенкова дает свое определение социальных медиа, под которыми имеет в виду процесс активного создания и передачи разнообразной информации в сети Интернет, в котором ключевая роль отведена пользователям интернет-пространства [9, с. 295].

Весомое значение при определении социальных медиа играет понимание того, что новыми медиа в современных условиях являются не только сетевые СМИ, но и колоссальное количество интернет-сообществ и различного рода сетевых структур. К тому же, отличительной чертой социальных медиа можно назвать обязательное взаимодействие акторов политической коммуникации в интернет-пространстве, в ходе которого представленная информация может быть изменена, дополнена и оценена.

Общеизвестным фактом является смещение представлений интернет-аудитории о социально-политической реальности в рамках социальных медиа. Даже при условии конструирования новой политической медиареальности посредством блогов и социальных сетей, социальные медиа продолжают обладать наибольшим авторитетом среди пользователей всемирной паутины. Именно посредством социальных сетей происходит взаимопроникновение виртуального и реального мира, что, в свою очередь, заинтересовало представителей политической сферы деятельности по всему миру, использующих данные платформы для своей выгоды.

Говоря о непосредственном влиянии социальных медиа на реальную политику, стоит выделить такое явление, как медиасобытие, играющее весомую роль в процессе формирования общественного мнения и принятия внешнеполитического решения государства. Опираясь на исследования данного феномена в ряде гуманитарных наук, можно говорить о медиасобытии как о своеобразной интерпретации реально произошедшего события.

Данное понятие было разработано Ж. Бодрийяром, который изначально рассматривал феномен медиасобытия как образование совершенно новой, медиа реальности, главной ролью которой можно назвать замещение реального мира. Так, в своей работе «Общество потребления. Его мифы и структуры» автор указывает, что на данный момент сформировалась ситуация в современном обществе, когда происходит замещение реальности с помощью некой сконструированной модели новой реальности, включающей в себя черты реальной жизни и разыгрывающей ситуации и события, которые, в свою очередь, воздействуют на общество. Именно в таких условиях становится возможным отождествление таких понятий, как медиасобытие и псевдособытие [5, с. 94].

Обращаясь к словарю отечественной теории медиа, можно заметить, что разрабатываемый Э. Катцем подробный анализ медиасобытий показывает, что ключевым элементом данного феномена является обязательное освещение необходимого события в средствах массовой коммуникации, которые в нашем случае представлены социальными медиа [8, с. 155].

В свою очередь, отечественный исследователь А. Черных, сравнивая медиасобытия с мыльным пузырем, под которым имеет ввиду помпезное, но малозначительное политическое событие, организация которого была задумана специально для привлечения внимания в СМК, говорит и о том, что основной характеристикой подобного рода псевдособытий являются медиатизированные шаблоны, в рамках которых используются определенные способы и приемы вербального и аудиовизуального монтажа. Однако важным смыслом медиасобытий является объединение всех членов интернет сообщества в некий единый организм, участники которого воплощаются в определенные роли [9, с. 41].

В современных условиях главным каналом распространения так называемых медиасобытий в интернет-пространстве принято считать лайки и репосты. Именно благодаря использованию данных инструментов создается определенный коммуникационный канал, который не только привлекает широкие массы к выдвигаемой повестки дня, но и способствует выстраиванию необходимого эмоционального восприятия объекта.

Так, благодаря возможности сохранения анонимности в рамках интернет-сообщества пользователи могут преподносить происходящие политические события в удобном им варианте интерпретации, степень воздействия которых усиливается вследствие дублирования новости на различных интернет-платформах, а также во всевозможных сообществах в социальных сетях. Широкое распространение подобной информации позволяет добиться «социального доказательства» описанных событий.

На сегодняшний день пользователь Интернета имеет возможность доступа к сетевым источникам информации практически из любой точки планеты, что, в свою очередь, позволяет ему получать или распространять необходимый материал о тех или иных событиях в мировой политике. Таким образом, социальные медиа приобретают преимущество, согласно которому любая новость может в один момент стать публичным событием в интернет-пространстве, а затем уже быть использованной в рамках традиционных средств массовой информации. Стоит отметить, что скоростное распространение подобных информационных материалов с применением таких средств, как лайки, репосты и фолловинг, превращается в движущую силу расширения влияния потенциальной интернет-аудитории на реальную.

Отличительной чертой использования современных средств массовой коммуникации в процессе освещения того или иного событий является тот факт, что пользователи всемирной паутины имеют возможность помимо распространения информации, выступать в качестве соавтора данного информативного материала. Среди распространенных форм соучастия

в данном случае следует назвать комментирование, обсуждение, формирование и преобразование новостных текстов.

Современная сетевая коммуникация предоставляет интернет – пользователям иллюзорное представление о самостоятельно сделанных выводах касательно происходящих политических событий, из-за чего большинство даже не задумывается о том, что их сформированные выводы, оценки и мнения могут быть результатом использования методов пропаганды и манипулирования [4, с. 758].

Одним из громких медиасобытий на международной арене последних лет можно выделить опубликованное в интернет-пространстве скандальное видео, якобы подтверждающее обстрел сирийского города Дума химическим оружием в апреле 2018 года. Данная видеозапись была опубликована от лица сирийской добровольческой организации «Белые каски» и содержала кадры, на которых дети лежали на земле в кислородных масках, а взрослые обливались водой.

Данная новость имеет несколько вариантов трактовок произошедших событий в сирийском городе Дума. Так, в сети Интернет есть видеоролик с девочкой по имени Маса и ее матерью, которые рассказывают, как они смогли пережить Химатаку в Думе. Девочка рассказывает историю, как они находились в подвальном помещении в надежде переждать очередную бомбардировку по их городу, когда внезапно увидели бомбу, которая после падения на землю зашипела. Затем последовали описания симптомов, характерных для химического отравления после такого рода вооруженных атак, среди которых были названы проблемы с дыханием, жжение слизистых, носоглотки, а также сильные боли в ногах. Что касается происходящего на опубликованной добровольческой организацией видеозаписи, то Маса говорит об этом как о решении врачей в медпункте заставить детей лечь на землю и поливать их водой.

Существует также другая версия произошедшего на видео, согласно которой на предоставленных кадрах были запечатлены вовсе не последствия химической атаки сирийского правительства. В частности, по словам одного из сирийских врачей, находившегося в тот момент на территории города Дума, представленная видеозапись свидетельствует о результате многочисленных ночных бомбардировок и сильного ветра, вследствие чего люди, прячущиеся в подвальных помещениях, сильно пострадали из-за нехватки кислорода от поднявшейся пыли. Также врач находит логичное объяснение заснятому на камеру массовому обливанию людей. Так, он убежден, что подобные действия со стороны мирного населения были результатом начавшейся паники от услышанного возгласа «Газ!». Однако стоит учитывать тот момент, что человек, представленный сирийским медицинским работником, не являлся свидетелем данной ситуации, поскольку сделал свои выводы относительно появившейся в Интернете новости на основании симптомов, которые наблюдал в тот день у пришедших в больницу людей.

Между спорами о том, была ли данная атака со стороны сирийского правительства совершена с использованием химического оружия или нет,

существует еще одна версия событий, насчитывающая большое количество сторонников, как среди интернет-сообщества, так и среди мировых лидеров. Итак, согласно данной версии, кадры, разлетевшиеся по интернет-пространству, а затем не раз упомянутые в рамках традиционных СМИ, на самом деле являются постановочными. В качестве доказательств приводится публикация российского корреспондента в социальной сети Instagram, в которой он пишет о встрече с 11-летним мальчиком, заснятым в скандальной видеозаписи. После общения с мальчиком стало известно, что его участие в съемках было внезапным, но взамен он получил финики, печенье и рис, что позволило накормить его семью в тот день [7].

Официальную поддержку правительству Сирии и, соответственно, последней версии о монтаже видеодоказательств против официальных властей Сирийской Арабской Республики выражала с первых дней Российская Федерация. Так, российские власти назвали появившиеся фото- и видеодоказательства химической атаки информационным вбросом и, опираясь на сведения российских военных экспертов, заявили, что на территории города Дума не было обнаружено признаков использования токсичных химических веществ, как и не было получено информации о погибших и пострадавших в ходе использования химического оружия против мирного населения.

В противовес ей выступили Великобритания, Франция и США, заявляющие о том, что авиаудары по сирийскому городу Дума 7 апреля 2018 года напоминают по характеру предыдущие химические бомбардировки, которые предположительно осуществлялись правительственными силами Сирийского государства. Кроме того, президент США Д. Трамп, используя свой аккаунт в социальной сети Twitter, эмоционально пообещал нанести ракетный удар по Сирийской Арабской Республике, невзирая на угрозы российской стороны противостоять этому. После чего популярной версией в интернет-пространстве стало мнение, что в организации химической атаки против гражданского населения могло принимать участие США с целью создания провокации для прикрытия запланированного вмешательства Белого Дома в сирийский конфликт. К слову, обещанный авиаудар был нанесен союзническими государствами по военным объектам правительства Сирии спустя неделю после опубликования сообщения в социальной сети.

В свою очередь, официальный Дамаск не раз выражал отрицание использования химического оружия своими военными силами. Всю ответственность за произошедшие события в городе Дума правительство Б. Асада переложило на повстанцев, при этом обвинив их в намеренной фабрикации данных о предполагаемой химической атаке [6].

Помимо версии, что причастность к видеомонтажу имеют оппозиционные силы, в социальных медиа распространилось заявление представителя РФ, в котором он называет сообщения о применении химического оружия на территории сирийского города Дума организованной провокацией со стороны Великобритании для прикрытия планов Соединенных Штатов Америки в организации будущих ракетных атак против сирийских властей. В частности, Великобританию обвиняют в оказании давления

на представителей сирийской добровольческой организации «Белые каски», которые, по распространенным в Интернете сообщениям, 7 апреля ворвались с видеокамерами в здание больницы, куда были доставлены люди без признаков отравления химическими веществами, и начали нагнетать панику среди присутствующих криками о поражении всех людей в здании отравляющими средствами, что, в свою очередь, спровоцировало логичную реакцию людей, заснятую на знаменитом видеоролике [2]. Одним из основных доказательств данной версии является общеизвестный факт финансирования сирийской добровольческой организации министерствами иностранных дел Великобритании, Дании, Голландии и Германии.

Однако, учитывая заявления о причастности Великобритании, стоит обратить внимание на российские предупреждения о планируемых провокациях, которые высказывались на протяжении всего марта 2018 г. Каждое новое сообщения по данной теме отличалось деталями, но всегда подразумевало под собой обвинения оппозиционных группировок в планировании реальных вооруженных атак с применением химического оружия, в частности хлора. Так, в интернет-пространстве распространилось предупреждение от Министерства обороны РФ, в котором речь шла о планировании химической атаки в Восточной Гуте террористическими организациями, целью которой было обвинение сирийского правительства в применении химического оружия против своего населения. Некоторые пользователи социальных сетей выражали мнение, что таким образом сирийские и российские власти стараются посеять сомнения в достоверности любых заявлений о применении химического оружия на территории Сирийской Арабской Республики, якобы дающих возможность западным государствам наносить вооруженные удары по правительственным силам.

Свою роль в широком распространении новости о химической атаке в Сирии сыграла и социальная сеть Twitter. К примеру, пользователи социальной сети, поддерживающие режим Б. Асада, единогласно поддерживали мнение одного из популярных блогеров, который писал о том, что западные страны прикладывают максимальные усилия для страданий сирийского мирного населения от терроризма и санкций и, упоминая Советника по национальной безопасности США Дж. Болтона, обвинял его в публичных связях с запрещенной в РФ террористической организацией «Аль-Каида», которая, по его мнению, проводила в Сирии ряд фейковых химических атак против гражданского населения [1].

По сути, разрешить данную ситуацию и окончательно выяснить, какая из версий произошедшего события является правдивой, мог доклад Организации по запрещению химического оружия. Однако даже из этого смогли сделать сенсационную новость в интернет-пространстве. Изначальная версия доклада содержала информацию о том, что проводившая расследование миссия обнаружила лишь малые частицы хлора, однако при этом они признавали данный факт подтверждением использования хлора при химической атаке в городе Дума. Через некоторое время был опубликован отредактированный вариант доклада по химической атаке 7 апреля

2018 года, в котором были изъяты некоторые части. К примеру, в документе убрали часть про симптомы пострадавших, которые отличались от привычных симптомов при химическом отравлении. Также исчезла информация о том, что миссия не нашла достаточно подтверждений того, что в баллонах, найденных после использования химического оружия, содержалось отравляющее вещество. Некоторые связывают проведенные коррективы текста доклада с политическими взглядами турецкого дипломата А. Узюмбджю, который на тот момент занимал пост главы ОЗХО [3].

В целом, единственный вывод, к которому можно прийти в результате проведенного анализа политического медиасобытия в социальных медиа, это признание того факта, что сирийские и российские власти в той ситуации имели очевидный интерес в отрицании применения химического оружия своими вооруженными силами. В свою очередь, оппозиционные группировки имели не менее очевидные основания для преувеличения как масштаба, так и природы совершенных атак против мирного населения.

Список литературы

1. Atlanticcouncil. Дезинформация. – Режим доступа: <https://www.publications.atlanticcouncil.org/breakingghouta/ru/дезинформация/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Meduza. Минобороны России обвинило Великобританию в постановке видео про химическую атаку в Сирии. – Режим доступа: <https://www.google.ru/amp/s/meduza.io/amp/news/2018/04/13/minoborony-rossii-obvinilo-velikobritaniyu-v-postanovke-video-pro-himicheskuyu-ataku-v-sirii>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. WikiLeaks уличила ОЗХО в подлоге данных по химатаке в Сирии. – 25.11.2019. – Режим доступа: <https://m.aftershock.news/?q=node/809414>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Баринов Д. Н. Политический дискурс в социальных медиа: специфика производства и факторы эффективности / Д. Н. Баринов // Политические коммуникации. Политика и общество. – 2016. – № 6 (138). – С. 755–764.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
6. BBC РУССКАЯ СЛУЖБА. Химическая атака в Сирии: что нам известно. – 11.04.2018. – Режим доступа: <https://bbc.com/russian/amp/features-43716637>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. BBC РУССКАЯ СЛУЖБА. Что попало на видео с места химической атаки в Думе: три версии. – 18.04.2018. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/amp/news-43813330>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е. Л. Вартановой. – М. : Фак. журн. МГУ, изд-во Моск. ун-та, 2019. – С. 155.
9. Павютенкова М. Ю. Политические коммуникации в социальных медиа / М. Ю. Павютенкова // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. – М., 2012. – С. 295–306.
10. Черных А. И. Мир современных медиа / А. И. Черных. – М. : Территория будущего, серия «Университетская библиотека Александра Пого», 2007. – 312 с.

ПРОВОДИМАЯ СИ ЦЗИНЬПИНОМ ПОЛИТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В КНР

Упир Ирина Романовна, студентка
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: taygaaysaka@mail.ru

Статья посвящена анализу проводимой Си Цзиньпином политики в области регулирования социальных сетей в Китайской Народной Республике. В статье рассматриваются истоки блокировки сети Интернет до прихода к власти изучаемого руководителя, а также реформы, непосредственно связанные с его деятельностью. Описываются основные методы и виды цензуры, с которыми сталкивается население КНР, изучаются методы обхода. Кроме того, выявляются ключевые последствия ведения такой политики. Объектом данной статьи выступает регулирование социальных сетей в КНР. Предметом является политика Си Цзиньпина в сфере ограничения сети Интернет.

Ключевые слова: КНР, социальные сети, цензура, Си Цзиньпин, «Золотой щит», политическая коммуникация, регулирование на законодательном уровне, Коммунистическая партия Китая

XI JINPING'S POLICY OF REGULATING SOCIAL NETWORKS IN CHINA

Upir Irene Romanovna, student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation,
E-mail: taygaaysaka@mail.ru

The article is devoted to the analysis of Xi Jinping's policy on regulating social networks in China. The article discusses the origins of blocking the Internet before the head of the study came to power, as well as reforms directly related to his activities. It describes the main methods and types of censorship faced by the population of the PRC, and studies methods of circumvention. In addition, the article identified the key implications of such a policy. The object of this article is the regulation of social networks in China. The subject is Xi Jinping's policy of restricting the Internet.

Keywords: China, social media, censorship, Xi Jinping, «The Great Firewall», political communication, legislative regulation, Communist party of China

Отличительной чертой государств с недемократическими режимами выступает чрезмерный контроль всех сфер жизнедеятельности. Особое внимание политические лидеры подобных стран уделяют повестке дня, стараясь ограничить проникновение нежелательной информации. В таких

условиях угрозу режиму представляет глобальная сеть Интернет и социальные сети, в частности. Именно поэтому властные структуры пытаются подвергать данные площадки цензуре на законодательном уровне, используя различные инструменты и методы. Одним из наиболее ярких примеров такой системы выступает политическая система КНР.

Коммунистическая партия Китая как правящая партия государства и её генеральный секретарь Си Цзиньпин в своей политике руководствуются, в первую очередь, сохранением политического режима, в связи с чем на законодательном уровне регулируют и контролируют доступ к социальным сетям. Такая ситуация сложилась из-за опасения руководством, что к власти с помощью Интернета смогут прийти оппозиционные силы, которые будут критиковать деятельность существующей власти.

Для того, чтобы в должной степени осуществлять мониторинг социальных сетей, китайское руководство в конце 1990-х годов инициировало создание национальной системы блокировки «Золотой щит». Человеком, который возглавил технологические усилия правительства, был Фан Биньсин [5]. В данный промежуток времени он работал над созданием «Золотого щита» как преобразующего программного обеспечения, которое позволило бы правительству проверять любые данные, принимаемые или отправляемые, и блокировать IP-адреса назначения и доменные имена. Его работа была вознаграждена быстрым политическим подъемом. К началу XXI века он получил прозвище «Отец Золотого щита» и обрел вражду сотен тысяч китайских интернет-пользователей.

В дальнейшем данная система совершенствовалась, и в начале первого десятилетия XXI века она была дополнена набором новых правил, разработанных для того, чтобы каждый, кто имеет доступ к китайскому интернету, следовал китайскому законодательству.

В сентябре 2000 года государственный совет издал распоряжение № 292, в соответствии с которым поставщики интернет-услуг должны обеспечить следование законодательным актам. Два года спустя Пекин впервые заблокировал Google [4]. Впоследствии для китайских пользователей была создана альтернатива – сайт Google.cn, полностью подверженный цензуре.

В 2002 году правительство усилило акцент на самоцензуре с помощью Общественного обязательства по самодисциплине для интернет-индустрии Китая, в котором были установлены четыре принципа: патриотическое соблюдение закона, справедливость, надежность и честность.

Контролируя социальные сети, важно не только запрещать проникновение информации, но и создавать положительное мнение о деятельности руководства государства. Самым значительным событием в этой связи стало руководство 2004 года по цензуре в Интернете, в котором к китайским университетам был обращен призыв привлекать интернет-комментаторов, которые могли бы вести онлайн-обсуждения в политически

приемлемых направлениях и сообщать о комментариях, не соответствующих китайскому законодательству. Позже возникла соответствующая должность с такими обязанностями как выстраивание положительного имиджа Китая в Интернете и социальных сетях.

Тем не менее, даже несмотря на то, что правительство стремилось ограничить доступ людей к информации, многие граждане совершали значительные вторжения в политический мир страны, обсуждая чиновников и политическое устройство государства.

Особому регулированию на законодательном уровне подвергаются социальные сети, выступающие ключевой площадкой для высказывания своего мнения в Китае. В связи с тем, что правительство КНР запретило известные мировые социальные сети, такие как Twitter и Facebook, китайские пользователи осуществляют активную политическую коммуникацию на платформе местных социальных сетей – SinaWeibo и WeChat. Однако на базе данных площадок можно размещать лишь ту информацию, которая не противоречит законодательству. За выполнением данного условия осуществляется пристальный контроль со стороны государства.

По мере того, как китайские компании растут как в стране, так и за рубежом, их соответствие внутренним правилам и репутации Китая иногда происходит за счет внешнего расширения их рынка. Так, например, WeChat, который в настоящее время является самой популярной платформой социальных сетей в Китае, несколько раз негативно отозвался о планах глобального расширения из-за «случайного» введения цензуры для иностранных пользователей. Подобные ситуации продолжают подрывать доверие пользователей к WeChat и напоминать международным пользователям об ограничениях, с которыми сталкиваются китайские приложения у себя дома.

Оказавшись перед дилеммой между обращением к международным пользователям, которые хотят, чтобы онлайн-среда была свободна от контроля, и соблюдением правил государственного регулирования, китайские интернет-компании приняли креативные способы введения цензуры. Так, к примеру, WeChat реализует механизм «Одно приложение, две системы», который позволяет цензуре распространяться только на учетные записи, зарегистрированные на номер телефона материкового Китая. Цензура сохраняется даже в том случае, если владельцы аккаунтов позже связывают аккаунт с международным номером.

По мере того как Интернет все больше становился средством инакомыслия, в руководстве росла обеспокоенность тем, что его можно использовать для мобилизации широкомасштабного политического протеста, способного угрожать центральному правительству.

Особую роль в регулировании социальных сетей в КНР сыграл приход к власти Си Цзиньпина в 2012 году [6]. С началом ведения своей политической деятельности как глава государства он пытался сделать так,

чтобы интернет-контент активнее служил интересам коммунистической партии. Возглавив партию, Си Цзиньпин ставил своей целью заставить замолчать инакомыслие, мобилизовать членов партии в поддержку ее ценностей и предотвратить проникновение иностранных идей в политическую и общественную жизнь Китая. В своих заявлениях китайский лидер отмечал, что Интернет в современном мире становится главным полем битвы для борьбы за общественное мнение.

В начале своего пребывания на этом посту Си Цзиньпин начал вести активную политику по регулированию сети Интернет и социальных сетей, в частности. При нём правительство разработало новую технологию, которая позволила ему установить гораздо больший контроль над Интернетом. В январе 2015 года правительство заблокировало многие виртуальные частные сети, которые граждане использовали для обхода Золотого щита. Это было удивительно для многих сторонних наблюдателей, которые считали, что виртуальные частные сети слишком полезны для китайской экономики, в частности, для поддержки многонациональных корпораций, банков и розничных сетей, чтобы правительство могло с ними справиться.

Весной 2015 года Пекин запустил Великую Китайскую Пушку [1]. В отличие от Золотого щита, который способен блокировать трафик при въезде или выезде из Китая, Великая Пушка способна корректировать и заменять контент, путешествуя по Интернету.

Китайское правительство в лице Си Цзиньпина использовало «Великую пушку» для организации распределенной атаки типа «отказ в обслуживании» на сайт, подавив его трафиком, перенаправленным с местной поисковой системы Baidu. Это было сделано с целью удаления страниц, связанных с изданием на китайском языке New York Times и распространением сведений о сервисах VPN, позволяющих обходить китайскую интернет-цензуру.

Но, пожалуй, самой заметной уловкой Си Цзиньпина было ограничение характера контента, доступного онлайн. В августе 2013 года правительство выпустило новый свод правил, известный как «семь базовых показателей» [2]. Реакция китайских интернет-компаний была незамедлительной. Например, Sina закрыла или «обработала» 100 000 учетных записей Weibo, которые не соответствуют новым правилам.

Правительство также приняло жесткие ограничения на интернет-слухи. В сентябре 2013 года Верховный народный суд постановил, что авторам постов в Интернете, которые намеренно распространяют слухи или ложь и которые были просмотрены, более чем 5000 людьми или разделены более 500 раз, могут быть предъявлены обвинения в клевете и тюремное заключение сроком до трех лет. Например, после массового наводнения в провинции Хэбэй в июле 2016 года [7] правительство задержало трех человек, обвиняемых в распространении в социальных сетях «ложных новостей» о количестве погибших и причине наводнения. Некоторые посты

в социальных сетях и фотографии наводнения, особенно тонущих жертв, также подвергались цензуре.

Кроме того, правительство Си Цзиньпина начало преследовать людей с большим количеством подписчиков в социальных сетях, которые могут бросить вызов авторитету Коммунистической партии.

Ограничения для наиболее известных китайских веб-авторитетов, начиная с 2013 года, стали важным поворотным моментом в китайской интернет-жизни. Дискуссии стали отходить от политики к личным и менее чувствительным вопросам. Особое влияние было оказано на такую социальную сеть, как Sina Weibo. Согласно исследованию 1,6 миллиона пользователей Weibo, количество постов Weibo сократилось на 70 % в период с 2011 по 2013 год.

Сила контроля Коммунистической партии над интернетом основывается прежде всего на ее приверженности предотвращению распространения информации, которую она считает опасной. Именно в связи с этим разрабатываются такие сложные технологии, как Золотой щит.

Одним из наиболее мощных источников влияния выступает киберармия, разработанная Си Цзиньпином. Общее число людей, занятых мониторингом общественного мнения и цензурой контента в Интернете, оценивается в 2 миллиона. Они заняты в правительственных департаментах пропаганды, частных корпорациях и новостных агентствах.

Согласно одному исследованию, проведенному в Гарварде в 2016 году, правительство Китая фабрикует и публикует около 448 миллионов комментариев в социальных сетях ежегодно. Значительное количество цензуры проводится путем ручного удаления постов, и примерно 100 000 человек нанимаются как государственными, так и частными компаниями для этого.

Частные компании также играют важную роль в содействии цензуре Интернета в Китае. Поскольку коммерческие интернет-провайдеры настолько сильно вовлечены в цензуру сайтов, которые они размещают, интернет-ученый Гобин Ян утверждает, что не может быть слишком много разговоров о приватизации контроля интернет-контента.

Процесс упрощается благодаря тому, что некоторые крупные технологические предприниматели также занимают политические посты. Например, Робин Ли из Baidu (поисковая система Китая) является членом Консультативного законодательного органа Народного политического совета Китая, а Лэй Цзюнь, основатель и генеральный директор гиганта мобильной связи Xiaomi, является представителем Национального народного конгресса.

Новость о новой вспышке коронавируса вызвала критику правительства, включая первоначальное сокрытие эпидемии и ограничения на информацию, которая явно отвечает интересам общества. В ответ на волну онлайн-критики множество новых терминов стали «чувствительными».

В январе пользователи китайской платформы социальных сетей Weibo жаловались на то, что слова «Ухань» и «Хубэй», где возникла эпидемия, были ограничены. Только небольшая часть пользователей могла видеть сообщения, содержащие эти слова, и критика властей в этих областях была подавлена.

На WeChat, другой популярной социальной медиа-платформе, систематически подвергались цензуре такие комбинации, как «Си Цзиньпин отправляется в Ухань» и «Ухань + КПК + Кризис + Пекин» [3].

И все же растущий контроль Си над интернетом не обходится без затрат. Интернет, который не работает эффективно или ограничивает доступ к информации, препятствует экономическому росту. Китайский Интернет, как известно, ненадежен и занимает 91-е место в мире по скорости.

Научные инновации, особенно ценные руководству Китая, также могут быть в опасности. После разгона VPN китайский биолог опубликовал в социальных сетях эссе под названием «Зачем ученым нужен Google?». Он писал о том, что государство хочет, чтобы многие ученые тратили большое количество времени от короткой продолжительности своей профессиональной деятельности для того, чтобы заниматься мониторингом работы Золотого щита, а также для установки и постоянного обновления любого вида программного обеспечения для маршрутизаторов, компьютеров, планшетов и мобильных устройств.

Кроме того, важно отметить, что с помощью таких действий правительство понижает уровень доверия к себе. Это проявляется в большем количестве насмешек и неодобрении. В частности, лица, ответственные за контроль над контентом, имеют самый низкий уровень одобрения. Когда Фан Биньсин, разрабатывающий проект Золотой щит, открыл учетную запись на Sina Weibo в декабре 2010 года, ему пришлось быстро её закрыть, поскольку тысячи интернет-пользователей оставили нецензурные сообщения, обвиняя его в том, что он является правительственным хакером.

Цензоры в Weibo заблокировали в поисковом наборе имя Фан Биньсин из-за большой критики в его адрес. Когда в 2011 году Фан выступил с речью в университете Ухань в центральном Китае, несколько студентов забросали его яйцами и парой туфель.

Тем не менее, правительство, похоже, готово нести экономические и научные издержки, а также потенциальный ущерб своему авторитету, если это означает усиление контроля над интернетом. Для международного сообщества политика Пекина в сфере социальных сетей является признаком проблемы, которую более мощный Китай ставит перед либеральным мировым порядком, отдающим приоритет таким ценностям, как свобода слова. Это также отражает парадокс, присущий усилиям Китая по продвижению себя в качестве лидера глобализации, одновременно

отстаивая модель суверенитета в социальных сетях и закрывая своё интернет-пространство для информации и инвестиций из-за рубежа.

Таким образом, можно сказать, что вопрос контроля социальных сетей в Китайской Народной Республике особо остро встал после прихода к власти Си Цзиньпина. В своей политике он придерживается принципа суверенного Интернета, в котором не было бы инакомыслия и оппозиционных настроений. Для данной цели в Китае разрабатываются и совершенствуются программы и законодательные акты, ограничивающие доступ населения к свободному волеизъявлению. Однако, несмотря на все запреты, жители КНР борются и находят способы обхода установленных в стране норм и правил.

Список литературы

1. Hern A. «Great Cannon of China» turns internet users into weapon of cyberwar / A. Hern // The Guardian. – 2015. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2015/apr/13/great-cannon-china-internet-users-weapon-cyberwar>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
2. Wade S. China's «seven base lines» for a clean Internet / S. Wade. – 2013. – Режим доступа: <https://chinadigitaltimes.net/2013/08/chinas-seven-base-lines-clean-internet/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
3. Как пользователи социальных сетей Китая создали новый язык, чтобы победить цензуру правительства над COVID-19 // Amnesty International. – 2020. – Режим доступа: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2020/03/china-social-media-language-government-censorship-covid/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Китай блокирует Google в преддверии конгресса // The Guardian. – 2002. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2002/sep/04/internetnews.china>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Обмен опытом: чему создатели китайского файервола учили российских коллег / РБК. – 2016. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/photoreport/28/04/2016/5721f11f9a79470c3d19057c>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Румянцев Е. Н. Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая / Е. Н. Румянцев. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/si-tszinpin-i-novoe-pokolenie-rukovoditeley-kommunisticheskoj-partii-kitaya>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Число жертв наводнения в Китае достигло 78 // BBC. – 2016. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-36873485>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ИРАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Югзов Вадим Максимович, студент
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: yugzov@gmail.com

В статье автор рассматривает особенности присущие развитию сотрудничества СССР и России с Ираном. Исследуются причины слабого развития двусторонних отношений СССР и Ирана, а также анализируются причины бурного развития сотрудничества России и ИРИ после распада Советского Союза. Целью данной статьи является анализ сложившихся условий, при которых удалось создать почву сотрудничества на современном этапе, но не обеспечить её во времена СССР.

Ключевые слова: Россия, политика, международные отношения, Евразия, СССР, Иран

SOVIET AND RUSSIAN PERIODS OF COOPERATION WITH THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: COMPARISON STUDY

Yugzov Vadim M., student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation,
E-mail: yugzov@gmail.com

In article the author considers features inherent in development of cooperation of the USSR and Russia with Iran. The reasons for the weak development of bilateral relations between the USSR and Iran are investigated, and the reasons for the rapid development of cooperation between Russia and Iran after the collapse of the Soviet Union are analyzed. The purpose of this article is to analyze the existing conditions that set the ground for cooperation at the present stage, but could not provide it during the Soviet times.

Keywords: Russia, politics, international relations, Eurasia, USSR, Iran

Советский период знаменуется созданием якорных законодательных основ, положивших начало для дальнейших дипломатических отношений с Ираном. Дипломатические отношения между двумя государствами стали зарождаться сразу после закрепления в России советской власти. Согласно проведенному анализу основополагающим документом дипломатических отношения Ирана и Советской России считается советско-иранский мирный договор, подписанный в 1921 г.

и закрепляющий основные положения развития дипломатического сотрудничества двух государств. Затем, с течением времени, два эти государства подписали еще ряд нормативных документов, развивая тем самым дипломатические отношения [1].

Данное соглашение между Ираном СССР является ключевым нормативным актом, закрепляющим вектор развития дипломатического сотрудничества государств на протяжении долгого периода. Так, Советская Россия закрепила в договоре меры, являющиеся подтверждением принципа дружбы и взаимного уважения, на основе которого изначально выстраивались отношения этих государств [2]. К перечню такого рода мер можно отнести:

- отказ СССР признавать все нормативные документы, подписанные между Российской Империей и Ираном, дискриминирующие Иранское правительство, а также всех конвенций с третьими странами, ущемляющие его права;

- отмена финансовой политики царского правительства в отношении восточных стран, в том числе Ирана;

- осуществление передачи имущества и средств частного имущества Российской империи Иранскому государству [3].

Ирано-советские дипломатические отношения на протяжении долгого времени оставались неустойчивыми, даже после прихода к власти в 1925 г. Реза-хана [4].

У нового правителя Ирана были основания не доверять Москве и ее политике в отношении Ирана. Данное утверждение объясняет двойственное отношение Ирана, когда, с одной стороны, государство настороженно относилось к Советскому Союзу и не выражало устремлений сблизить свои дипломатические отношения, однако, с другой стороны, сохранял нормальные политические связи [5].

Российский исследователь М.С. Лазарев отмечает, что ирано-советская дипломатия 20-х гг. характеризовалась достаточно неустойчивым положением. Так, иранское правительство беспокоило распространение коммунистических идей в северных прикаспийских провинциях Ирана, в особенности в Гиляне, Хорасане, Азербайджане и Мазандеране. Помимо этого, он был уверен в возможности своего убийства по приказу И.В. Сталина и в целом воспринимал так называемого дипломатического партнера, как опасного политического противника [6].

Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном был заключен 25 марта 1940 г. Сложности в ирано-советских отношениях продолжались до начала Второй мировой войны. В феврале 1941 г. в их отношениях появилась новая проблема, которая была связана с проводимой в Иране спекуляцией советской валюты.

Введение советских и английских войск в Иран стало причиной экономического спада, который характеризовался резким снижением уровня жизни населения, что, по мнению российских историков, избавило государство от возможности ведения вооруженных действий на его территории [7].

Анализируя имеющиеся документы, складывается впечатление, что в период Второй мировой войны большая часть дипломатических акций Советского Союза в отношении Ирана были в действительности несправедливы. Так, как в ситуации ввода войск на территорию Ирана, так и в преддверии Тегеранской конференции 1943 г., советское правительство сделало все возможное, чтобы закрыть все лазейки для проникновения немецких шпионов на Иранскую территорию. Под предлогом опасности покушения на лидеров союзнических государств, СССР ввел на территорию колоссальный контингент военных, разведывательных групп и сил безопасности.

Началом периода улучшения ирано-советских дипломатических отношений принято считать 1953 г., однако уже в 1959 г. наступил дипломатический кризис между странами во время переговоров в Тегеране. Среди ключевых причин такого изменения вектора сотрудничества называют чаще всего участие Иранского государства в СЕНТО (Организация Центрального Договора) и обретение властных полномочий генералом Абдулкаримом Касимом в Ираке.

Сложным этапом в развитии ирано-советских дипломатических отношений выделяют период Исламской революции в Иране, значительно сказавшийся на двусторонних отношениях государств. Созданная пришедшими к власти клерикалами идеологическая основа превратилась в действующий рычаг не только консолидации гражданского населения, но и давления на Советский Союз, как геополитический центр силы [8].

Появление в Иране антисоветских настроений как в обществе, так и в дипломатическом корпусе во многом связывают с вводом советских войск на территорию Афганистана, который является четким противоречием закрепленным принципам установления взаимовыгодных ирано-советских дипломатических отношений. Ситуацию изменило письмо иранского правительства к высшим должностным лицам СССР, в котором речь шла о предложении иранской стороны нормализации ирано-советских дипломатических отношений в условиях вывода союзных войск с территории соседнего Афганистана, а также уменьшении внешнеполитических представительств Советского Союза в Иране.

В связи с существующим недовольством населения Ирана относительно внешнеполитических действий СССР в Афганистане, на Посольство Советского Союза в Тегеране был совершен ряд нападений в 1980 г. В итоге, советскому правительству пришлось пересмотреть свои внешнеполитические взгляды относительно Ирана, особенно в период протекания ирано-иракской войны [9].

Прорывом в развитии ирано-советских дипломатических отношениях в этот период считается визит заведующего департаментом МИД ИРИ по делам Европы и Америки Мохаммеда Садра в СССР, результатом которого стала встреча с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко. В продолжение улучшения дипотношений был заключен

в 1985 г. Меморандум по экономическим проблемам, согласно которому СССР обзвываясь оказывать помощь при сооружении энергетических объектов на территории Ирана.

Как итог, Иран стал рассматривать СССР как ключевого политического партнера, дипломатическое сближение с которым предвещало возможность получить политико-экономические дивиденды.

Одной из наиболее ключевых ступеней ирано-советских дипломатических отношений принято считать подписание 22 июня 1989 г. когда президент Ирана Али Акбар Хашеми Рафсанджани встретился в Москве для переговоров с советским лидером Михаилом Горбачёвым.

Стоит отметить, что основные проблемы в отношениях ИРИ и СССР состояли в следующем:

1. Недружественные шаги со стороны СССР накаляли обстановку в отношениях двух государств, подталкивая её к нестабильности.

2. Несколько попыток оккупации Ирана, или же отдельных его провинций (напр. Гилян) сами по себе ликвидировали доверительный характер советско-иранских отношений, по крайней мере до 1989 года.

3. Союзнические связи Шахского Ирана с Соединенными Штатами Америки вносили дополнительное недоверие со стороны СССР, в том числе из-за общего мироустройства во время Холодной Войны.

4. С победой Исламской Революции в Иране, ислам занял доминирующую роль во внутреннем политическом устройстве государства, естественно, что в такой ситуации, всё, что связано с коммунистической идеологией, которая на государственном уровне продвигала всеобщий атеизм, будет вызывать неприятие и отрицание.

5. Появление Советских войск в шиитском Афганистане вызвало большую бурю негодования в Республике, которая уже стала «исламской».

6. Иран возложил на Советский союз огромную долю ответственности за ирано-иракскую войну, так как СССР поставлял оружие для армии Саддама Хуссейна, этот факт испортил отношения между странами на начальном этапе не меньше, чем ввод советский войск в Афганистан [10].

Неустойчивый характер ирано-советских дипломатических отношений, постоянно изменяющих степень доверия между государствами, прослеживался на протяжении всего периода существования Советского Союза. Затем, после принятия Российской Федерацией своей правопреемственности от СССР, между Ираном и РФ в конце XX века устанавливаются стабильные партнерские дипломатические отношения.

Хотя Иран до конца 1980-х годов боялся возвращения коммунистических идей и движений сопротивления через свою общую границу с Советским Союзом, опасения по поводу СССР отпали из-за его распада. На Каспийском море появились новые республики и заменили соседний Ирану Советский Союз.

Идеологические стремления первых лет проводить внешнюю

политику «экспорта революции» были отложены под дальнейшим председательством Рафсанджани в пользу прагматичной реальной политики. Устранение общей границы из-за распада Советского Союза, привело к фактически большей географической дистанции между Ираном и Россией, но сблизило эти государства политически [11].

В период с 1990 по 1992 годы, между РФ и ИРИ были заключены несколько важнейших сделок по поставкам оружия, техники и комплектующих военной техники в Исламскую Республику Иран, на сумму достигающую 10 миллиардов долларов. Эти сделки предполагали продажу Ирану танков Т-72, комплексов противовоздушной обороны С-200 и даже включали передачу Ирану одной подводной лодки.

Но выполнить эти соглашения в полной мере Российской Федерации так и не удалось из-за подписания меморандума «Гор-Черномырдин», который обязывал Россию отказаться от поставки в ИРИ любой техники военного назначения и завершить все поставки такого рода до 31 декабря 1999 года, с последующим обязательством не заключать новых сделок. Из-за этого РФ потеряла порядка 4 миллиардов долларов упущенной выгоды.

Важнейшим из соглашений, заключенных в 1990-х годах, стало соглашение от 25 августа 1992 года о достройке Россией Бушерской АЭС, строительство которой было начато еще в 1975 году, но к 90-м годам так и не сдвинулось с мертвой точки, когда немецкая компания «Сименс» присоединилась к международным санкциям после Исламской Революции 1979 года. «Сименс» оставил станцию в состоянии готовности на 80 %. Россия взялась реорганизовать реактор под собственные стандарты [12].

В 1990-е годы на передний план также вышел вопрос разделения Каспийского моря, в том числе и его ресурсоемких областей между новообразованными после распада СССР государствами.

В 2000 году в России вступает в силу концепция внешней политики РФ, в которой прямо указывается важность и необходимость конструктивного сотрудничества с ИРИ, стоит заметить, что во всех последующих концепциях, а именно: 2008, 2013, 2016 годов – этот тезис полностью сохранился.

В 2001 году Мохаммад Хатами отправился в Москву в качестве первого президента в истории Исламской Республики [13].

Первоначальная обеспокоенность российского руководства тем, что провозглашенный Хатами «Диалог культур» может стать прелюдией к ирано-американскому сближению, оказалась необоснованной после того, как Махмуд Ахмадинежад сменил Хатами на своем посту в 2005 году. Начав политику «взгляд на восток», Ахмадинежад отошёл от политики осторожного открытия к западным государствам и начал искать новые альянсы. Помимо таких стран, как Россия и Китай, этот «восток» также включал государства «движения неприсоединения» и поэтому понимался при Ахмадинежаде не только географически, но и политически. Новое правительство стремилось создать политический противовес «Западу»

путем расширения сотрудничества с «Востоком» [14].

После третьего президентского срока Владимира Путина началась наиболее интенсивная фаза российско-иранского сотрудничества. Этому также способствовало воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 года, кризис на Украине и последующая нисходящая спираль в российско-американских отношениях.

В то же время Тегеран и Москва оказались по одну сторону политических баррикад благодаря своей поддержке президента Сирии Башара Асада и сопротивления международному санкционному давлению, которые требовали большой политической координации между странами.

Иран полон решимости расширить свои отношения с Россией. Традиционные области сотрудничества в области ядерных и оружейных технологий были недавно расширены и включают изолированное сотрудничество в области безопасности, например в Сирии. Геополитические интересы Ирана и России в регионе расходятся, но они не являются взаимоисключающими. Это создает точки соприкосновения для обеих сторон [15].

Тегеран и Москва выигрывают от координации своей соответствующей региональной политики. Ввиду геополитического значения обеих стран ни одна из сторон не может отстаивать свои основные региональные политические интересы против воли другой. Например, Тегеран в Сирии нуждается в поддержке со стороны Москвы для поддержания политического порядка при Асаде.

Напротив, если Россия хочет снова играть более значительную роль в регионе, она должна сначала обеспечить такие условия, в которых Тегеран не использовал бы Москву для оказания влияния на ключевые районы конфликта, такие как Сирия, Афганистан или Ирак. Даже если Сирия еще не является моделью для подобного ирано-российского сотрудничества в регионе, Иран будет продолжать военное сотрудничество с Россией в случае необходимости. Использование Россией иранской авиабазы Хамадан не должно остаться единичным случаем [16].

О том, что Иран и Россия хотят больше сотрудничать в области военных технологий в обозримом будущем, стало ясно на встрече министра обороны России Сергея Шойгу с его иранским коллегой Хосейном Дехганом в январе 2015 года. Шойгу и Дехган подписали в Тегеране соглашение, регулирующее сотрудничество в области обмена информацией, военной подготовки и координации борьбы с терроризмом.

Российская военная промышленность заинтересована в увеличении объемов поставок в Иран. Однако экспорт некоторых систем вооружений в Иран подлежит утверждению Советом Безопасности ООН. Резолюция 2231 от 19 октября 2015 года, которая была принята в результате ядерного соглашения, предусматривает пятилетний лимит на поставки тяжелых обычных вооружений, включая танки, вертолеты и вооруженные транспортные средства. Исключения возможны только в отдельных случаях и должны быть

одобренны Советом Безопасности. Из-за этого политического препятствия Россия сможет начать экспортировать технику в Иран только в этом году.

Стоит также заметить, что часть иранской элиты скептически относится к более тесному сотрудничеству с Россией. Исторически растущее недоверие к Москве преобладает среди интеллектуалов и многочисленных лиц, принимающих политические решения. Это недоверие усилилось из-за турбулентности последних лет, в том числе из-за длительной задержки с завершением строительства АЭС в Бушере или с задержкой и дальнейшим прениям, связанным с поставкой системы ПРО С-300 [17].

Тот факт, что Россия ни разу не накладывала вето на Совет Безопасности ООН по предотвращению санкций в связи с ядерной программой Ирана, рассматривается как свидетельство того, что Тегеран не может рассчитывать на Москву в случае кризиса. Основное беспокойство вызывает возможное российско-американское сближение. Есть опасения, что Москва может неожиданно договориться с США за счет Тегерана, например, в Сирии [18].

Сторонники более тесной связи с Россией, напротив, указывают на отсутствие стратегических вариантов у Тегерана. В отличие от США или европейских стран, Россия готова к сотрудничеству в области безопасности и поставкам оружия для иранских военных, нуждающихся в модернизации. В соответствии с открытой политикой в отношении Москвы, которую президент Рафсанджани инициировал в конце 1980-х годов, Россия рассматривается здесь как наиболее важное союзное государство, которое может укрепить Исламскую Республику в политическом и военном отношении и тем самым сделать возможным стремление Ирана к независимости и самостоятельности. По словам иранского консультанта по внешней политике, эта школа мысли в Тегеране в настоящее время находится на подъеме.

Независимо от различных внешнеполитических предпочтений, внутри иранского руководства наблюдается растущая готовность, в которой большинство из них либо предпочитают более тесные связи с Россией, либо интеграционный подход – развивать отношения с Россией. Тегеран не занимает единой позиции, но она координируется в процессе принятия внешнеполитических решений.

Список литературы

1. Кулаков В. О. Законодательные основы установления и развития дипломатических отношений Советского Союза с Ираном / В. О. Кулаков // Манускрипт. – 2017. – № 12 (86). – С. 90.
2. Алиев С. М. История Ирана: XX век / С. М. Алиев. – М. : ИВ РАН ; Крафт+, 2004. – С. 341.
3. Тузмухамедов Р. А. Советско-иранские отношения (1917–1921) / Р. А. Тузмухамедов. – М. : Изд-во ИМО, 1960. – С. 80.
4. Виноградов В. М. Эпизоды из дипломатической практики / В. М. Виноградов. – М. : Изд-во МГИМО, 1993. – С. 184.

5. Бининашвили А. М. Влияние внешнего фактора на развитие ситуации в Иране / А. М. Бининашвили // Иранская революция. Причины и уроки : сб. науч. трудов. – М., 1989. – С. 151.
6. Махдиян М. Ирано-советские отношения: зарождение и особенности развития в 1920-х – 1930-х гг. / М. Махдиян // Власть. – 2012. – С. 74.
7. Оришев А. Б. Советский Союз и Иран: 1933–1945 / А. Б. Оришев // СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. – М. : ИВ РАН, 2010. – С. 271.
8. Отношения России и Ирана. – Режим доступа: <https://clck.ru/NsKhp>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.04.2020).
9. Россия и Иран: краткая история взаимоотношений. – Режим доступа: <https://sanaei.livejournal.com/1808.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.04.2020).
10. Мирный Д. С. Вмешательство СССР и США в ирано-иракскую войну 1980–1988 гг. / Д. С. Мирный // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 6 (37). – С. 31–38.
11. Карякин В. В. Российско-иранское стратегическое партнерство как фактор международной безопасности / В. В. Карякин // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 6 (37). – С. 83–98.
12. Оруджова Т. Состояние и перспективы сотрудничества России и Ирана / Т. Оруджова // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 10. – С. 93–102.
13. Хафизова Э. И. Сотрудничество Ирана и России в торгово-экономической сфере с июня 2001 г. По июнь 2005 г. / Э. И. Хафизова // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 10. – С. 50–52.
14. Вартамян Э. Г. Диалог культур и цивилизаций в Иранском измерении: трансформация и интеграционные процессы (1990-е – начало 2000-х гг.) / Э. Г. Вартамян // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – № 2–2. – С. 558–562.
15. Сченснович В. Н. «Иран: внешняя политика (аналитический обзор)» / В. Н. Сченснович // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 3. – С. 73–87.
16. Россия перебросила дальние бомбардировщики Ту-22М3 в Иран. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-37092754>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 24.04.2020).
17. Малаки М. Р. Негативные факторы Израиля в отношениях Ирана и России / М. Р. Малаки // Ежеквартальное издание Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – № 25. – С. 34–36.
18. Бехештипур Х. Проблемы ирано-российских отношений и решения для стабильности и доверия в двусторонних отношениях / Х. Бехештипур // Перспективы отношений между Ираном и Россией. – Тегеран, 2015. – С. 13–32.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ПЕРИОД КАРАНТИНА 2020 ГОДА: ДИСКУССИИ И ОЦЕНКИ ПО МАТЕРИАЛАМ КИТАЙСКОЙ ПРЕССЫ

Приорова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук,
профессор

Российский новый университет
105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, 22
Сямыньский университет (КНР, Сямынь)
E-mail: irinapriorova@yandex.ru

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент
Каспийский институт морского и речного транспорта имени генерал-
адмирала Ф.М. Апраксина

414024, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Б. Хмельницкого, 3
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Аннотация. В статье представлена общественная дискуссия, развернутая на страницах государственной прессы Китая по поводу дистанционного обучения в период карантина 2020 года, которая отражает разные точки зрения. Из материалов прессы следует, что вместе с большими плюсами онлайн-обучения, проявились его существенные недостатки, требующие серьезной доработки в масштабе государственной образовательной политики КНР.

Ключевые слова: дистанционное обучение, «образование для всех», «образование на всю жизнь», масштабная репетиция, массовые открытые онлайн-курсы, национальный виртуальный класс, выравнивание возможностей

THE EDUCATION POLICY OF CHINA DURING QUARANTINE 2020: DISCUSSIONS AND EVALUATION BASED ON CHINESE PRESS

Priorova Irina V., Doctor of Philology, Professor
Russian New University
22 Radio St., Moscow, 105005, Russian Federation
Xiamen University (PRC, Xiamen)
E-mail: irinapriorova@yandex.ru

Lebedeva Irena V., Ph.D. (Sociology), Associate Professor
Caspian Institute of Sea and River Transport
3 B. Khmel'nitskiy St, Astrakhan, 414024, Russian Federation
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Annotation. The article presents a public discussion launched on the pages of the Chinese state press regarding distance learning during the quarantine period of 2020, which reflects different points of view. From the press it follows that, along

with the big advantages of online learning, its significant shortcomings appeared, requiring serious refinement on the scale of the state educational policy of the PRC.

Keywords: distance learning, “education for all”, “education for life”, large-scale rehearsal, mass open online courses, national virtual classroom, equalization of opportunities

Дискуссии по результатам онлайн-обучения прошедшего полугодия не сбавляют обороты, поскольку общество практически оценивает работу всех учебных заведений Китая в нестандартных обстоятельствах. Дистанционное обучение стало спасительной мерой в условиях карантина, в который погрузился весь Китай с 28 января 2020 года. Китайская система образования – крупнейшая в мире: в стране насчитывают 260 миллионов обучающихся, а это 20 % от всего населения, кроме того, сейчас в стране насчитывается более 2663 высших учебных заведений, в которых обучается более 11 млн студентов. Такое количество студентов неминуемо приводит к высокой конкуренции за учебные ресурсы. По этой же причине китайское общество, в отличие от Европы, уделяет много внимания важности образования – иногда даже чересчур. Абитуриенты испытывают колоссальное эмоциональное давление и психологический прессинг, потому что от баллов, полученных на выпускных/вступительных экзаменах, и выбора колледжа или университета, зависит вся дальнейшая жизнь молодых людей, их карьера и социальная успешность.

До этого момента дистанционное образование признавалось в Китае, как и во всем мире, возможностью, которая позволяет реализовать два основных принципа современного образования – «образование для всех» и «образование через всю жизнь». Но реальные жизненные обстоятельства показали уязвимые места онлайн-обучения, в связи с чем определились направления усовершенствования образовательной политики Китая. Чтобы объективно оценить качество знаний, полученных обучающимися в период карантина, необходимо время. Но уже сейчас подводятся первые итоги этого масштабного эксперимента, который вызвал самые противоречивые отзывы, отражая «болевые моменты» обучения в цифровом формате. Естественно, что государственные органы и Министерство образования Китая акцентируют внимание преимущественно на позитивных моментах проведенной масштабной репетиции дистанционного обучения. Об этом в газете «Китайская молодежь» («China Youth Daily») пишет Хуан Шуай в своей статье «Основные достижения и проблемы дистанционного образования в Китае» [2].

Автор подчеркивает, что эпидемия коронавируса вызвала настоящий цифровой бум в Китае: миллионы школьников и студентов перешли на дистанционное обучение. Помимо частных онлайн-платформ для удаленного обучения, правительство КНР оперативно развернуло «Национальный виртуальный класс». В помощь школьникам разработали специальное приложение. Впрочем, Китай и до эпидемии был одним из лидеров

в области дистанционного обучения. XuetangX – ведущая в Китае и одна из крупнейших в мире платформ дистанционного образования. Ее создала и запустила в 2013 году компания MOOC-CNEducation при поддержке Китайского министерства изучения образования и университета Циньхуа. Платформа создана для разработки и проведения MOOK – *массовых открытых онлайн-курсов* без ограничения числа участников. Такие курсы позволяют студентам из разных стран интерактивно изучать материал и взаимодействовать с преподавателями в режиме реального времени.

XuetangX может похвастаться уникальными возможностями для студентов и преподавателей. Так, Феньгуа Ни – председатель совета директоров XuetangX, рассказывает об особенностях китайской платформы: *«У нас хорошо развиты системы поиска и рекомендации курсов. В разделе «Сообщества» студенты могут обмениваться впечатлениями и оставлять отзывы о пройденных материалах»* [2]. XuetangX регулярно модернизируют: разрабатывают режимы самостоятельной работы, реструктурируют и группируют учебные материалы, а также редактируют сами курсы, чтобы информация оставалась актуальной, а профессора могли следить за ходом занятий, внося коррективы по мере необходимости. Сведения об учебном процессе освещаются с разных сторон: *«Мы хотим объединить и использовать ключевые преимущества очного и онлайн-обучения. Мы хотим помогать студентам и поддерживать с ними связь – не только во время уроков, но и до, и после занятий»*, – отмечает Феньгуа [2].

Следует обратить внимание на то, что в отличие от многих других стран, в Китае не распространены опасения, что онлайн-образование сможет заменить университетский кампус. Никто из участников массового опроса, который проводила газета, не отметил, что онлайн-образование сможет стать «университетом будущего». Большинство видит в нем лишь возможности для дополнительного образования, особенно после окончания обучения. Учитывая существующие проблемы системы образования в Китае, XuetangX предлагает их решение. С одной стороны, во-первых, *«С помощью онлайн-курсов, возможности для дальнейшего образования появляются и у тех, кто не смог сдать гаокао (это китайский аналог ЕГЭ)»* [2]. Во-вторых, отмечается, что онлайн-курсы – это доступ к самым различным специализациям и предметам, а также качественным и бесплатным материалам.

Хотя, с другой стороны, по словам студента Академии искусств Лю Инчао, обучающимся в онлайн-формате требуется очень сильная мотивация: *«...в интернете можно найти много материалов, но они абсолютно не упорядочены. А современное общество требует от человека постоянного самообразования, и таким образом, бесплатные и качественные MOOK могли бы способствовать просвещению в целом»* [2], но у MOOK пока не хватает возможностей для массовой дискуссии и общения с другими участниками платформы.

Одной из главных проблем китайской системы образования признается неравномерное распределение образовательных ресурсов по всей стране. Если в крупных городах высшее образование относительно доступно, то жителям бедных провинций иногда сложно получить доступ даже к базовым школьным курсам. Часто на несколько деревень приходится всего одно учебное заведение с двумя-тремя учителями. Поэтому главное достоинство МООК – это снижение порога для получения знаний, выравнивание возможностей тех, кто живет в крупных городах, и тех, кто родился в небольшом селе внутренней провинции, тех, у кого есть возможности платить за многочисленные подготовительные курсы, и тех, кто такой возможности не имеет: *«МООК снижает преграды для получения образования. Независимо от возраста, сферы занятости, у всех есть возможность получить новые знания и навыки, есть шанс поменять свою жизнь к лучшему»* [2]. Не вызывает сомнения, что в нормальном режиме студент, добровольно обучающийся дистанционно, становится более самостоятельным, мобильным и ответственным. Без этих качеств он просто не сможет учиться. Если даже этих качеств не было изначально, амотивация к обучению велика, то они развиваются в процессе обучения, и в результате выходят подготовленные специалисты в соответствии с требованиями рынка.

Но в режиме экстремальных условий, к которым относится и карантин этого года, массовое онлайн-обучение, как показывают результаты, требует дальнейшего совершенствования. Развитие системы дистанционного образования с обеспечением максимальной интерактивности должно в итоге привести к абсолютной полноценности онлайн-формата. На самом деле не секрет, что обучение только тогда становится полноценным, когда достигается взаимодействие обучающего и обучаемого, т.е. следует стремиться к реальному общению между преподавателем и студентами, учителя и учениками. Поэтому в Китае продолжен поиск того, какие способы необходимо использовать в сочетании различных типов электронных коммуникаций, чтобы компенсировать недостаток личного контакта за счет виртуального общения.

Лю Яо в своей статье «Холодные суждения о лихорадке онлайн-обучения» на страницах издательства «Жэньминь жибао» [1] подчеркивает, что во время эпидемии каждый школьник и студент **вынужден** учиться онлайн из дома из-за ограничений, связанных с коронавирусом. С одной стороны, учиться дома может быть самым безопасным способом для детей. Однако, с другой стороны, такой способ обучения принес много проблем и родителям, и учителям, и детям. Автор статьи комментирует общественный резонанс по поводу недовольства большинства родителей, впервые столкнувшихся с проблемой дистанционного обучения. *Во-первых*, учиться дома тяжело и детям, и родителям. Некоторые родители до сих пор ещё не могут привыкнуть к такому методу обучения и не хотят его практиковать в будущем. Самой серьёзной проблемой является то, что у школ нет

возможности следить за детьми, как в нормальном режиме, дисциплинировать их, а у родителей нет навыков такого педагогического контроля и просто нет времени. Онлайн-обучение выдвигает более высокие требования к самостоятельности детей, и около 30 % родителей признали, что они негативно относятся к контролю за своими детьми вовремя домашнего обучения. Многие из них считают, что проверять домашние задания и контролировать их выполнение – это не задача родителей.

Естественно, такой общественный резонанс недовольства заставляет специалистов по образованию обращаться к родителям через СМИ с рекомендациями о том, что следует изменить концепцию семейного воспитания и обратить внимание на развитие у детей способности к самообучению. Особенности государственной политики КНР позволяют подобные рекомендации одномоментно сделать повсеместным требованием, которое граждане обязаны беспрекословно исполнять. И скорее всего, к новому учебному году эти рекомендации станут безусловным руководством к действию, несмотря на массовое недовольство родителей.

Но этим дело не ограничивается, и *вторая* проблема, по мнению Лю Яо, состоит в том, что некоторые учителя и преподаватели тоже не привыкли к онлайн-обучению. Они не знакомы с использованием интернета, его возможностями, в результате чего эффективность обучения была значительно снижена.

И *третья* проблема касается самих детей и их здоровья, поскольку учиться онлайн для детей тоже большое испытание: ребенку нужно самого себя организовать и не лениться. Однако дети есть дети, и им трудно сосредоточиться на учёбе, когда учителя не могут следить за ними, поэтому многие из них, не умея себя контролировать, часто используют мобильные телефоны для общения между собой и игр во время уроков.

Одним словом, Лю Яо отмечает, что онлайн-обучение изменило способ участия в образовании и детей, и школы, и родителей, которые должны совместно взять на себя новые обязанности, что, несомненно, приведет к новым изменениям, которые смогут обеспечить эффективность и качество онлайн-обучения. Однако на фоне новой установки Министерства образования Китая, в прессе уже обсуждаются неутешительные перспективы такого «переодевания» школьного образования и приводятся пока единичные, но уже устрашающие примеры.

Так, в новостях из портала «Синь Лан» Информационного агентства Китая, в статье Дун Чжэнь «Школьница совершила самоубийство из-за удаления из группового чата» [5] подчеркивается: несмотря на то, что миллионы школьников и студентов перешли на дистанционное обучение в оперативно развернутом «Национальном виртуальном классе», надо дать объективную оценку этому шагу, исходя из реальных результатов. Автор обращает внимание на то, что за последние месяцы помимо позитивных новостей, всё более и более очевидными становятся недостатки

дистанционного обучения и, прежде всего, потому что оно наносит серьезный вред *психическому* здоровью детей и подростков.

Дун Чжэнь поднимает проблему неустойчивости детской психики, которую надо учитывать, чтобы не происходили такие трагедии, как в городе Циничен, Провинции Шаньси, где 15-летняя девочка была удалена из группового чата три раза, после чего покончила жизнь самоубийством. Классный руководитель объяснил свое поведение педагогическим приемом, который он сделал, потому что девочка часто не выполняла домашние задания и часто опаздывала. Оценка этого инцидента в обществе была крайне противоположной. Одни считают, что учитель был прав, потому что девочка не выполняла домашние задания, а учитель, удаляя её из группового чата, лишь прибег к карательной мере. Попытки учителя общаться с родителями ни к чему не привели, девочка так и не исправилась, а учитель должен дисциплинировать детей, хотя не имеет права наказывать учеников. Другие считают, что учитель поступил непедагогично, потому что затронул самолюбие девочки и довел ее до самоубийства: перед трагедией она говорила с ним по телефону. Многие считают, что в этой ситуации, прежде всего, виноваты родители.

Другой автор, Ин Юе, в своей статье «Не имея смартфона, школьница из бедной семьи не смогла учиться в онлайн, что привело к трагедии» [6] поднимает еще одну очень актуальную проблему – проблему бедности, о которой в современном Китае не стесняются говорить открыто, хотя предпочтительными остаются победы и достижения. Дистанционное обучение требует от ребенка телефон, интернет и компьютер, что для бедной семьи становится непосильным бременем. Задетое самолюбие бедных детей никто не учитывал, вводя повсеместно онлайн-формат. Именно это и привело к очередной трагедии, которая произошла в городе Данжонгу, в провинции Хэнань. Из-за бедности родителей, которым не по карману смартфон, ученица не смогла учиться в онлайн-режиме, что стало причиной её самоубийства. Это случилось в марте этого года и вызвало большой общественный резонанс, который до сих пор не утихает.

Более того, тема бедности активно обсуждается, привлекая внимание власти и Министерства образования. Свое продолжение она получила в статье Хань Дженъ «Более 2000 учеников в одном уезде не могут посещать онлайн-курсы – не оставляйте бедных учеников позади!», опубликованной в Агентстве «Синьхуа» [4]. Автор пишет, что вспышка эпидемии прервала нормальное обучение, и чтобы выполнить требования Министерства образования о прекращении занятий без остановки учёбы и уменьшении воздействия эпидемии на учебу, все учебные заведения использовали метод дистанционного обучения (ДО) через онлайн-курсы. ДО стала наиболее приемлемой схемой обучения в условиях эпидемии и борьбы с ней. Люди осознали, что Интернет может стать эффективной мерой на случай непредвиденных обстоятельств, как эта «эпидемия».

Но, несмотря на то, что большинство детей пользовались удобством ДО, всё же были и есть такие дети, которые не могут посещать онлайн-курсы: в Хулунбайере, Внутренней Монголии, пастух, который с рождения живёт в степи, был вынужден переселиться всей семьёй в другое место, чтобы найти сеть, и позволить своим дочерям учиться через онлайн-курсы. В Ичане, провинции Хубэй, дедушка искал сигнал для мобильного своей внучки в горах. Многие считают, что сегодня не сложно подключиться к сети из-за популярности смартфонов. Тем не менее, в одном уезде на западе Китая более 2000 учеников не могли посещать онлайн-курсы по причине отсутствия смартфона, компьютера и сети интернета. Корреспондент обращает внимание общественности на то, что *«Если эти дети пропустят онлайн-курсы в течение длительного времени, они неизбежно отстанут, когда вернутся в школу. Общество должно защищать их право на получение образования справедливо»* [4].

Как видно, эта проблема совсем непростая, она доказывает, что в настоящее время при распределении образовательных ресурсов между городом и деревней в Китае всё ещё существует серьёзный дисбаланс. Для решения этой проблемы образовательные министерства и ведомства должны провести необходимые исследования, чтобы узнать истинное положение всех образовательных учреждений и условия жизни детей и подростков и сделать соответствующие выводы по мерам поддержки для тех, кто в этом нуждается. Признание государством того, что не у всех детей есть условия для онлайн-обучения, в перспективе поможет тем ученикам, которые испытывают трудности в онлайн-формате, поскольку в случае признания такой образовательной дискриминации должна предоставляться необходимая помощь государства тем, кто испытывает большее моральное унижение, чем другие, из-за бедности. Министерство образования Китая, по мнению автора, должно обратить больше внимания на бедных детей и сыграть главную роль в ситуации устранения цифрового порога, а низовые образовательные организации должны принимать более решительные меры и создавать условия обучения для бедных детей на местах, исходя из особенностей каждого случая.

Реакция правительства не заставила себя долго ждать: «Совокупный объём денежных средств, которые Китай выделил в 2020 году для борьбы с бедностью, достиг 19,7 млрд долл. после того, как центральное правительство на днях выделило местным властям ещё 3,67 млрд долл.» [8]. Как пишет газета «Жэньминьжибао» (онлайн) со ссылкой на источники в Минфине КНР, «...эти денежные средства будут в основном направлены на поддержку чрезвычайно бедных районов в Тибетском автономном районе, Синьцзян-Уйгурском автономном районе, провинциях Сычуань, Цинхай, Ганьсу и Юньнань. Кроме того, финансовое ведомство Поднебесной окажет большую поддержку регионам, сильно пострадавшим от вспышки новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также районам, куда

переселили большое количество жителей из бедных районов»[8]. Напомним для справки, что «...за прошедшие 40 лет Китай избавил от нищеты 740 миллионов человек. В последние годы из-за черты абсолютной бедности страна ежемесячно выводила по одному миллиону человек. Центральное телевидение Китая сообщает, что сейчас из нищеты в КНР выводят по одному человеку каждые три секунды» [9].

Поэтому оптимистически настроенный Чжу Юнсинь, автор статьи «Эпидемия дала широкие возможности в сфере образования» [3], на страницах газеты «Жэньминь жибао» пишет, что даже период эпидемии для образования является перспективным и значительным, поскольку благодаря науке и технике обучение может осуществляться в особом формате. Автор подчеркивает, что с развитием научно-технического прогресса в обществе появляются новые реалии, новые средства, в том числе многообразные образовательно-просветительские модели. И несмотря на то, что каждая форма имеет определённые недостатки, их можно исправить, если всем вместе гибко выбрать оптимальный вариант. Конечно, нельзя полностью заменить традиционное обучение на онлайн-обучение, самое эффективное образование возможно лишь при взаимодополняемости онлайн и офлайн с учетом индивидуальных способностей, когда можно определить преимущество между двумя формами для каждого обучающегося. Пресекая распространение эпидемии, Министерство образования направило уведомление о переводе обучения на весенний семестр текущего года в режим онлайн-классов в прямом эфире с предоставлением общественных учебных ресурсов, придерживаясь главного принципа: «Приостановка аудиторных занятий не значит – остановка обучения». Министерство образования Китая считает, что дистанционное обучение сыграло важную роль не только в профилактике и борьбе с эпидемией, но подтвердило свою полезность уже до такого особого периода. В связи с этим научно-исследовательский институт Сучжожского университета разрабатывает новые направления исследований: 1) «Как интернет изменил экологию образования?»; 2) «Как добиться интеграции онлайн-обучения и офлайн-обучения?»; 3) «Как осуществить взаимодополняемость преимуществ школы и социального образовательного учреждения?». Все это говорит о том, что этот особый период используется в Китае не только для подтверждения ценности онлайн-обучения, но для систематизации ресурсов, которые необходимы при создании онлайн-образовательных платформ, четкого планирования и разработки соответствующих механизмов для оценки обучения, что и требуется при формировании более качественной системы образования в обществе.

Судя по краткому обзору прессы, несомненным остается то, что онлайн-обучение нужно людям, которые хотят учиться и учиться после окончания школы, колледжа, университета. Но в данный момент онлайн-обучение стало неотъемлемой стороной для всех обучающихся, в том числе и школьников, и студентов, которые вынуждены были учиться дома

в связи с эпидемией коронавируса. Еще в 2018 году, оценивая перспективы модернизации образования в Китае, мы отмечали, что приходится «...сейчас всякому молодому человеку с самого малого возраста учиться, и учиться нужно всегда, чтобы подняться на определённый уровень социального лифта...» [7, с. 582].

Безусловно, сегодня дистанционное обучение представляет много полезных платформ, на базе которых можно продолжать учиться и развиваться, однако проблемы, связанные с такой формой обучения, никак нельзя игнорировать. Учиться дома тяжело не только детям, потому что детям нужна школьная атмосфера, которая способствует их развитию, но и родителям, и студентам с преподавателями, поскольку дистанционное обучение не может в полной мере заменить традиционное обучение. «Если прежде только крупнейшие ученые до конца жизни "не только учили, но и учились", то в наш век стремительно меняющихся технологий никому нельзя переставать учиться, потому что знания "все растут и усложняются". Предпочтение в освоении новых технологий остается за молодостью, так как это самое благоприятное время для обучения, и ум человека наиболее восприимчив именно в детстве, в отрочестве, в юности, в молодости» [7, с. 582].

Однако дефицит академической среды особенно сильно испытали на себе те студенты, которым необходимо проводить эксперименты в лабораторных условиях, ошибаться и открывать вживую то, чему будет посвящена их будущая жизнь. Онлайн-формат стирает присутствие живого, непосредственного интереса к творческому поиску через дискуссию, лишает контактного взаимообогащения, на котором строится диалог студента и преподавателя, ученика и учителя. Именно поэтому во всех информационных источниках красной нитью проходит мысль, что онлайн-образование никогда не сможет полностью заменить академическое, которому в Китае последнее время уделяется самое пристальное внимание и выделяются огромные средства. Для сравнения, расходы на образование в 2018 году составили 3,2222 трлн юаней (31,58 триллионов рублей), а в 2019 году Китай выделил уже 5,0175 трлн юаней, что увеличило вливание в образование на 8,74 % по сравнению с 2018 годом [10, 11]. Поэтому всего за 35 лет Китай достиг таких результатов, на которые уходят столетия в других странах. В процессе экономического роста политика реформ и открытости позволяет государству постоянно увеличивать расходы на обучение, и (несмотря на серьезные издержки 2020 года) это никак не отражается на развитии и улучшении системы школьного и особенно высшего образования в КНР.

Список литературы

1. Лю Яо. Холодные суждения о лихорадке онлайн-обучения / Лю Яо // Жэньминьжибао. — Режим доступа: http://www.edu.cn/xxh/focus/hyrd/202005/t20200511_1726255.shtml, свободный. — Заглавие с экрана. — Яз. рус. (дата обращения: 20.05.2020).
2. Хуан Шуай. Основные достижения и проблемы дистанционного образования в Китае» / Хуан Шуай // Китайская молодежь (China Youth Daily). — Режим доступа:

<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1660151115019414393&wfr=spider&for=pc>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 20.05.2020).

3. Чжу Юнсинь. Эпидемия дала широкие возможности в сфере образования / Чжу Юнсинь. // Жэньминь жибао. – Режим доступа: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0207/c1003-31574913.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 20.05.2020).

4. Хань Джень. Более 2000 учеников в одном уезде не могут посещать онлайн-курсы – не оставляйте бедных учеников позади! / Хань Джень // Агентство Синьхуа. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/comments/2020-03/03/c_1125655518.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения 20.05.2020)

5. Дун Чжэнь. Школьница совершила самоубийство из-за удаления из группового чата / Дун Чжэнь // Новости из портала Синь Лан и Информационного агентства Китая. – Режим доступа: <http://news.sina.com.cn/c/2020-03-02/doc-iimxyqvz7248589.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 21.05.2020).

6. Ин Юе. Не имея смартфона, школьница из бедной семьи не смогла учиться в онлайн, что привело к трагедии» / Ин Юе // Новости из портала Синь Лан и Информационного агентства Китая – Режим доступа: <http://www.sx.chinanews.com/news/2020/0409/169112.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 21.05.2020).

7. Приорова И. В. Лингвокультурологический аспект изучения русского языка в Китае: личность в эпохе – эпоха в личности / И. В. Приорова, Ц. Чжан // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2018. – Вып. 8. – С. 578–584.

8. В 2020 году Китай выделил почти 20 млрд долларов на борьбу с бедностью. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/economy/news/261751/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 12.06.2020).

9. Китай определил задачи социально-экономического развития на 2020 год. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191213/1562351399.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 12.06.2020).

10. Особенности образовательной системы Китая в 2020 году. – Режим доступа: <https://migrator.ru/how/student/osobennosti-obrazovatelnoj-sistemy-kitaya>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 12.06.2020).

11. Миллионы сядут за парту. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/10/08/obrazovanie.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 12.06.2020).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (1991–2012 гг.)

Михайлова Елена Александровна, кандидат социологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: elmikh@mail.ru

Присакар Евгений Юрьевич, студент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: evgeniyy-prisakar@rambler.ru

Аннотация. Статья рассматривает положение РПЦ в современном российском государстве, ее участия в общественно-политических процессах, защите христианских ценностей, сохранении идентичности и патриотизма. Позиция РПЦ рассматривается как результат государственной поддержки и сотрудничества с государственными структурами. Обращается внимание на возможные риски сложившейся модели взаимодействия РПЦ и государства.

Ключевые слова: византийство, Церковь, государство, православие, христианские ценности, религиозная организация, власть, культура, идентичность, государство

THE INTERACTION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE MODERN RUSSIAN STATE (1991–2012)

Mikhailova Yelena A., Ph.D. (Sociology), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: elmikh@mail.ru

Prisakar Evgenii Y., student,

Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: evgeniyy-prisakar@rambler.ru

Annotation. The article examines and analyzes the situation of the ROC in the modern Russian state, its participation in the processes of society and political life, the protection of the Orthodox faith and patriotism. The position of the ROC is considered as the result of state support and cooperation with the

state. Attention is drawn to the possible risks of the current trend of interaction between the ROC and the state.

Keywords: Byzantium, Church, state, Orthodoxy, Christian values, religious organization, power, culture, identity, state

На современном этапе своего развития Российское государство проявляет устойчивый интерес к взаимодействию с Русской Православной Церковью (РПЦ), который объясняется различными внутри- и внешнеполитическими возможностями.

Этот интерес варьируется от переоценки роли церкви в обществе до изменения нормативно-правовых основ ее деятельности. В связи с этим представляется значимым период 1991–2012-х гг. в российской истории для выявления факторов, влияющих на развитие государственно-церковных отношений.

В советский период атеизма наблюдалось целенаправленное исключение православной культуры из всех сфер социальной жизни. Деятельность религиозных организаций была ограничена и подчинена политическим целям государства, а их структуры были подконтрольны спецслужбам. Русская Православная Церковь, являясь наиболее многочисленной по общине религиозной конфессией, подвергалась жестоким преследованиям, вплоть до физической ликвидации духовенства и верующих. В течение нескольких десятилетий большая часть церковной инфраструктуры была разрушена или отобрана государством, а в результате преследования численность населения, открыто придерживающегося православного исповедания резко снизилась до минимума. Прорыв в религиозной политике властей СССР связан с деятельностью Михаила Горбачева, политика «перестройки», которого привела к тому, что полноценная религиозная жизнь в РПЦ постепенно начала восстанавливаться.

В условиях перестройки, когда для церкви возникли совершенно новые возможности в отношении с государством, противоречие между социальной ролью и правовыми возможностями РПЦ стало особенно заметно. В 1988 году был созван Поместный Собор, канонизировавший новых святых, и организовавший торжественное празднование тысячелетия крещения Руси. В том числе обсуждались вопросы относительно возможности предоставления церкви прав юридического лица, вероисповедных прав верующих и духовенства, а также церковной собственности.

В 1990 году был принят закон «О свободе вероисповеданий» [1, с. 36–71]. Данный закон свидетельствовал об изменениях в церковно-государственных отношениях, а также привел к увеличению числа зарегистрированных религиозных объединений. Так, уже в 1990 году их количество у РПЦ составляло 10110, тогда как в 1985 году их количество у РПЦ составляло 6806. Мы можем увидеть явный рост на 32,7 % [2, с. 585].

В этот период представители РПЦ приняли активное участие в обсуждении проекта Закона СССР о свободе совести и религиозных организациях. В этом Законе и Законе РСФСР «О свободе вероисповеданий» за приходами, церковными учреждениями закреплялись права юридического лица. С появлением данных законов религиозные организации получали возможность защищать свои интересы в суде, иметь в собственности недвижимость, участвовать в общественной жизни.

Новое законодательство, упразднившее Совет по делам религий, вызвало волну критики со стороны многих религиоведов и политиков. Речь шла о том, что наличие органа государственного управления, занимающегося религиозными вопросами, предварительно позволит устранять и оперативно решать все проблемы во взаимодействии государства и церкви.

Примечательно, что РПЦ в 1990-х гг. активно противостояла всем попыткам создать подобный государственный орган, тем более что принятое законодательство создавало благоприятные условия для активного участия церкви в масштабной социальной деятельности. В свою очередь, государство, находясь в состоянии системного политического и экономического кризиса, актуализирует политику невмешательства в дела церкви [3, с. 94].

Функции взаимодействия государственных органов исполнительной власти и религиозных организации были возложены на Экспертно-консультативный совет при Комитете по свободе совести, впоследствии переданные Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации.

С распадом СССР Россия активно включилась в процессы глобализации. Но курс в сторону западной культуры и повседневности не мог удовлетворить духовные потребности народа в осознании своей идентичности [4, с. 17]. Идентификация в рамках русской культуры создавала активное стремление поиска национальной идеи.

Актуализировались споры о путях развития Российского государства. Вакуум духовности принес состояние своеобразной неопределенности. В новых политических реалиях Церковь как традиционная религиозная организация, которой, несмотря на жестокие репрессии удалось выжить в советский период, смогла предложить обществу духовную поддержку и, тем самым, восстановить свое положение в обществе. В этой ситуации роль Русской Православной Церкви определенно возрастала. Русская Православная Церковь стала восприниматься как общественный институт и как сила, способные объединить россиян (идентифицирующих себя с православной культурой).

Культурно-исторический процесс, происходящий в Российском государстве, позволяет утверждать, что православные ценности, дополненные идеями миссии государства, стали цивилизационной основой государственной идеи, а Русская Православная Церковь многие дореволюционные годы была религией, образующей это государство [5, с. 41].

Начиная с 1991 года государство возвращает Русской Православной Церкви храмы, земли, архитектурные памятники истории, что было обусловлено комплексом вины, сложившимся у власти перед Церковью за годы советского правления. Парадокс истории состоял в том, что решения в пользу Церкви принимались нередко теми, кто ранее занимался секуляризацией.

Современная Русская Православная Церковь осознает свою историческую миссию в сохранении православной веры и культуры как духовно-культурной базы (скрепы) российской цивилизации. Эта миссия выполнима только при условии взаимодействия с государством.

В постсоветский период сложились принципы взаимоотношений Русской Православной Церкви с государством и политическими институтами российского общества.

Эти принципы взаимоотношений Церкви с политическими организациями были приняты Архиерейским собором, состоявшимся в 1997 г., на котором приветствовался диалог и контакты Церкви с политическими организациями только в том случае, если подобные контакты не носят характера политической поддержки. Однако неучастие священнослужителей и паствы в политической борьбе, в деятельности политических партии и в предвыборных процессах не означает их отказа от публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам, от представления этой позиции перед лицом органов власти любой страны на любом уровне.

РПЦ не дает конкретного предпочтения конкретной политической организации или лидеру, а проповедует мир и сотрудничество людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она также допускает наличие различных политических убеждений среди епископата, клира и мирян. Однако участие священнослужителей в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, включая выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов представительной власти всех уровней не допускается. В то же время ничто не должно препятствовать участию иерархов, священнослужителей и мирян, наравне с другими гражданами, в народных волеизъявлениях путем голосования.

В 2000-е гг. взаимоотношения стали строиться в большей степени на взаимной поддержке и доверии светской и духовной власти. Так, взамен на поддержку государство разрешает Церкви создание института армейского духовенства, проведение занятий по основам православной культуры и этики в школах; идет консолидированная работа по борьбе с наркотиками, алкоголизмом, безнравственностью, по возрождению величия державы.

В соответствии со ст. 14 Конституции Российская Федерация является светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Деятельность религиозных организаций регламентируется Федеральным законом от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих

организациях» (в ред. от 17.07.2009 г.), Федеральным законом от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (в ред. от 23.07.2008 г.).

В соответствии со ст. 4, п. 5 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» религиозное объединение не выполняет функции органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления; не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь.

Отношение с государством РПЦ выстраивает в соответствии с Основами социальной концепции Русской Православной Церкви – официального документа, утвержденного на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г., в котором представлено понимание современной ситуации, сказанное с сознательно консервативных, традиционалистских позиций.

Церковь легитимизирует действия государства. И эта особенность подтверждается тем, что люди часто ассоциируют РПЦ с государством, вследствие чего возникают антиклерикальные настроения. Нужно отметить, что Церковь официально объявляет о своей аполитичности. Но в то же время в соответствии с толкованием апостольского послания распространено представление, что «нет власти не от Бога». Соответственно, Церковь традиционно видит себя не в качестве оппонента государства, она видит себя его союзником. Да, конечно, Церковь «может призвать народ к неповиновению», если возникнет ситуация антихристианской и безнравственной деятельности государства, но такая формулировка в социальной концепции воспринимается скорее, как реверанс в сторону радикально настроенных священнослужителей и верующих.

Нужно отметить, что среди аналитиков существует мнение о том, что в России начался процесс очередной православной глобализации. Этот процесс возник как ответ на угрозы глобализации мировой [6]. Анализируя исторические аспекты православной глобализации, А. Красиков видит истоки современных тенденций в «византизме» как модели продвижения православных ценностей. Он назвал это византийство «первым проектом глобализации», так как «византийские императоры планировали осуществить, в сотрудничестве с церковью, господство над всей вселенной. Позже идея византизма составила базис теории «Москва – третий Рим». В условиях формирования нового государства РПЦ чувствовала себя довольно некомфортно без поддержки государства, поэтому инициировала проект глобализации, заручившись поддержкой властей [6].

Таким образом, Церковь всегда видела государство в качестве своего союзника.

В последние советские годы и постсоветские десятилетия интерес российской общественности к православной религии приобрел настолько

масштабный характер, что стали говорить о возрождении религии. Росту популярности РПЦ не помешала открывшаяся информация о взаимодействии множества служителей церкви со спецслужбами. Противоречий в обществе не вызывают и знание биографий некоторых российских политиков, которые свою карьеру начали в рамках советской системы и отреклись от православия, а сегодня публично демонстрируют пиетет по отношению к Русской Православной Церкви.

Этому возрождению способствовала государственная власть, которая начала поддерживать РПЦ и не ограничивала её свободу действий. Благодаря хорошим отношениям с федеральной властью, РПЦ за почти 20 лет получила привилегированное положение среди других конфессий, эффективно продвигала выгодные для церковного влияния проекты, укрепляла своё положение.

Постепенно Церковь как институт стала важным участником внутривнутриполитических процессов в Российском государстве и актором во внешней политике.

Сложным является вопрос о том, какова реальная поддержка Русской православной церкви среди граждан нашего государства.

За последние четверть века произошло значительное увеличение числа лиц, объявляющих о своей принадлежности к православной вере. К примеру, в 1989 году 75 % населения считалось неверующим, и только 17 % – православными. 20 лет спустя эти показатели кардинально изменились: большинство россиян, а именно 68 % декларируют свою принадлежность к православной вере, неверующими считают себя 19 % граждан [8]. Так как церковь не дает конкретной информации относительно реального числа православных верующих, активно участвующих в церковной жизни, можно рассматривать данные социологических опросов о принадлежности к православию.

Как показывают социологические исследования, отношение российских граждан к РПЦ является неоднозначным, в силу того, что заявленная принадлежность к православной вере еще не означает выполнение и соблюдения обрядов в повседневной жизни. Для большинства российских граждан православная вера – это скорее элемент культурной идентификации.

Таким образом православная вера стала государствообразующим фактором – помогает русскому обществу выделить себя на фоне других сообществ и понять, что оно является частью одной цивилизации.

Доверие общества к РПЦ, в первую очередь, обусловлено тем, что она воспринимается гражданами как организация, связанная с русской культурой и государственными традициями. Православная церковь была свидетелем становления русской государственности и является элементом ее непрерывности во времени.

На формирование положительного образа Церкви в обществе также влияет ее растущая активность в социальной сфере, помощь бедным или больным, а это ведет к высокому уровню социального одобрения и признания.

Важную роль в укреплении положительного имиджа РПЦ в обществе также играют государственные СМИ, которые являются основным источником информации для подавляющего большинства россиян. СМИ уделяют много внимания деятельности патриарха или инициативам РПЦ и показывают их в положительном свете, например, передают богослужения и церемонии, сопровождающие передвижение по территории России православных реликвий, беседы представителей православного духовенства на темы, важные с точки зрения общества.

В результате большинство россиян воспринимает РПЦ как элемент системы власти в России, а не только как религиозный институт. Благодаря этому наблюдается са высокий уровень общественной поддержки политической власти.

В то же время в последние годы наблюдается усиление критики РПЦ и Патриарха Кирилла за чрезмерное вовлечение в политику и мероприятия по передаче Церкви музеев и некоторых зданий. Все громче раздаются голоса, что Церковь должна заниматься не политикой, а только вопросами религии и нравственности.

Таким образом, в течение последних трех лет в России наблюдается поляризация общественного мнения по отношению к политико-социальной деятельности Русской Православной Церкви и установившейся «симфонии» церковных и светских властей – большая часть населения настроена позитивно по отношению к деятельности Церкви, но есть и те, кто воспринимает это критически.

РПЦ как организация, имеющая разветвленную инфраструктуру, которая позволяет получить доступ к различным социальным группам и обладающая большим символическим капиталом, является действительно ценным партнером для политической власти России. Это партнерство приносит власти преимущество во внутренней и во внешней политике.

Церковь влияет на русскоязычные диаспоры, а также служит инструментом мягкого продвижения политических интересов России. Тесное сотрудничество с властью, сформированное по принципу «лояльность в обмен на поддержку», приносит Церкви ощутимую пользу во многих сферах. Во внутренней политике православие и РПЦ играют важную роль в продвижении и реализации государственных проектов. На фоне динамичного роста популярности православия в российском обществе, начиная уже с 90-х годов, власть исходит из того, что религия может быть фактором, объединяющим общество, переживающее кризис государственной идентичности.

Таким образом, защита православных ценностей, бывшая до сих пор прерогативой Церкви, теперь включена в государственную политику,

направленную на консолидацию общества, укрепление идентичности, социальных связей и патриотизма. Церковь рассматривается как социальный институт, обеспечивающий преемственность российской культуры и государственности, а православная Святая Русь воспринимается как прародитель русского государства. Необходимо отметить, что реализации такой политики не мешает поверхностное отношение русского общества к религии. С помощью Церкви власть решает некоторые социальные проблемы, духовенство получает доступ к многим социальным группам, где оно может вести пастырскую деятельность. Структуры РПЦ являются эффективным каналом связи с обществом, инструментом воздействия на общественное сознание и настроения. Церковь играет активную роль в процессе консолидации русскоязычных диаспор: в первую очередь на территории государств постсоветского пространства, таких как Украина, Беларусь или Молдова, а также в остальных странах постсоветского пространства и странах, где есть православные общины. В практические действия по укреплению диаспор вовлечены церковные и общественные организации, связанные с Церковью, например, церковно-приходские школы, воскресные и школы русского языка, работающие при церковно-приходских общинах.

На международной арене хорошие результаты приносит также культурно-просветительская и катехизаторская деятельность Русской православной церкви, цель которой популяризировать позитивный образ православной русской культуры среди населения западных стран, например, Канады, Италии, Франции, Англии. Эта деятельность включает в себя, среди прочего, выпуск религиозных и культурных публикаций на иностранных языках, организацию культурных мероприятий, например, экспозиции произведений русской православной культуры, кинопросмотры.

В этой ситуации РПЦ становится инструментом мягкой политики, которая помогает федеральной власти тонко формировать положительное отношение к России в глазах международного сообщества. С этой точки зрения важными являются мероприятия, направленные на установление тесных контактов РПЦ с представителями других христианских конфессий, помогающие консолидировать усилия в деле защиты общих ценностей и борьбы с прогрессирующей секуляризацией. Русская Православная Церковь занимается этим в рамках различного рода комитетов, работающих при самых высоких структурах Московского Патриархата, весьма активен в этой сфере митрополит Волоколамский Илларион, председатель Отдела внешних церковных связей. Особенно важным партнером для РПЦ на международной арене является Римско-католическая церковь.

Сильная социальная и институциональная позиция РПЦ является в значительной степени результатом государственной поддержки и сотрудничества с государственными структурами. Таким образом, рост популярности православия в российском обществе и «религиозное

возрождение» были бы невозможны без существенной материальной, организационной и корпоративной поддержки со стороны государства.

Хорошие контакты с государственными организациями гарантирует РПЦ привилегированное положение среди других конфессиональных групп в России. РПЦ поддерживается властью как религиозная организация, представляющая «православное большинство» общества. Это проявляется в широком доступе к государственным СМИ, системе образования, государственным учреждениям и государственным источникам финансирования.

Широкое присутствие РПЦ в российском публичном пространстве создает впечатление, что православие имеет в России статус государственной религии. Однако наряду с повышением активности РПЦ в политической сфере растет число граждан, которые не хотят, чтобы Церковь занималась политикой. В результате наблюдаемого в настоящее время расхождения между предполагаемым и фактическим числом активных православных верующих может произойти ослабление позиции РПЦ при взаимодействии с государством и уменьшение прежних привилегий.

Хотя в сотрудничестве с государственной властью РПЦ получает ряд преимуществ, однако это несет в себе также риск, связанный с возможностью изменения в будущем системы власти. Серьезные проблемы, возникающие, например, из-за неблагоприятной социально-экономической ситуации в стране, могут привести к ухудшению жизненного уровня простых граждан и росту недовольства среди части политической и бизнес-элиты и, следовательно, пошатнуть современное положение Русской Православной Церкви.

Список литературы

1. Закон СССР о свободе совести и религиозных организациях // Известия. – 1990. – 1 октября; Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» // Религия и закон : сборник правовых актов с комментариями. – М., 1996. – С. 36–71.
2. История религий в России / под общ. ред. Н. А. Трофимчука. – М., 2001. – С. 585.
3. Ситников А. В. Православие и демократия: К вопросу о влиянии религиозного фактора на политическое сознание и политическую культуру России / А. В. Ситников // Полития. – 2004–2005. – № 4. – С. 94.
4. Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. Мир на перепутье // Независимая газета. – НГ-религии. – 1999. – 23 июня. – С. 17.
5. Сафонов В. На самарской земле / В. Сафонов // Журнал Московской патриархии. – 1999. – № 12. – С. 41.
6. Красиков А. А. Глобализация и православие / А. А. Красиков // Русский Архипелаг. Сетевой проект Русского мира. – Режим доступа: <https://archipelag.ru/geoculture/religions/Eurasia/orthodoxy/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 27.05.2020).
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М. : Московский Патриархат, Священный Синод РПЦ, Отдел внешних церковных связей, 2001. – С. 20.
8. Россияне о религии. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2013/12/24/rossiyane-o-religii/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 27.05.2020).

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-АРМЯНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сажин Никита Владиславович, студент
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: ansani99@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи выступает рассмотрение основ русско-армянских дипломатических отношений в их взаимодействии для урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта на современном этапе и выделение дальнейших перспектив развития отношений. Проблему Карабахского конфликта в контексте российско-армянских дипломатических отношений изучали многие исследователи и теоретики современности. Нагорно-Карабахский конфликт является достаточно актуальным в современном мире, поэтому база источников содержит достаточное количество публикаций по данной тематике, также стоит отметить, что данный вопрос рассматривали такие авторы, как Григорян Г.П., Агабабян Ш., Агаев Р. и некоторые другие. В данной статье рассмотрена трансформация российско-армянских дипломатических отношений после распада СССР, а также охарактеризован генезис и основные этапы развития Нагорно-Карабахского конфликта.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, дипломатические отношения, международный конфликт, Российская Федерация, позиции сторон, урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта, суверенитет, национальная безопасность, Республика Армения

KARABAKH CONFLICT IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-ARMENIAN DIPLOMATIC RELATIONS

Sazhin Nikita V., student
Astrakhan State University
20a T atishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: ansani99@mail.ru

Annotation. The purpose of this article is to consider the foundations of Russian-Armenian diplomatic relations in their interaction to resolve the Nagorno-Karabakh conflict at the present stage and to highlight further prospects for the development of relations. The problem of the Karabakh conflict in the context of Russian-Armenian diplomatic relations was studied by many researchers and theorists of our time. The Nagorno-Karabakh conflict is quite relevant in the modern world, therefore the source database contains a sufficient number of publications on this topic, it is also worth noting that this issue was considered by such authors as Grigoryan G.P., Agababyan S., Agaev R. and some others.

This article discusses the transformation of Russian-Armenian diplomatic relations after the collapse of the USSR, and also describes the genesis and the main stages of the development of the Nagorno-Karabakh conflict.

Keywords: Nagorno-Karabakh, diplomatic relations, international conflict, Russian Federation, positions of the parties, settlement of the Nagorno-Karabakh conflict, sovereignty, national security, Republic of Armenia

Дипломатические отношения России и Армении истоками уходят глубоко в историю, что задокументировано в теоретических трудах прошлых веков, а также в различных политологических материалах. В процессе взаимодействия между собой, государства подстраивались под исторические реалии и в зависимости от них меняли отношение друг к другу. Однако ключевой особенностью дипломатических отношений стран выступал тот факт, что практически постоянно Россия и Армения руководствовались одинаковыми целями, а потому можно говорить об обусловленности объективного процесса эволюции отношений.

Для того, чтобы в должной мере рассмотреть особенности русско-армянских дипломатических отношений в исторической ретроспективе, необходимо изучить ключевые этапы их развития. Важно отметить, что каждый этап характеризуется некими отличительными чертами, благодаря которым просматривается суть русско-армянских отношений.

Первый из этих этапов стоит обозначить с IX до XVI вв. Особенностью описываемого периода выступает феодальная раздробленность, которая привела к тому, что связи между странами были достаточно эпизодическими.

Для данного периода характерны активные связи в области торговли и финансов, что было непосредственно связано с участием Армении и её составляющих в международной торговле между Западом и Востоком. Помимо экономики, культурные связи также были достаточно сильными.

Для следующего периода, длящегося с XVII в. до середины XVIII в., характерна активная внешняя политика России в данном направлении. Дипломатические отношения развиваются в более продуктивном ключе, нежели ранее. На первом плане возникают проблемы внешнеполитического и оборонного сотрудничества, которые обусловлены взаимными интересами Армении и России. Армяне и их диаспоры проводят активную политику на сближение, что проявляется в усилившихся торговых и культурных связях.

Следующий период, последний до распада СССР, который продолжался со второй половины XVIII в. до 1917 г., является наиболее продолжительным, поскольку во время данного этапа к России присоединяется Восточная Армения. В конце XIX в. Западная Армения также стремится освободиться от турецкого воздействия с помощью проведения активной политики и реформ.

Сближение двух народов особенно ярко проявилось после того, как князь Владимир принял христианство. Это связано непосредственно с тем,

что византийский император Василий II, принадлежавший армянской диаспоре, в конце X века принял в дар от князя войско для подавления феодалных восстаний. Однако взамен князь хотел жениться на принцессе из Византии. Данное условие император выполнил, однако с оговоркой на то, что необходимо принять крещение.

В начале XIV века армянский народ прибегнул к помощи русского, поскольку государство первых было подвержено нашествию татар. Данный этап развития русско-армянских дипломатических отношений активно описывал Карамзин Н.М. Он ссылался на записки Аргутинского-Долгорукого И., архиепископа армянских церквей в России. Автор писал, что многие армяне подверглись гонениям и переселились в нынешнюю Астраханскую и Казанскую губернию, некоторые из них ушли в Тавриду и стали жить отчасти в Кафане, отчасти в Старом Крыму и рядом с Судакком.

Петр I проводил активную политику на сближение двух народов, и именно благодаря ему русско-армянские дипломатические отношения приобрели более яркий характер. Во многих крупных городах открылись армянские школы: в Москве, Петербурге, Астрахани, Кизляре, Моздоке, Дербенте и Крыму. Император стремился сделать так, чтобы армяне спокойно располагались в Прикаспийском крае. В 1711 году он издал Сенатский указ, свидетельствующий о том, что необходимо содействовать увеличению количества армян в России.

Екатерина II поддерживала начинания императора Петра I в отношении армян и продолжала вести его политику. Своим указом она посодействовала созданию города Нор-Нахичевань, а позже и армянского города Григориополя в Молдавии. Правительница проводила политику на сближение дипломатических отношений между армянами и русскими, потому издала ряд документов, позволяющих армянам обладать большим рядом прав. Екатерина даже безуспешно пыталась восстановить древнюю Армению на юге России, для того, чтобы возникло христианское государство армян.

XVIII век был ознаменован восстаниями армян против персов в Сюнике и Карабахе под предводительством Давид-Бега и Есаи Джалаляна соответственно. В данных восстаниях армяне показали себя как искусные военные. Результатом явилось становление данных территорий как независимых. Победа была осуществлена благодаря афганцам и Петру I, поскольку именно эти войска ослабили персов с обеих сторон и нанесли им серьезный урон.

Таким образом, можно отметить, что на тех территориях, которые явились местом возникновения русской и армянской диаспор, в давние времена находилось одно социокультурное пространство, что позволило народам обладать общими чертами и особенностями и предопределило императив устойчивости русско-армянских дипломатических отношений.

Нагорно-Карабахский конфликт выступает одним из наиболее резонансных в современном мире. Ситуация является достаточно напряженной

даже спустя некоторое время. У данного конфликта существует длительная предыстория, которую необходимо рассмотреть наравне с позициями сторон по этому вопросу. Что касается Армении, то она выступает со следующей позицией. По её мнению, изначально Нагорный Карабах был заселен армянами, поскольку даже начиная со II века он был в составе Армении под названием Арцах. Шестнадцатью веками позже данная территория подверглась переселению тюркского населения, что в результате привело к вхождению её в состав Карабахского ханства, на территории которого располагалось большое количество тюрков-мусульман, считавшихся предками азербайджанцев.

Согласно теоретикам из Армении, заключенный в 1813 году Гюлистанский договор обусловил окончание вооруженного противостояния России и Персии, поскольку Персия передала Арцахскую провинцию царской России. Через 15 лет был заключен Туркманчайский договор, согласно которому в состав России вошли также восточно-армянские и северо-азербайджанские провинции, в результате чего Арцах и Зангезур стали принадлежать Каспийскому региону.

Уже во втором десятилетии XX века Российская империя распалась, что привело к тому, что Закавказье превратилось в поле боя между этносами. Возникло новое государство Азербайджан, который своей целью ставил занять всю территорию бывшей Елизавет-польской губернии. Все это проходило на фоне вооруженных столкновений.

В 1921 г. Кавбюро ЦК РКП(б) передало территорию Карабаха Азербайджану, но в составе Азербайджанской ССР была выделена Нагорно-Карабахская автономная область – НКАО. Армения утверждает, что это решение фактически насильно передало Нагорный Карабах Азербайджанской ССР, и расценивает это решение как причину всех бедствий. Они также заявляют, что в период с 1926 по 1976 год численность армянского населения Карабаха сократилась примерно с девяноста пяти до семидесяти пяти процентов.

Таким образом, ссылаясь на приведенные выше и другие аналогичные данные и аргументы, Армения отрицает какую-либо историческую значимость Карабаха для Азербайджана.

В 1923 г. Исполнительный комитет Советов Азербайджана издал указ о создании автономии Нагорного Карабаха на территории Азербайджана. Это решение создало мину замедленного действия и стало играть важную роль в прекращении, а если быть точнее, в «отсрочке» дебатов о владении Карабахом до возобновления конфликта в конце 80-х годов.

Как отмечает Роберт Хьюсен, острая фаза конфликта началась в 1987 г. с массовых митингов армянского населения Карабаха под лозунгами воссоединения с Арменией. Информация об этом инциденте привела к армянскому погрому в азербайджанском Сумгаите. Это был первый случай массового этнического насилия в Советском Союзе за несколько десятилетий. Ситуация

обострялась и увеличилось количество беженцев. Азербайджан начал депортацию армянского населения и экономическую блокаду Нагорного Карабаха.

В декабре 1989 г. Армения, которая в то время еще была неотъемлемой частью Советского Союза, объявила Нагорный Карабах частью Армении. Это вызвало политическую нестабильность в Азербайджане, для которой Нагорный Карабах был неотъемлемой частью и колыбелью его культурного наследия. С 1990 г. конфликт перерастает в войну с применением артиллерии. Активно действуют незаконные вооружённые формирования.

В 2009 г. в Мюнхене на встрече президентов Армении и Азербайджана стороны достигли определенного прогресса в сближении позиций по ряду вопросов. В начале июня 2010 г. Европейским парламентом была одобрена Резолюция 2216, содержащая рекомендацию «вывода армянских сил из всех оккупированных районов Азербайджана». 2 апреля 2016 г. вновь начались масштабные столкновения. Какая из сторон начала военные действия доподлинно неизвестно. В тот же день Министерство обороны Азербайджана на своем сайте заявило о нарушении Арменией режима прекращения огня.

В этот же день Министерство обороны Армении опубликовало заявление, в котором сообщалось о проникновении танков, артиллерии и авиации Азербайджана на территорию Нагорно-Карабахской Республики. Всю ответственность за беспрецедентное напряжение на линии соприкосновения карабахско-азербайджанских сил несут власти Азербайджана. Военные действия продолжались до 5 апреля 2016 г. В Москве начальниками генштабов Армении и Азербайджана было подписано двустороннее соглашение о прекращении огня.

Таким образом, можно сделать вывод, что для обеих сторон конфликта Нагорно-Карабахский регион имеет большое значение. Стороны радикально настроены на возвращение данной территории в состав своих государств. Многочисленные переговоры, проведенные при посредничестве сопредседателей ОБСЕ и лидеров других стран, не дали никакого результата, так же, как и предложенные планы урегулирования конфликта.

В процессе урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, в 1993 году, Российская Федерация первой пришла к выводу, что для урегулирования конфликта недостаточно только наблюдателей – нужна миротворческая операция с применением сил разъединения воюющих сторон, а также содействие переговорному процессу.

Важным событием, показавшим суть армянско-российских дипломатических отношений в вопросах урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, стала апрельская 4-х дневная война 2016 года в Карабахе.

Армения в качестве главных элементов своей внешней политики руководствовалась стремлением обеспечить урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта, продолжать диалог с Турцией, сохранять военное и политическое сотрудничество с Россией, в том числе и в рамках СНГ.

С 25 по 28 сентября 2000 г. президент РА Р. Кочарян по приглашению В. Путина посетил Москву с официальным визитом. Главным политическим результатом визита стала Декларация «О союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI век», подписанная двумя президентами. Она явилась очевидным доказательством нового качества двусторонних отношений и их ориентиром на будущее.

Менее значимые в армяно-русском контексте проблемы связаны с ЕАЭС и той же ОДКБ. То обстоятельство, что по инициативе Казахстана и при согласии России намеченный в Ереване 7 апреля саммит глав правительств данной организации был перенесен в Москву якобы из-за ситуации в Нагорном Карабахе и с целью не допустить односторонней поддержки, конечно, не выдерживает никакой критики.

Проблемой в российско-армянских дипломатических отношениях по поводу Карабаха выступает тот факт, что Россия не всегда выступает на стороне Армении с армянской стороны политика и действия России всегда получали официальную поддержку. Более того, только в течение 2015 г. еще до вхождения российских ВКС в Сирию и после дважды имело место обращение о формировании Армянского добровольческого корпуса, но ни Москва, ни Ереван с подачи старшего брата не захотели такого участия. Причем речь шла о наземной операции, а не ковровых ударах с воздуха. Вот вам и ответ о надежности армян и нерасторопности политиков. Что же касается политической стороны вопроса, то Армения и ее Генеральный штаб официально поддержали Россию в Сирии и в случае со сбитым турецкими ВВС русским бомбардировщиком.

Таким образом, можно сделать вывод, что российско-армянские дипломатические отношения в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта должны учитывать все многовекторные факторы текущего момента и последующие перспективы. В Армении и России дипломатам целесообразно предложить оптимальный путь сотрудничества, исходя из интересов и внешних угроз. В регионах необходимо обеспечить, как минимум, паритет сторон, как максимум, перевес естественного союзника. Посредническая деятельность для Российской Федерации продолжает оставаться одним из важнейших механизмов выстраивания положительных дипломатических отношений с Арменией в Нагорном Карабахе.

Список литературы

1. Гюлистанский мирный договор. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18131012ru_per.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 27.04.2020).
2. Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации. – 2008. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/232>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 26.04.2020).
3. Декларация о независимости Армении. – Режим доступа: <http://www.gov.am/ru/independence/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 26.04.2020).

4. Агаян Ц. П. Россия в судьбах армян и Армении / Ц. П. Агаян. – М, 1978. – 314 с.
5. Алиев И. Нагорный Карабах: история, факты, события / И. Алиев. – Баку : Элм, 1989. – 189 с.
6. Гельцер Г. История Византийских императоров / Г. Гельцер. – Вагаршапат, 1901. – 342 с.
7. Григорян Г. П. Внешнеполитические приоритеты Российской Федерации: развитие и перемены / Г. П. Григорян // Вестник Ереванского университета. – Ереван, 2012. – 128 с.
8. European Parliament resolution of 20 May 2010 on the need for an EU strategy for the South Caucasus. –Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 26.04.2020).
9. Армяно-российское межпарламентское сотрудничество продолжает развиваться. – 08.12.2005. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/34899>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 26.04.2020).

НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ В МЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ МИРА

Оськина Ольга Ивановна, кандидат политических наук, доцент,
зав. кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической
академии
414040, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Куйбышева, 1
E-mail: oskina_olga@mail.ru

Лисянский Игорь Николаевич, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической
академии
414040, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Куйбышева, 1
E-mail: igor_lisyanskiy@mail.ru

Статья посвящена геополитическим проблемам, актуализирующимся в условиях меняющегося мира. Авторы выделяют ключевые процессы, оказывающие определяющее влияние на геополитику, останавливаются на изменении роли геополитических акторов, значительную роль среди которых начинают играть политические партии и СМИ.

Ключевые слова: геополитика, политические акторы, политические партии, СМИ, манипулирование, информационная война, социальные, информационные сети

NEW GEOPOLITICAL ACTORS IN A CHANGING WORLD

Oskina Olga I., Ph.D. (Politics), Associate Professor, Head of General Humanitarian and Social and Economic Disciplines Department
Astrakhan branch of Saratov State Law Academy
1 Kuybyshev St., Astrakhan, 414040, Russian Federation
E-mail: oskina_olga@mail.ru

Lisyansky Igor N., Ph.D. (law), Associate Professor
Astrakhan branch of Saratov State Law Academy
1 Kuybyshev St., Astrakhan, 414040, Russian Federation
E-mail: igor_lisyanskiy@mail.ru

The article is devoted to the geopolitical problems that are becoming actual in the changing world. The authors identify key processes that have a decisive influence on geopolitics, and focus on the changing role of geopolitical actors, among which political parties and the media are beginning to play a significant role.

Keywords: geopolitics, political actors, political parties, mass media, manipulation, information war, social, information networks

Современная система мировых взаимодействий претерпевает значительную трансформацию. В условиях активизации целенаправленных попыток изменений геополитической картины мира на первый план выходят проблемы значимости межнациональных, межрелигиозных, межэтнических отношений, поскольку в турбулентной социальной реальности традиционные устои преобразуются, приобретают непредсказуемые, новые черты и формы. Социокультурные ценности стали активно использоваться как предмет манипуляций, которые, в частности, иницируются в социальных сетях, что порождает геополитические процессы, функционирующие как особые формы международной напряженности, искусственно разжигаемые до уровня исламофобии, ксенофобии и антисемитизма [1, с. 144], расизма в результате чего региональные проблемы раздуваются до уровня глобальных.

В этой связи возрастает роль ряда геополитических акторов, способных в условиях растущего сетевого взаимодействия вырабатывать, выражать и переводить в действия свои намерения.

Исследователи отмечают, растущее многообразие таких акторов [2], где наряду с традиционными крупными игроками, государствами, церковью, армией, появляются новые, получающие все большее признание, способные в той или иной форме выражать разные геополитические проекты через посредничество националистической политики и через представительные структуры.

К числу новых акторов, относят политические партии и СМИ, каждый из которых имеет свою зону влияния, возможности и ресурсный потенциал.

Политические партии выступают институциональным субъектом правления геополитическими и политическими рисками инновационной и инвестиционной деятельности в национальной политике и экономике. Общество использует посредством партий, политические средства для минимализации издержек противоречий, упорядочения и согласования действий различных субъектов социально-экономической деятельности.

Э. Берк дает определение, где партия – это прежде всего организация людей, объединенных с целью продвижения совместными усилиями национального интереса, которая руководствуется некоторыми специфическими принципами, относительно которых они пришли к согласию [3].

В условиях нарастания кризисных явлений, позиции, поддержка/неподдержка, участие политических партий, объединяющих под своими идеями значительные социальные группы, приобретают особую значи-

мость. Мы имеем дело со стремительным потоком событий и настроений, влияющих на геополитический климат и общий облик мира, где взвешенная политическая оценка, и солидаризация масс, посредством общественных и политических объединений, могут, как дестабилизировать государство как мирового игрока, с одной стороны, так и консолидировать общество, с другой стороны. Объединяясь вокруг политического лидера, политические партии, способны к перспективному стратегическому видению и конкретным действиям в соответствии с национальными интересами своей страны.

Среди наиболее значимых процессов, имеющих перспективу развития, необходимо выделить несколько особых моментов и относительно самостоятельных явлений, мимо которых невозможно пройти и которые оказывают значительное влияние на весь спектр политических трансформаций в мире.

Во-первых, это конечно, разрушение Ялтинской 1945 г. системы послевоенного устройства мира, ослабление существовавшей более полувека системы международной безопасности и нарастание в ряде стран внутриполитической нестабильности.

Во-вторых, в ряде стран и регионов сохраняются и набирают силу сепаратистские настроения, устремления и процессы. Питательной основой для них становятся обострившиеся межнациональные отношения, острые межконфессиональные противоречия, новые негативные экономические реалии, обострившиеся в условиях пандемии 2020 года. Появление в ряде стран политических элит и амбициозных лидеров, которые увлекаются броскими, лозунгами, националистическими призывами, помноженными на расизм, и многообещающими перспективами, приводит к дезинтеграции и нестабильности, угрожающей западному миру, США и Великобритании.

В-третьих, в условиях разрастания региональных войн, окончательно оформилась тенденция к перемещению больших масс людей из одних регионов мира, нестабильных и бедных, в другие – развитые и социально благополучные. Миграционные волны постепенно размывают общественно-политическую стабильность многих стран Европы, изменяя их внешне и внутренне. А нарастающая манипуляция миграционными процессами стала одним из инструментов геополитики ряда мировых держав. Все это создает предпосылки к появлению новых геополитических реальностей и новых вызовов и угроз [4].

В-четвертых, расширение и нарастающее влияние на развитие геополитических процессов в мире информационных войн, которые превращаются в инструмент внутренней и внешней политики заинтересованных акторов, в первую очередь, крупных развитых государств.

Информационная война представляет собой мощное средство непрямого невоенного воздействия на политику отдельных государств и на международную обстановку в целом. Усиливается противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением

США и НАТО использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения целей мирового господства [5].

Современная ситуация в геополитике призвана реализовать три главные цели при постижении геополитической динамики современного мира [6]:

а) классифицировать и организовывать происходящие в мире геополитические трансформации таким образом, чтобы их можно было представить в перспективе;

б) объяснить причины происходящих глобальных геополитических трансформаций и предсказать, когда, где и как будут происходить события будущего;

в) предложить концептуально целостное понимание того, почему и как должна развиваться геополитическая динамика современного мира.

С этой целью во все возрастающих масштабах используются СМИ и технологии манипулирования общественным сознанием, как населения собственных стран, так и стран-мишеней с привлечением всего диапазона средств фальсификации истории и искажения фактов.

В 1964 году в Бостоне был опубликован один из самых известных трудов немецко-американского философа Герберта Маркузе «Одномерный человек». В своей книге автор анализирует классовые различия в рамках целостной системы, «никто не действует по собственной воле. На Западе человек одномерен, поскольку им манипулируют. При этом одну из главных ролей в этом играют непосредственно средства массовой коммуникации в целом, и телевидение, в частности. Они деформируют опыт и порабощают воображение, поэтому человек определяется не столько классовой принадлежностью, сколько вовлеченностью в систему потребления. Исследователь Г. Маркузе рассматривает «потребление как ситуацию детерминации ложными потребностями, а не как удовлетворение потребностей» [7].

Важно отметить, что современные СМИ не являются независимым институтом гражданского общества, их деятельность во многом напрямую зависит от интересов и устремлений конкретных политических акторов. Именно поэтому качество и достоверность представленной в СМИ информации часто имеют весьма противоречивый характер. Так, политики разных стран часто используют СМИ для трансляции «фэйковых новостей» и искусно сконструированных «разоблачений». Примечательным на этом фоне является пример США, распространяющих миф о «российском вмешательстве» в американские выборы 2016 года, в которой Россия предстает как страна, препятствующая распространению демократии.

Французская социологическая компания IFop по заказу Sputnik провела социологический опрос. Согласно его результатам, во вмешательстве России в процесс голосования за рубежом уверены 29 % поляков, 28 % немцев, 27 % французов, 21 % британцев, вместе с этим значительная часть европейцев – 43 % французов и поляков, 41 % немцев и 33 % британцев – считают, что влияние на выборы в других странах оказывают

именно США. Всего в опросе приняли участие более 3 тысяч человек старше 18 лет [8]. По словам Килиани, результаты исследования объясняются тем, что общественное мнение в европейских странах формируется СМИ, и прежде всего американскими СМИ, активно обвиняющими Россию во вмешательстве в выборы.

Запрещенные экстремистские организации посредством СМИ пытаются повысить привлекательность для новых последователей, своих лозунгов борьбы за «религиозные ценности» и «социальное равенство». Средства массовой информации выступают наилучшим проводником псевдо-религии и революционных настроений среди молодых людей, а умело срежиссированные экстремистами видеоролики в Интернете способствуют усилению напряженности во взаимоотношениях между ведущими мировыми державами.

Таким образом, динамизм развития СМИ, информационных сетей и технологий, имеет выраженные положительные и отрицательные последствия. Прежде всего, это использование социальных сетей для популяризации не только идей мира и безопасности, но и для объединения лиц с экстремистскими взглядами (мобилизация и организация этнических, расовых конфликтов или террористических атак). Быстрое распространение информации в социальных сетях и создание групп по интересам, позволяет распространять мгновенно сообщения дискредитирующих политическую власть конкретного государства или наоборот поддерживают решительные шаги правительства, объединить его сторонников [9, с. 142].

Важно отметить, что «вмешательство» во внутренние дела государства неправительственными организациями или отдельными лицами, не всегда носит открытый, конфликтогенный характер. Так широкое распространение получило создание ложных профилей в социальных сетях, использование вполне влиятельных СМИ источников, где размещается недостоверная информация, комментарии, создающие ложное представление о ситуации. К примеру, редакции издательств Financial Times, а также The New York Times с опубликовали ложные данные о якобы имеющем место занижении смертности от COVID-19 в России в мае 2020 года. Газета Financial Times опубликовала у себя на страницах материал, утверждающий, что в РФ число умерших пациентов с коронавирусом якобы может быть на 70 % выше официальных данных [10].

Учитывая скорость и масштабы распространения глобальных информационных технологий, мы можем сделать выводы об их определяющем воздействии на геополитические процессы. Так, в отчетах We Are Social и Hootsuite о глобальном состоянии цифровых технологий на 2019 год можно найти следующую информацию: в 2019 г. в мире 5,11 миллиарда уникальных мобильных пользователей, что на 100 миллионов (2 %) больше, чем в прошлом году. В 2019 году аудитория интернета насчитывала 4,39 миллиарда человек, что на 366 миллионов (9 %) больше, чем в январе 2018 года. В социальных сетях зарегистрировано 3,48 миллиарда

пользователей. По сравнению с данными на начало прошлого года этот показатель вырос на 288 миллионов (9 %). Более 3,26 миллиарда человек заходят в социальные сети с мобильных устройств в 2019 г. Это на 10 % больше, чем в прошлом году, когда с мобильными устройствами в соцсетях «сидело» на 297 миллионов человек меньше. Исследователи считают, что более 97 % обмена сообщениями, а значит и мобилизация пользователей приходится на первый час после появления оригинального сообщения [11]. При «максимально скрытом манипулировании» это превращает пользователей в мощную силу, способную оказать влияние на власть и организовать массовые выступления «недовольных».

Таким образом, перед современным обществом и учеными стоит проблема осмысления роли и влияния новых политических акторов на современные геополитические проблемы. Важнейшее значение приобретает выявление причинно-следственных оснований их поведения, прогнозирование развития, а значит, и возможности управлять.

Список литературы

1. Виловатых А. В. Информационный фактор в динамике современных геополитических процессов / А. В. Виловатых // Критическая геополитика. – Ногинск : Аналитика Родис, 2014.
2. Баранов Н. А. Акторы геополитики / Н. А. Баранов. – Режим доступа: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-geopolitika/202-tema-8-aktory-geopolitiki>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Шамшурин В. И. Учение Э. Берка о человеке и обществе. Идеи истоки неоконсерватизма. Социологическое наследие / В. И. Шамшурин // Социологические исследования. – М., 1991.
4. Гушер А. И. Современные геополитические процессы и их влияние на состояние международной безопасности / А. И. Гушер // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – 03.04.2017. – Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/analytics/sovremennye-geopoliticheskie-protsessy/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Гибридная война становится новой формой межгосударственного противоборства // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – 07.04.2017. – Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/vojny-konflikty-voennoe-stroitelstvo/gibridnaya-vojna-stanovitsya-novoj-formoj-mezhgosudarstvennogo-protivoborstva/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Дугин А. Геополитика постмодерна / А. Дугин. – М., 2007.
7. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994.
8. Политолог объяснил, как СМИ США влияют на общественное мнение в Европе // РИА Новости. – 18.10.2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/20171018/1507122253.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Пиченко Н. А. Социальные медиа в современных геополитических процессах / Н. А. Пиченко // Критическая геополитика. – Ногинск : Аналитика Родис, 2014.
10. Мирный А. МИД потребует от СМИ опровержения фейков о COVID-19 в России. – 13.05.2020. – Режим доступа: <https://dixinews.ru/news/politika/mid-potrebuuet-ot-smi-oproverzheniya-feykov-o-covid-19-v-rossii/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Cheng A. An In-Depth Look Inside the Twitter World / A. Cheng, M. Evans ; by Sysomos Inc. – Режим доступа: <http://www.sysomos.com/insidetwitter/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Цой Сергей Вячеславович, аспирант
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: sergey_coy@mail.ru

Статья посвящена исследованию современных направлений сотрудничества и международного взаимодействия государств на Корейском полуострове. Проведен обзор исторического наследия урегулирования проблем на полуострове, обозначены трудности, связанные с формализацией концептуальных основ мирного сосуществования Южной и Северной Кореи. Сформулированы авторские предложения, касающиеся достижения экономической консолидации взаимного сотрудничества при поддержке эффективного политического диалога всех заинтересованных акторов в данном регионе.

Ключевые слова: Корея, экономика, безопасность, диалог, сотрудничество

MODERN ASPECTS OF INTERNATIONAL INTERACTION AND PROSPECTS FOR COOPERATION OF THE STATES OF THE KOREAN PENINSULA IN THE GLOBALIZATION

Choi Sergey V., postgraduate student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

The article is devoted to the research of modern directions of cooperation and international cooperation of states on the Korean peninsula. The review of the historical legacy of the settlement of problems on the peninsula is reviewed, the difficulties associated with the formalization of the conceptual foundations of peaceful coexistence of South and North Korea are outlined. Author's proposals are formulated concerning the achievement of economic consolidation of mutual cooperation with the support of an effective political dialogue of all interested actors in the region.

Keywords: Korea, economy, security, dialogue, cooperation

Глобализация как результат коренных изменений в системе международных экономических отношений, обуславливает усиление взаимозависимости национальных экономик, развитие международного экономического сотрудничества и интеграции [1]. Определенным образом противоречивое влияние глобализации на национальные экономики наблюдается в Северо-

Восточной Азии, которая является объектом экономических и политических интересов крупнейших и влиятельных стран мира – США, Германии, Китая, Великобритании, РФ. Именно в данном регионе все еще остро ощущаются последствия холодной войны, обуславливающие существование ряда нерешенных социально-экономических проблем.

Одним из ключевых межгосударственных конфликтов, который на протяжении уже почти шестидесяти лет со времен Второй мировой войны не поддается урегулированию и негативно сказывается на всем азиатском регионе, является противостояние Северной и Южной Кореи [2]. Характерной чертой этого конфликта является то, что в течение всего послевоенного времени сохраняется высокая степень напряженности между странами, что серьезно осложняет международную ситуацию на Дальнем Востоке, поскольку геополитическое положение Корейского полуострова, как в прошлом, так и сегодня остается исключительно важным. Объясняется это тем, что ситуация на полуострове и тенденции развития его государств в той или иной степени затрагивают интересы соседних стран и мирового сообщества в целом.

В данном контексте, с целью разрешения регионального конфликта особую актуальность в настоящее время приобретают вопросы налаживания взаимодействия между государствами Корейского полуострова, усиление их межгосударственного сотрудничества в контексте значительного экономического потенциала, которым обладает Азия, одновременно представляя собой весомый источник международной и политической опасности. Кроме того, проблематика сотрудничества государств Корейского полуострова в условиях глобализации осложняется тем фактом, что подобно тому, как разделение полуострова на две страны вызвало изменения в динамике региональных отношений, в структуре, процесс объединения также, по мнению экспертов, трансформирует стратегический конструкт региона, что, весьма неоднозначно воспринимается заинтересованными международными акторами.

Таким образом, вышеприведенные обстоятельства обуславливают актуальность темы исследования, а также подтверждают ее научно-практическую значимость.

Так, исследования региональных конфликтов в условиях глобализации являются составной частью системно-аналитических работ таких отечественных ученых, как В. Давыдова, В. Денисова, В. Михеева, А. Торкунова. Авторы особое внимание уделяют ядерной программе КНДР. Конфликтогенная сфера взаимоотношений центральных государств АТР по проблеме объединения Кореи представлена монографическими трудами И. Горелых, Т. Глазкова, В.Д. Иргебаева, В.И. Осипова. Среди работ американских международников-политологов достаточный интерес заслуживают труды Г. Киссинджера, П. Шнайдера. В южнокорейской историографии по данной проблематике существенно выделяются научные разработки Ким Янг Хэ, Ким Юн Дука, Чой Сеонг Ае.

В то же время существующие в настоящее время мнения по поводу

разрешения комплекса вопросов, связанных с Корейским полуостровом, и началом эффективного взаимодействия между его государствами, являются достаточно противоречивыми, а также нередко противопоставляются друг другу, что обусловлено столкновением двух противоположных по смыслу идеологий – коммунистической и капиталистической. Однако не подлежит сомнению тот факт, после распада СССР, противостояние указанных идеологических систем должно отойти в прошлое, что и обуславливает необходимость переосмысления проблем и перспектив сотрудничества государств Корейского полуострова с учетом тенденций развития современной глобализирующейся экономической среды.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в изучении перспектив сотрудничества и взаимодействия государств Корейского полуострова в условиях глобализации.

Прежде всего, следует отметить, что на пути формализации современных аспектов международного взаимодействия и перспектив сотрудничества государств Корейского полуострова в условиях глобализации необходимо принимать во внимание и учитывать накопленный опыт и наработанные практики прошлых исторических периодов по данным вопросам.

В данном контексте не будет преувеличением утверждать, что задача поиска перспективных путей успешного взаимодействия двух Корей является одной из самых сложных проблем мирового политико-правового устройства.

Итак, следует отметить, если многими учеными еще несколько лет назад тесное сотрудничество двух государств на Корейском полуострове рассматривалось как нечто желаемое и необходимое, то сейчас многие из них считают, что оно стало чем-то, чего следует избегать из-за непомерных расходов и неопределенностей, которые последуют за ним [3]. Жесткие реалии совместного существования государств на Корейском полуострове, а также проблемы, связанные с растущей нестабильностью и угрозами безопасности со стороны Северной Кореи в регионе, вызвали определенный сдвиг в понимании процессов налаживания взаимоотношений. Политики и ученые постепенно начинают осознавать, что краткосрочные проекты, поверхностные и временные меры не имеют весомого влияния на решение стратегического вопроса достижения мира и согласованного гражданского функционирования двух стран на полуострове.

Все подходы к разрешению проблем, разработанные до сих пор, в основном подчеркивали, что налаживание взаимоотношений и тесного сотрудничества между Кореями будет сложным, жестким и опасным процессом, который приведет к созданию новых проблем [4]. Разработка и распространение новых фактов о перспективных точках соприкосновения и распространения долгосрочных положительных результатов на систему региональных и глобальных отношений могут

качественно изменить отношение, как простых корейцев к этому процессу, так и субъектов международных отношений, оказывающих влияние на межкорейские отношения.

В данном контексте следует выделить две отдельные, но взаимосвязанные комплексные проблемы, которые обуславливают трудности в сфере установления добрососедских отношений между двумя Южной и Северной Кореей.

Первая проблема касается наличия совершенно разных политических, социальных и экономических систем на Севере и Юге в течение почти 70 лет. Учитывая огромный разрыв, который существует в настоящее время, широко распространенным является утверждение, что процесс интеграции и сближения между двумя Кореями будет чрезвычайно сложным и дорогостоящим процессом [5].

Второй комплекс проблем относится к стратегической обстановке в Северо-Восточной Азии. Подобно тому, как создание двух государств вызвало изменения в региональной динамике, объединение также затронет интересы всех субъектов региона без исключения. Вопрос о продолжении государствами на Корейском полуострове союзнических отношений с США или изменении своих ориентиров в другую сторону, или вообще выборе собственной стратегической линии вызывают сильную обеспокоенность в экспертно-исследовательской среде и порождают негативное восприятие подобной возможности сотрудничества из-за наличия потенциальных значительных изменений в региональной структуре.

Таким образом, учитывая исторический опыт, а также существующее научное достояние, тенденции и современное состояние международных и межкорейских отношений, а также опыт сосуществования разделенных наций и опыт объединения Германии, предлагаем вариант поэтапного установления межгосударственных отношений, который рассчитан на длительный срок и предусматривает поступательное углубление сотрудничества государств на Корейском полуострове. Этот вариант включает две связанных сферы межгосударственных отношений: социально-экономическую и политическую.

Итак, в социально-экономическом плане считаем, что процесс установления межгосударственных отношений должен проходить по следующим этапам:

1. Сотрудничество двух государств, то есть принятие статуса разделенной нации.
2. Достижение баланса развития экономики на основе рыночных реформ.
3. Накопление опыта решения общих проблем, в том числе социально-экономических и культурных.
4. Организация общественных институтов, которые станут залогом политического сотрудничества.
5. Национальная интеграция и консолидация нации.

Прохождение этих этапов потребует от Южной Кореи чрезвычайно больших финансовых затрат, что может привести к снижению темпов экономического роста страны, потере позиций на мировых рынках, росту социальной напряженности. Таким образом, сегодня проблему налаживания взаимоотношений двух Корей следует рассматривать в новом ракурсе, который позволяет сделать следующий вывод: ключевыми вопросами эффективного сотрудничества в геополитическом масштабе, которые встанут перед южнокорейским обществом, являются характер социально-экономических проблем; экономическая цена, которую придется заплатить Южной Корее и последствия для ее социально-политического положения.

Для предотвращения возможных негативных явлений в экономическом плане для Южной Кореи считаем, что необходимо:

- 1) накопление «ресурсов межгосударственного взаимодействия и сотрудничества»;
- 2) привлечение активов для накопления указанных ресурсов, в первую очередь стран, причастных к корейской проблеме (России, США, Японии, Китая), затем южно-корейских «чеболов» (мега-корпораций);
- 3) экономическая реформа в КНДР, ориентированная на рынок;
- 4) наращивание экономического потенциала КНДР на основе взаимовыгодного сотрудничества внутрихозяйственных структур Севера и Юга;
- 5) накопление рыночного капитала благодаря сосуществованию государственного регулируемого рынка и рыночной экономики без подрыва и разрушения существующего строя.

Второй не менее важный ракурс связан с постепенным развитием политического диалога, ядерного нераспространения в условиях благоприятного внешнего окружения и надежных международных гарантий. Развитие режима мер военно-политического доверия на Корейском полуострове является основным содержательным компонентом становления механизмов безопасности. В этом контексте важно международное позиционирование Республики Корея и КНДР по консолидации усилий, направленных на урегулирование проблемы [6]. Это, в свою очередь, дает возможность с достаточно большой долей вероятности оценить реальные возможности урегулирования двусторонних отношений и определить значение и роль внешних факторов (США, КНР, РФ).

Взаимодействие КНР, РФ и США могло бы стать надежным гарантом эффективного международного взаимодействия и сотрудничества государств Корейского полуострова. При этом эти страны могут выступать в качестве противовеса той из Корей, которая в критический момент может спровоцировать военный конфликт. Важным в данном случае является вопрос об устойчивости этого процесса, а также его открытости. Определяющая роль должна заключаться, прежде всего, в предоставлении гарантий обоим государствам, или путем подписании пакта о ненападении заинтересованными региональными странами, или путем заключения перекрестных соглашений о ненападении между сторонами и их союзниками, вовлеченными в переговорный процесс.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Современные аспекты международного взаимодействия и перспективы сотрудничества государств Корейского полуострова в условиях глобализации заключаются в динамическом развитии многостороннего диалога в Северо-Восточной Азии при равном участии всех заинтересованных сторон, и предусматривают экономическую консолидацию, подкрепленную политическим диалогом. Сегодня, по мнению автора, точки соприкосновения двух государств должны быть не только в создании многостороннего механизма региональной безопасности, но и касаться формирования структур экономического сотрудничества. При этом заключенные политические и экономические международные договоры должны стать юридической основой будущих международных проектов и структур.

Вместе с тем реалистичность реализации моделей урегулирования корейской проблемы в значительной степени определяется и соответствием характера этого процесса интересам США, КНР и РФ. Региональные центры силы имеют во многом совпадающие интересы по решению корейской проблемы: заинтересованность в приостановлении корейской ядерной программы; формирование двух- и многосторонних соглашений, обеспечивающих контролируемость процесса корейского диалога; отстаивание мирного пути урегулирования проблем на полуострове; поддержка инициатив в налаживании сотрудничества корейских сторон и конструктивного развития отношений двух государств в экономической сфере, с целью повышения эффективности реформирования экономической структуры КНДР. Все это является основой для развития конструктивного сотрудничества относительно корейской проблемы между США, КНР и РФ.

Вместе с тем, к сожалению, на сегодня следует отметить, что если в концептуальном видении ключевых аспектов международного взаимодействия отношений РК и КНДР продвинулись вперед, то в практическом плане процесс установления элементарных связей и контактов проходит медленно, это связано с тем, что КНДР продолжает курс на осуществление своей ядерной программы. Несмотря на то, что в последние месяцы наметился прогресс в отношениях государств на Корейском полуострове (речь идет об обмене мнениями между двумя Кореями по смягчению военной напряженности вокруг Корейского полуострова и договоренности активизировать диалог и сотрудничество; открытию специальной «горячей линии» пограничной спецсвязи КНДР с Южной Кореей и выходе на церемонию открытия зимней Олимпиады-2018 в южнокорейском Пхенчхане под одним флагом) Пхеньян, с одной стороны, подтверждает верность принципам мирного сосуществования стран, а с другой – осуществляет программы по разработке ядерного оружия, тем самым игнорируя меры доверия в военной области на полуострове.

Список литературы

1. Эмирсеитова Н. В. Глобализация международных отношений / Н. В. Эмирсеитова // Форум молодых ученых. – 2017. – № 1 (5). – С. 713–715.
2. Ващенко А. В. Война и мир: все хорошо, что хорошо кончается (корейский полуостров в начале XXI века) / А. В. Ващенко // Архонт. – 2017. – № 2. – С. 31–36.

3. Ланцова И. С. Теория структурного реализма и проблема распространения ядерного оружия в регионе северо-восточной Азии / И. С. Ланцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 64–74.

4. Макаева К. И. КНДР в современных международных отношениях / К. И. Макаева // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 10–1. – С. 174–176.

5. Smirnov S. M. North Korean crisis – 2017: stalemate or crossroad? / S. M. Smirnov // Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 74–80.

6. Толорая Г. Д. Ракетно-ядерная угроза на корейском полуострове: причины и меры реагирования / Г. Д. Толорая, А. В. Торкунов // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 131–146.

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН, ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

Мажитов Аян, студент

Астраханский государственный университет

414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: ayanmazh@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются инвестиции и стратегия Китая в Каспийском регионе в рамках проекта «Один пояс Один путь». Рассмотрена часть энергетической и торговой деятельности Китая, осуществляемой в восточно-каспийских государствах, таких как Казахстан и Туркменистан. Поскольку у Китая нет единой внешней политики в отношении пяти прикаспийских государств после распада Советского Союза, проанализирована динамика отношений между Китаем, Центральной Азией и Прикаспийскими странами.

Ключевые слова: геополитика, Каспийский регион, Шелковый путь, «Один пояс, один путь», транспортный узел

SILK ROAD AND THE CASPIAN REGION, DEVELOPMENT PRIORITIES

Mazhitov Ayan, student

Astrakhan State University

20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

E-mail: ayanmazh@yandex.ru

Annotation. The article discusses the investment and strategy of China in the Caspian region in the framework of the project “One Belt One Way”. A part of the energy and trade activities of China carried out in Eastern Caspian states, such as Kazakhstan and Turkmenistan, is considered. Since China does not have a common foreign policy towards the five Caspian states after the collapse of the

Soviet Union, the dynamics of relations between China, Central Asia and the Caspian littoral countries are analyzed.

Keywords: geopolitics, Caspian region, Silk Road, “One belt, one road”, transport hub

После распада Советского Союза Китай значительно усилил свое участие в Каспийском регионе. Центр отношений между Китаем и пятью прикаспийскими государствами постепенно сместился от политического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности к энергетическим и торговым инвестициям, поскольку Китай стал крупнейшим потребителем энергии в мире менее чем за два десятилетия. Однако, поскольку новые источники нефти и газа в Каспийском бассейне были неожиданно «доступны» для внешних держав в 1990-х годах, другие крупные державы, такие как ЕС, США, Россия и Индия, начали свои собственные инициативы по усилению своего влияния в регионе: начало «Великой новой игры» по древнему Шелковому пути.

Отношения между Китаем и Центральной Азией прошли три основных этапа после распада Советского Союза. Первый этап простирается с 1991 года до создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), когда Китай начал формулировать новую внешнюю политику в отношении новых независимых государств. В этот период двусторонние отношения между Китаем и Центральной Азией в основном ограничивались политическими беседами на высоком уровне. В 2001 году была создана ШОС, в Шанхае лидерами Китая, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана для создания Евразийского политического и экономического альянса. После создания ШОС центр китайско-каспийского сотрудничества сместился на содействие региональной безопасности путем активизации сотрудничества в борьбе с терроризмом. Хотя китайское правительство также считает ШОС важной платформой для углубления регионального торгового сотрудничества с Центральной Азией, Китаю сложно управлять своими отношениями с Центральной Азией вместе с Россией, которая считает, что Китай входит в сферу влияния РФ. Это также объясняет, почему у ШОС больше плодов в региональной безопасности, но меньше результатов в торговом сотрудничестве.

После запуска проекта «Один пояс Один путь» Китай начал активно инвестировать в строительство инфраструктуры и торговлю энергоресурсами в Центральной Азии. Согласно отчету Министерства торговли Китая, Китай был главным торговым партнером Туркменистана и вторым по величине торговым партнером Казахстана в 2017 году. Китай был единственным иностранным импортером туркменского газа, так как Россия остановила импорт газа из Туркменистана в 2016 году. Однако сейчас у стран Центральной Азии нет четкой стратегии использования проекта для развития неэнергетических секторов [1].

В советское время отношения между странами Южного Кавказа и КНР были слабыми и опосредованными Кремлем. Политические, экономические и культурные отношения начали улучшаться после 1991 года, но несмотря на то, что они снова стали активными, не произошло значительного расширения экономических и торговых связей. После мирового финансового кризиса, экспорт стран Южного Кавказа в Китай сократился, так как цены на природные ресурсы и сельскохозяйственную продукцию снизились [2].

После иранской революции политическое сотрудничество доминирует в китайско-иранских отношениях, в то время как экономические и торговые обмены отстают. Во время ирано-иракской войны Китай официально занял нейтральную позицию, когда Иран изолирован крупными западными странами. В начале 1990-х годов китайская экономика начала развиваться быстрыми темпами, и потребление энергии постепенно увеличивалось. С 1990 по 1995 год ежегодные темпы роста потребления нефти в Китае достигли 6,4 %, превратив Китай из страны-экспортера нефти в страну-импортера. В то же время Иран сталкивается с экономическими санкциями со стороны западных стран. Сотрудничество и взаимопомощь в экономической сфере необходимы как Ирану, так и Китаю. Поэтому экономические обмены между двумя странами начали быстро расширяться [3].

С тех пор китайско-иранское торгово-экономическое сотрудничество продолжало развиваться. Китай сохраняет позицию крупнейшего торгового партнера Ирана в течение 9 лет подряд с 2008 года. Объем двусторонней торговли в целом продемонстрировал положительную динамику роста, за исключением очевидного снижения в 2016 году из-за снижения цен на нефть. После Инициативы «Один пояс, Один путь». Иран получил внимание со стороны Китая, как одна из самых важных стран на маршруте. В качестве транспортного узла Восток-Запад стратегическое значение Ирана для Китая становится все более заметным. Географическое положение Ирана как сердца евразийского континента привлекает иностранные инвестиции в его транспортный сектор [4].

Стратегическое значение Каспийского региона для Китая. Безопасность Каспийского моря приобретает все большее значение в условиях растущего интереса к региону со стороны глобальных игроков, включая Китай, благодаря его геостратегическому расположению и огромным запасам нефти и газа. Географические соображения считаются одним из основных движущих факторов интересов Китая в Каспийском регионе. До настоящего времени наибольшее внимание в китайской инициативе «Один пояс, один путь» уделялось северным железнодорожным маршрутам через Россию и Центральную Азию и инвестициям в морские порты Средиземного моря и Индийского океана. Но Пекин давно задумывался об альтернативе, которая бы более тесно связывала стратегии Китая в области наземной и морской торговли. Именно это делает Каспийское море стратегически важным для инициативы Китая.

Что касается Китая, то сотрудничество с прикаспийскими государствами в рамках «Один пояс, Один путь» также связано с проблемами безопасности, поскольку оно может помочь ослабить сепаратистскую и экстремистскую деятельность в Западном Китае, активизируя его экономическое развитие. Использование Черного и Каспийского морей для создания большего количества транспортных средств означает, что китайский район Синьцзяна будет связан с Европой, перемещая товары из ЕС в Китай через сухопутный переход на Кавказе, который может стать внутренним эквивалентом Панамы и Суэцкого канала.

Китай также рассматривает прикаспийские государства как инструмент усиления своего политического влияния в Евразии посредством сотрудничества в рамках «Один пояс, Один путь» и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС).

Китай также планирует развивать энергетическую безопасность в рамках своей инициативы, особенно когда он проходит через богатый природными ресурсами Каспийский регион. С точки зрения некоторых китайских ученых, Китаю следует воспользоваться инициативой Шелкового Пути, чтобы способствовать развитию «Каспийского энергетического сообщества» и углубить свои стратегические отношения с прикаспийскими государствами. Следует рационализировать его структуру и усилить надзор за финансированием энергетического сектора, чтобы снизить волатильность мировых цен на нефть и, следовательно, улучшить свои позиции на мировом энергетическом рынке. Китай также должен использовать свои географические преимущества, чтобы открыть энергетический рынок стран Центральной Азии и Каспия, создать долгосрочный механизм связи и сотрудничества.

Роль Каспийского региона в инициативе Один пояс, один путь.

Транспортный узел. Стратегическое значение Каспийского региона как потенциального транспортного узла Север – Юг и Восток – Запад может быть отражено в нескольких ключевых проектах строительства инфраструктуры инициативы Китая.

Для Китая Каспийский международный транспортный маршрут удовлетворяет несколькими критериями: это занимает меньше времени, и это укрепляет энергетическое сотрудничество между Китаем и прикаспийскими государствами. Из всех потенциальных наземных транспортных коридоров проекта «Один пояс, Один путь» между Европой и Китаем маршрут из греческого города Пирея, в Хоргос, на границе Казахстана с Китаем, включает наименьший наземный элемент, проходящий только через три промежуточные страны – Грузию, Азербайджан и Казахстан. Этот маршрут, соединяющий греческий порт Афины, где China COSCO Shipping управляет контейнерным терминалом, и отправляет грузинским терминалам Батуми и Анаклии через Черное море, которое защищено международным морским законодательством, наилучшим образом согласовывают сухопутную и морскую стратегии Пекина. Для Китая перемещение контейнеров через Грузию

и Азербайджан в Каспийское море может стоить дороже, чем чистый морской путь, и будет намного дешевле и быстрее, чем северные маршруты Беларусь – Россия или Беларусь – Россия – Монголия [5].

Проект железной дороги Афганистан – Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Иран или так называемый проект железнодорожного коридора пяти наций (FNRC) – это железная дорога длиной 2100 километров, которая будет проходить через Китай, Таджикистан, Кыргызстан, Афганистан и Иран, соединяющий Китай с иранскими портами Чехбехар и Бендер-Аббас. В апреле 2017 года Китай и Афганистан подписали меморандум для интеграции в проект Шелкового пути. Проект не только увеличит транспортный потенциал вовлеченных стран, но также активизирует рост их национальных экономик, расширит их торговые обмены и будет способствовать развитию туристических связей. Кроме того, это уменьшит расстояние для коммерческих перевозок между Востоком (из Китая в Иран) и Западом (в направлении Западной Европы) [6].

Поставщик природных ресурсов.

В апреле 2017 года новый стратегически важный газопровод, идущий с юга Казахстана в Китай, начал работать. Трубопровод 1454 км в настоящее время совместно управляется China National Petroleum Corp. (CNPC) Trans-Asia Pipeline и государственный Казахстана Казтрансгазом. CNPC заявила, что это ключевой энергетический проект в рамках инициативы «Один пояс, Один путь», а также значительная часть газопровода Центральная Азия-Китай, который начинается на туркмено-узбекской границе на правом берегу Амударьи и проходит через центральный Узбекистан, после проходит через Казахстан до достижения Синьцзян-Уйгурского автономного округа Китая. Газопровод Центральная Азия-Китай вместе с трассой газопровода Восток-Запад Туркменистана из Шатлыка в Белек можно рассматривать как расширение на восток предполагаемого пути Транскаспия. Также ожидается, что китайские фирмы продолжат инвестировать в Иран и получают выгоду от выхода США из ядерной сделки с Ираном, поскольку европейские компании очень осторожны в отношении инвестиций в Иран из-за санкций США [7].

Направление товаров и услуг Китая.

В то время как прикаспийские государства экспортируют сырье в Китай, они также служат пунктом назначения китайской готовой продукции и услуг. По данным Национального бюро статистики Китая, импорт Азербайджана из Китая в 2016 году составил около 346 миллионов долларов США, почти вдвое больше, чем в 2012 году [8].

Китайские производители также планируют инвестировать в сборочные производства в Центральной Азии и Каспийском регионе. Китайская компания НКС Corporation Limited, которая является одной из пяти китайских компаний на рынке производства мониторов и телевизоров, намерена построить сборочный завод в Костанайской области Казахстана, которая

имеет преимущество в близости к России и другим странам СНГ. Как сообщается, объем запланированных инвестиций на начальном этапе оценивается в 20 миллионов долларов. По словам китайских инвесторов, проект предполагает создание 500 рабочих мест [9].

Проблемы политической нестабильности, с которыми сталкивается регион на протяжении долгих лет, может ослабить инвестиционный фон всего региона. Например, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Соединенные Штаты и Россия являются посредниками в Нагорно-Карабахском конфликте, Азербайджан и Армения придерживаются совершенно другой позиции, что затрудняет разрешение конфликта. По сей день, пока не существует планов по выходу из данного конфликта [10].

Кроме того, между Ираном и Западом нет взаимного доверия в политических отношениях, что приводит к нестабильности между двумя сторонами. В феврале 2017 года администрация Трампа объявила о новом раунде санкций против Ирана, а в апреле этого года США официально вышли из ядерной сделки. Хотя отношения между Ираном и ЕС немного улучшились после иранского ядерного соглашения, в апреле 2017 года ЕС продлил санкции против Ирана на основании «отношения к правам человека». Кроме того, в январе 2016 года Саудовская Аравия и Иран разорвали свои дипломатические отношения. Пытаясь ослабить напряженность в отношениях с Западом, отношения Ирана с его соседями на Ближнем Востоке становятся сложными для управления. Инвестиционные проекты в Иране также могут столкнуться с негативным влиянием со стороны других стран Ближнего Востока [11].

Риски и чрезмерное регулирование являются одними из самых больших препятствий для ведения бизнеса на постсоветском пространстве. Согласно индексу коррупционных рисков за 2018 год, все 5 прикаспийских государств сталкиваются со средней и высокой коррупционной угрозой. Строительство и развитие, инфраструктуры в нефтегазовом секторе, которыми являются основными инвестиционными мероприятиями в Каспийском регионе, входят в тройку крупнейших секторов, подверженных коррупционным рискам и проблемам. Правительство Ирана зачастую вводит строгие правила на введение бизнеса на территории страны, такие как сложные правила трудоустройства для иностранных работников и контроль цен на большинство производственных материалов и потребительских товаров [12].

Кроме того, Россия долгое время определяло Центральную Азию и Южный Кавказ как сферу своего традиционного влияния. Россия не только противостоит постепенному проникновению нефтяных корпораций Запада, но и не разделяет двустороннее сотрудничество в области развития энергетики между Китаем и другими странами Центральной Азии, такими как Казахстан.

До сих пор Россия все еще публично поддерживает инициативу Китая по Шелковому пути, хотя он в значительной степени обходит российскую территорию. Но теперь, когда Пекин получает больший доступ к природным

ресурсам и заключает выгодные соглашения о строительстве инфраструктуры в Центральной Азии и Каспийском регионе, остается неясным, какое отношение Россия будет придерживаться дальше и будет ли Россия вмешиваться в китайские инвестиции в своей исторической сфере влияния.

В итоге можно отметить, что Каспийский регион, после развала советской системы управления в экономике и политике, имеет проблемы в сфере влияния внешних акторов, а также согласованности в регионе, что может повлиять на развитие инфраструктуры прикаспийских стран и на инвестиционный фон. Так или иначе, за проектами, продвигаемыми Пекином, заложена инициатива к развитию экономического и политического будущего для Каспийских государств.

Список литературы

1. China's Massive "One Road" Project Largely Bypasses Russia, But Moscow Still On Board. – Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/russia-china-one-belt-one-road-project-putinxi/28579849.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

2. Bo Xiang. China's State Grid eyes further investment along Belt and Road / Bo Xiang // Xinhua News. – 2017. – December 12. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2017-12/12/c_136820630.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

3. CNPC overtakes Total share in Iran gas project // trend.az. – 2018. – August 11. – Режим доступа: <https://en.trend.az/iran/business/2939593.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

4. Dong Yan. China's Strategy in the Caucasus / Dong Yan // Foreign Policy Research Institute. – Режим доступа: <https://www.fpri.org/article/2017/04/chinas-strategy-caucasus/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

5. Gadimova Nazrin. Trans-Caspian Transport Route: Saving Time / Gadimova Nazrin // Caspian News. – 2017. – April 6. – Режим доступа: <https://caspiannews.com/news-detail/trans-caspian-transport-route-saving-time-1493373291953/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

6. Haldar Prasad Routray Analysis: Five Nations Railway Corridor Project: Increasing Connectivity and Chinese dominance in Afghanistan / Haldar Prasad Routray & Sayantan Bibhu. – Режим доступа: <http://mantraya.org/analysis-five-nations-railway-corridor-project-increasing-connectivity-and-chinese-dominance-in-afghanistan/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

7. 华黎明. “伊朗:'一带一路'中的地位与角色.” – 《社会观察》, 2015.

8. 李勇慧. “浅析阿塞拜疆经济转型与'一带一路'倡议对接的战略合作.” – 《欧亚经济》, 2018年3月: 70–127.

9. 刘若斯, 丁浩. “'一带一路'倡议下中国与伊朗的产业合作分析.” – 《湖湘论坛》, 2017: 115–119.

10. 潘楠. “欧盟南部天然气走廊计划及其影响.” 《管道论坛 (Pipeline Forum)》, 2016年7月1日: 57–74.

11. 田文林. “落实‘一带一路’倡议伊朗是重要支点.” – 《大众日报》, 2016年1月23日: 9.
12. 张辛雨. “‘一带一路’与环里海国家能源共同体构建的探讨.” 《长春金融高等专科学校学报》, 2016年1月5日: 65–70.

АМЕРИКАНСКАЯ «МЯГКАЯ СИЛА» В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Иманов Даниил Артемович, студент
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dan.asu.2017@gmail.com

Аннотация. Основной задачей исследования стал анализ внешнеполитической деятельности США в период президентства Дональда Трампа. Наибольший интерес представил анализ использования в политической деятельности «мягкой силы», как одного из инструментов воздействия в рамках международной политики. В течение последних 25 лет США активно применяют инструменты «мягкой силы». В рамках исследования было определено, что ведущими инструментами «мягкой силы» США сегодня являются СМИ, Интернет, а также киноиндустрия. При этом установлено, что на сегодняшний день в американской внешней политике отмечается переход от применения «мягкой силы» к «жесткой силе».

Ключевые слова: «мягкая сила», внешняя политика, международные отношения, дипломатия, геополитический интерес

AMERICAN "SOFT POWER" DURING THE PRESIDENCY OF DONALD TRUMP

Imanov Danil, student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dan.asu.2017@gmail.com

Annotation. The main task of the study was to analyze the foreign policy activities of the United States during the presidency of Donald trump. The analysis of the use of "soft power" in political activity, as one of the tools of influence in international politics, was of the greatest interest. Over the past 25 years, the US has been actively using soft power tools. As part of the study, it was determined that the leading tools of "soft power" in the United States today are the media, the

Internet, and the film industry. At the same time, it is established that today in American foreign policy there is a transition from the use of "soft power" to "hard power".

Keyword: "soft power", foreign policy, international relations, diplomacy, geopolitical interest

Во второй половине 1980-х американский политолог Джозеф С. Най выделил две категории возможности влияния государства на внешнюю политику: «жесткую» (hard power) и «мягкую» силу (soft power). Под «жесткой силой» понимается способность обеспечить свои внешнеполитические интересы за счет военной и экономической мощи государства; под «мягкой силой» – способность государства привлекать своей культурой, своими общественно-политическими ценностями. Джозеф Най выступал сторонником расширения применения «мягкой силы» во внешней политике США.

В настоящее время правительства разных стран во внешней политике активно используют военную мощь с целью того, чтобы выдвигать угрозы, бороться и достигать необходимых результатов в установленные сроки. Экономическая мощь зачастую также выступает простым вопросом реализации поставленных задач. Правительства замораживают иностранные банковские счета и при этом способны оперативно оказывать финансовую помощь.

В то же время «мягкая сила» выступает более сложным механизмом, так как некоторые из ее значимых ресурсов находятся вне контроля правительств, и ее последствия в большей степени будут зависеть от признания со стороны принимающей ее стороны. Помимо указанного, ресурсы мягкой силы нередко функционируют опосредованно, предопределяя условия для политики, и периодически для реализации поставленных целей требуются годы.

Актуальность изучения «мягкой силы» в США обусловлена приходом к власти Дональда Трампа вместе с его преобладающей «жесткой силой».

Итак, «мягкой силой» сегодня называется умение привлекать, оказывать влияние и убеждать в чем-либо определенную аудиторию с целью реализации личных интересов на основе сотрудничества. При этом в рамках «мягкой силы» принципы принуждения не используются. Последнее уже считается выражением «жесткой силы», которая применяет данную силу либо же обеспечивает финансовыми ресурсами в качестве метода убеждения и привлечения на свою сторону. Соответственно, под «мягкой силой» подразумевается способность формировать предпочтения других через привлекательность и притяжение [2, с. 131].

Типичной чертой «мягкой силы» выступает то, что она не может быть напряженной, а ее, своего рода, валютой считается культура, политические ценности и внешняя политика, другими словами, способность формировать предпочтения других через привлекательность и притяжение [5, с. 119]. На сегодняшний день рассматриваемое понятие применяется также для изменения социального и общественного мнения, а также воздействия на него путем относительно менее открытых и прозрачных кана-

лов и оказание давления на органы власти через имеющие вес политические и неполитические организации.

«Мягкая сила» на протяжении истории являлась сильной стороной для США, несомненно, задолго до того, как государство было признано мировой державой в XX столетии. Американская «исключительность» является приверженностью нации свободе, верховенству закона и практике республиканского правительства. Ее открытость для иммигрантов различных рас и религий, оппозиция традиционной политике власти и империализму повлияло на подъем США к их доминирующей сегодня глобальной роли.

В виде «мягкой силы» сегодня рассматриваются политические, культурные ценности западного мира. Итак, речь идет о демократических ценностях, ценностях прав и свобод человека.

В основе привлекательности американской «мягкой силы» можно выделить ряд факторов. Первым из них выступает привлекательность стиля жизни США, непосредственно культуры и образа «американской мечты», известного и наиболее продолжительного в новейшей истории идеологического штампа, одним из постулатов которого считается убеждение в том, что Соединенные Штаты выступают государством «равных возможностей» для каждого человека без исключения. Именно Америка является истинным раем для целеустремленных, энергичных и инициативных граждан, где любой способен достичь высот, если будет усердно трудиться и работать.

Другим, не менее значимым фактором привлекательности американской «мягкой силы» выступает государственная идеология, которая находит поддержку среди правящих кругов различных государств, так как некоторые из них видят довольно привлекательными идеалы свободной рыночной экономики и демократии. Однако ведущей задачей «мягкой силы» сегодня является модернизация американского имиджа за границей.

Вышесказанное достигается через такие элементы как американская поп-культура, теле-индустрия, постоянное производство большого числа голливудских фильмов, музыка, шоу-бизнес и, несомненно, образ жизни.

Кроме того, к действенным сегодня рычагам «мягкой силы» необходимо отнести такие вещи, которые привлекательны для людей в различных странах по всему миру, как: более свободный доступ к образованию, что оказывает влияние на огромный приток студентов из-за рубежа, которые в результате становятся проводниками американских идей в своих странах, прозрачность и грамотное применение институтов власти, а кроме того, высоко ценяемая свобода личности каждого члена общества [4, с. 98].

Научно-технический прогресс также оказывает положительное влияние на формирование новых возможностей для использования «мягкой силы» в США на современном этапе. С наступлением цифровой эпохи компьютеров и интернета происходит активное развитие сетевых электронных технологий, которые охватывают огромное число людей. Сегодня

у большинства людей есть личные электронные гаджеты, которые предоставляют доступ в Интернет.

На сегодняшний день ведущими инструментами по продвижению политики «мягкой силы» Соединенных Штатов в различных регионах мира считаются различные неправительственные организации. На работу данных организаций Вашингтон последние годы выделяет значительные средства.

В рамках же анализа «мягкой силы» представляется необходимым выделить основные векторы внешней политики Д. Трампа. О данных направлениях американский президент заявил 22 ноября 2016 года. В частности, ими стали: выход США из Транстихоокеанского партнерства, снятие ограничений на добычу различных энергоносителей, разработка плана киберзащиты государства, пересмотр иммиграционной политики для сохранения рабочих мест для американских граждан и постройка стены на границе с Мексикой.

Кроме того, Дональд Трамп также хотел отменить 60–70 % указов президента Барака Обамы. 1 июня 2017 года Дональд Трамп заявил о выходе Соединенных Штатов из Парижского соглашения по климату. Позже американский президент отменил свой визит в Лондон, указав причиной отсутствие желания открывать новое американское посольство. Ситуация в государстве в результате данных мер стала ухудшаться: уровень доверия к Д. Трампу начал падать. При этом внешняя политика США стала склоняться и к «жесткой силе».

Администрация президента США Дональда Трампа проявляет мало интереса к публичной дипломатии. И все же публичная дипломатия – усилия правительства напрямую общаться с общественностью других стран – является одним из ключевых инструментов, используемых политиками для создания мягкой силы, и нынешняя информационная революция делает такие инструменты более важными, чем когда-либо.

Опросы общественного мнения и индекс "Portland Soft Power 30" показывают, что американская мягкая сила снизилась с начала срока правления Трампа. Твиты могут помочь установить глобальную повестку дня, но они не производят мягкую силу, если они не привлекательны для других [6].

В частности, вышесказанное обусловлено тем, что Д. Трамп отказался от политики «стратегического терпения» в отношении традиционных противников США, например, Ирана и Северной Кореи, которая была реализована предыдущей администрацией во главе с Б. Обамой [3].

Итак, в настоящее время, с приходом на пост президента США 20 января 2017 года Дональда Трампа, отношения США с Ближним Востоком обострились. В мае 2018 года Д. Трамп объявил о намерении выхода США из иранской ядерной сделки. В период выступления в Белом доме президент США также заявил, что снова введет в отношении нефтяного сектора Ирана санкции, которые были сняты в рамках соглашения.

Д. Трамп также выступает за закрытие государственных границ для мигрантов. Возведение стены вдоль границы с Мексикой было одним из ведущих пунктов президентской программы американского лидера во время выборов. Когда, Д. Трамп официально возглавил США, он сумел добиться начала строительства заграждений на границе с Мексикой. Туда входят не только стена, а также и системы видеонаблюдения, беспилотные летательные аппараты и иные компоненты технического контроля за линейей разграничений между государствами.

При этом Д. Трамп в рамках предвыборной кампании много раз выступал за резкие действия в отношении различных государств, например, в отношении Ирана и Северной Кореи.

Поскольку Трамп не может получить желаемое с помощью мягкой силы, он часто прибегает к жесткой силе [7].

Также во внешней политике Д. Трамп продвигает собственный девиз «Сделаем Америку снова великой». В частности, 8 мая 2018 года он объявил о выходе США из шестистороннего соглашения по ядерной программе Ирана и последующего введения санкций. В результате продолжительных резких заявлений как со стороны администрации США в сторону КНДР, так и со стороны КНДР к США, к концу весны 2018 года они все чаще стали говорить о важности взаимодействия и дальнейшей официальной встречи глав государств. Более того, Д. Трамп решил взять курс на тесное сотрудничество с Казахстаном [3].

Однако, несмотря на вышесказанное, некоторые аспекты «мягкой силы» продолжают активно использоваться во внешнеполитической деятельности и администрацией Д. Трампа. Популярная американская культура (кино, телевидение и музыка) все также обладает огромным влиянием как никакая другая.

Вероятно, на сегодняшний день самым удивительным считается незначительный приоритет и нехватка ресурсов, которые выделяются на производство «мягкой силы». Общая стоимость программ Государственного департамента в сфере общественной дипломатии и международного вещания США в период президентства Д. Трампа составляет немного более миллиарда долларов, либо около 4 % бюджета государства на международные дела. Если бы США тратили 1 % военного бюджета на общественную дипломатию, то это бы составляло сумму практически в 4 раза больше существующего бюджета. Однако США инвестируют в ресурсы «мягкой силы» намного меньше, нежели инвестируют в нее сегодня другие крупные державы [1].

Можно предположить, что сегодня необходимо обеспечить большую согласованность политики между аспектами общественной дипломатии и связать их с иными вопросами.

В настоящее время экономический успех США, их идеологическая убедительность и культурная привлекательность не редко считаются более значимыми факторами, нежели военная мощь государства и обладание

ядерным оружием. Государство, которое в состоянии сконструировать привлекательную модель развития и предложить перспективы развития соперникам, или союзникам, обладает всеми возможностями одержать успех. Соответственно, «мягкая сила» явилась наиболее значимым инструментом противоборства государств на современном этапе.

Итак, «мягкой силой» называется способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не путем принуждения либо выплат. Некоторые исследователи полагают, что «мягкая сила» выступает продуктом демократического общества.

Кроме того, «мягкая сила» является «привлекательной силой». При этом ресурсами мягкой силы выступают активы, которые производят, генерируют эту привлекательность.

«Мягкая сила» является оружием массового воздействия, которое не уступает современным военным средствам. Ее влияние настолько внушительно, что, если «жесткая сила» может уничтожить объект, то «мягкая сила» принуждает его к добровольному переходу на сторону субъекта, разделяя ценности, убеждения последнего.

«Мягкая сила» постоянно являлась основным элементом лидерства. Способность привлекать – заставлять других хотеть то, что вы хотите, формулировать проблемы, определять повестку дня – обладает собственными корнями в тысячелетнем опыте человека. В частности, американские президенты, включая Д. Трампа, осознают, что привлекательность проистекает из авторитета и легитимности. Сила никогда не исходила только из ствола ружья; даже наиболее жестокие лидеры полагались на влечение и страх [2, с. 136–138].

Одной из наиболее значимых тактических задач «мягкой силы» считается формирование привлекательности, к примеру, путем выстраивания эффективного имиджа государства и воздействия на объект управления. «Мягкая сила» выступает наиболее выгодным инструментом внешнеполитического дискурса США в период президентства Д. Трампа. «Жесткая сила» изживает себя, в ход идут более демократические способы. США обладают мощным потенциалом в географическом и внутривнутриполитическом плане и воплощают его в сторону следующих векторов внешней политики: прежде всего, это Юг (Южная Америка), также Восток (Западная, Восточная Европа, Ближний Восток) и Запад (Китай). Соединенные Штаты сегодня явно ощущают свое преимущество.

Таким образом, Соединенные Штаты в течение многих лет последовательно формировали притягательный «американский» образ жизни и распространяли собственное мировоззрение через СМИ, включая Интернет и социальные сети. Популяризация американской модели жизни привела к активному росту числа иностранных граждан, которые стремятся иммигрировать в США.

В заключение представляется необходимым подчеркнуть, что «мягкая сила» при Д. Трампе все также используется во внешней политике Американского государства, однако в то же время Соединенные Штаты также прибегают под его руководством к «жесткой силе». Но некоторые аспекты «мягкой силы» на протяжении многих лет остаются наиболее актуальными методами в рамках проведения международной политики, в частности, популярная американская культура (кино, телевидение и музыка) все так же влиятельна как никакая другая.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : АСТ, 2018. – 256 с.
2. Братерский М. В. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США / М. В. Братерский, А. С. Скриба // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 130–144.
3. Мягкая твердая сила: кто и как влияет на мировую политику? // РИА-новости. – Режим доступа: <https://radiosputnik.ria.ru/20200225/1565198013.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 06.04.2020).
4. Полякова А. А. «Мягкая сила» в контексте внешней политики США: концептуально-теоретические аспекты / А. А. Полякова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 91–102.
5. Трибрат В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю / В. Трибрат // Международные процессы. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 117–120.
6. Joseph S. Nye Jr. American soft power in the age of Trump / Joseph S. Nye Jr. – Режим доступа: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/blog/american-soft-power-age-trump>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 21.04.2020).
7. By Max Boot the Washington Post, «Destroying America’s soft power» // The Arkansas Democrat-Gazette. – Режим доступа: <https://www.arkansasonline.com/news/2020/jan/22/destroying-americas-soft-power/?opinion>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 21.04.2020).

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КНР В СТРАНАХ ПРИКАСПИЯ НА ПРИМЕРЕ ИРАНА, АЗЕРБАЙДЖАНА И КАЗАХСТАНА

Масюткина Виктория Романовна, студентка

Астраханский государственный университет

414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Аннотация. В статье рассматриваются стратегические усилия Китайской Народной Республики по отстаиванию своих геополитических интересов в странах Прикаспия, таких как Иран, Азербайджан и Казахстан. Объектом исследования выступает внешняя политика Китайской Народной Республики. Предметом исследования являются геополитические интересы КНР в некоторых странах Прикаспия: Иран, Азербайджан и Казахстан. Целью данной статьи является анализ заинтересованности Китая с его геополитическими интересами в сотрудничестве со странами Каспийского региона и какие стратегические усилия прилагает КНР для их реализации.

Ключевые слова: геополитика, Каспийский регион, Китай, Азербайджан, Иран, Казахстан, мировая политика, нефтегазодобывающая отрасль, территория

CHINA'S CURRENT GEOPOLITICAL INTERESTS IN THE COUNTRIES OF THE CASPIAN REPUBLIC: IRAN, AZERBAIJAN, KAZAKHSTAN

Masiutkina Viktoriia R., student

Astrakhan State University

20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

Abstract. In the article considers the strategic efforts of the People's Republic of China to defend its geopolitical interests in the countries of Prikaspiya, such as Iran, Azerbaijan and Kazakhstan. The subject of the study is the foreign policy of the People's Republic of China. The subject of the study is the geopolitical interests of the People's Republic of China in some countries of Prikaspiya: Iran, Azerbaijan and Kazakhstan. The purpose of this article is to analyze China's interest with its geopolitical interests in cooperation with the countries of the Caspian region and what strategic efforts China is making to implement them.

Keywords: Geopolitical, Caspian region, China, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, world politics, oil and gas industry, territory

Ситуация, которая в последние несколько лет развивается на территории Каспийского региона, подвергается влиянию очень большого числа различных факторов. Но, на первый план в этом списке выдвигаются различные по своим направлениям интересы различных политических игроков: мировых держав, политических союзов, транснациональных корпораций. Все они осуществляют на территории Каспия свою политику, которая

состоит в укреплении своих позиций в этом регионе (как геополитических, так и геоэкономических).

Особо важную роль в этом процессе следует отдать проводимой политике Китайской Народной Республики. Сегодня уже совершенно очевидно, что Китай – крупнейший игрок в мировой политике и в дальнейшем его роль и позиции будут только возрастать. Ведь Китаю присущи все атрибуты великой сверхдержавы. Многие эксперты предрекают Китаю большое будущее, а также обретение способности влиять на глобальные политические процессы, в том числе и на формирование глобального мирового порядка, который, по мнению КНР, должен быть многополярным.

По мнению А.А. Свешникова, именно КНР – эта страна, способная заметно потеснить другие мировые державы на геополитическом поле. В круг интересов Китая в странах Прикаспия традиционно входит укрепление своих позиций посредством усиления разных направлений сотрудничества. Энергетические запасы, отрасль добычи нефти и газа, а также транспортно-коммуникационный потенциал региона Каспия выступают главными векторами заинтересованности Китая. При этом, по мере развития экономической мощности страны, эти интересы будут расти, в конечном счете имея своей глобальной целью обеспечение безопасности [10].

Учитывая эти интересы в политики Китая на Каспии, выделим и определенные направления реализации внешней политики китайского руководства в регионе. В данной статье нами будут рассмотрены геополитические интересы Китая в Казахстане, Иране и Азербайджане.

Для китайского руководства, Исламская Республика Иран (ИРИ) является лидером Ближневосточного региона, контролирует все важнейшие торгово-экономические пути. Именно эта страна выступает в качестве нужного системообразующего элемента, необходимого в составлении целостного впечатления о регионе и имеет все основания считаться политическим лидером. И причин тому несколько:

Начнем с того, что Исламская Республика Иран (ИРИ) имеет выход к Индийскому океану, Каспийскому морю и к основной артерии нефтедобывающих стран – Ормузскому проливу и Персидскому заливу, тем самым давая государству выгодное геополитическое и геостратегическое положение на международной арене. Также Иран является крупной страной, которая добывает нефть. Она занимает второе место по нефтедобычи в ОПЕК, имея 9 % от мировых запасов нефтедобывающих ресурсов, а также 16 % всех мировых запасов газа [11]. Более того, для Исламской Республики характерно ведение независимого внешнеполитического курса, с чем Соединенные Штаты крайне несогласны.

Что касается Китая, то выстраивая свои отношения с Ираном, он придерживается политики сближения позиций. Примером этому может служить подписание Программы сотрудничества в сфере энергетики на 25 лет, что автоматически выводят отношения между этими странами

на новый уровень. В качестве еще одного примера приведем многообещающий энергетический проект между Китаем и Ираном – это освоение крупного месторождения газа Северный Парс [13].

Сотрудничество КНР и ИРИ базируется на интересах каждого из сторон, заключенных в экономической, политической и социальной сфере. Преимуществом стабильных дипломатических отношений является отдаленность этих стран друг от друга. Государственные границы никак не соприкасаются между собой, что делает невозможным возникновение притязаний (из-за географического фактора) между ними. Вместе с тем, укреплению и сближению сотрудничества стран также служит схожие процессы развития общества и небольшой процент населения Китая, который исповедует ислам [3, с. 119].

Китай и Иран имеют единый взгляд как на существующую международную систему так и на основные проблемы современности, включая многополярность мира, отрицательное отношение к всяческому проявлению гегемонизма и стремления к нему, а также Иран, как и КНР проводит политику невмешательства в дела других стран.

В последнее время сотрудничество между двумя государствами ведется с большой активностью. Одним из этого является проведение совместных конференций, которые посвящены развитию и укреплению торгово-экономических связей и их взаимодействия на современном этапе. Далее на одной из конференций был обсужден вопрос вероятного вступления Ирана в ВТО с поддержкой со стороны Пекина [6]. Таким образом, КНР становится для Ирана одним из основных партнеров и инвесторов в области экономики и строительства, а также главным покупателем иранских энергоносителей.

Торговые отношения КНР с Исламской республикой можно назвать доверительными. Следует учесть, что особенность товаро-денежных отношений этих стран состоит в том, что они отказались от доллара в качестве расчетной единицы и используют китайскую национальную валюту – юань (元). Продажа и покупка товаров между странами происходит исключительно в этой валюте. По мнению некоторых экспертов, зависимость иранской экономики от Китая в дальнейшем может плохо отразиться на поставках продукции Исламской республики в другие страны [2, с. 36]. Отсюда следует, что дипломатические отношения этих стран строятся на стратегическом партнерстве, в основе которого взаимовыгодные условия и прагматичность. В геополитических интересах Китая значимое направления отводят Исламской республике, в первую очередь из-за того, что она является одним из главных поставщиков энергоресурсов. Также и Иран заинтересован в сотрудничестве с Поднебесной, так как он может выступать основным инвестором, который вкладывает огромные средства в развитие экономики страны, что является определяющим фактором сотрудничества для Ирана [7].

Следует отметить, что Иран проводит независимый внешнеполитический курс. Вместе с тем, исламской республике не мешает союзник

в противоборстве с США, так как между Ираном и Соединенными Штатами в последнее время довольно напряженные отношения, а КНР с его экономической мощью может выступать надежным партнером.

Кроме того, Поднебесная стремительно проникает на промышленный рынок Ирана: Компании КНР в основном функционируют в таких сферах, как: электроэнергетика, нефтепереработка, металлургия, газ- и нефтедобыча. Также в дальнейшей перспективе Китай хочет использовать Иран в своей геополитической концепции «Новый шелковый путь». Отметим, что в задачи данной концепции входит строительство нефтепровода, который соединит столицу исламской республики с Каспийским морем и в дальнейшем будет создан выход к другому нефтепроводу под названием Западный Казахстан – Западный Китай [1, с. 25].

Южный Кавказ всегда выступал одним из стратегически важных регионов планеты, в котором происходит столкновение различных интересов глобальных и региональных держав. Поэтому вполне естественно, что для Китая этот регион также имеет ценность. В частности поговорим об Азербайджане. Самые известные геополитики, занимающиеся изучением Каспийского региона не раз отмечали особое стратегическое значение, отведенной Азербайджанской Республики в вопросах укрепления геополитического влияния на Каспии. Неудивительно, ведь Азербайджан – это один из геополитических центров Евразии, получив над которым контроль, автоматически дается возможность получить значительное и заметное превосходство в борьбе за господство в Евразии. Учитывая эти особенности, дадим анализ поведения Китая на Каспии применительно к этой кавказской республике.

Двухсторонние дипломатические отношения между Республикой Азербайджан и Китайской Народной Республикой установились еще в далеком 1991 г., после того как Азербайджан заявил о своей независимости, а Китай сразу же принял ее. В настоящий момент дипломатические отношения между этими странами характеризуются многообразием различных взаимосвязей, высокой степенью доверительных отношений, а также активное укрепление сотрудничества в разных направлениях [8].

Китай имеет большую заинтересованность в процессе восстановления Великого Шелкового пути. Принимая во внимание выгодное географическое положение Азербайджана, находящегося в центре Евразии, Китай, таким образом, рассчитывает на возможность применить потенциал этой страны в качестве связующего звена между рядом регионов и стран Евразии, в том числе таких как Россия, Иран, Грузия и Турция. Именно по этой причине для подключения Китая к Европе через Евразийский континент в пределах Экономического пояса Шелкового пути Азербайджан выступает единственно возможным вариантом для осуществления этого проекта [12, с. 278]. Также Китай заинтересован в увеличении сделок с Азербайджаном и в других различных сферах: промышленном производстве, нефтегазовом

секторе, машиностроении, в области высоких технологий, инфраструктуры, образования, культуры, туризма и в др.

На сегодняшний день китайские компании с большим успехом осуществляют свою деятельность на Азербайджанском рынке в области энергетики, информационно-коммуникационных технологий и т.д. Также имеются неплохие перспективы для будущего развития сотрудничества в сфере транспорта и промышленности, а также в системе логистики и международного транспорта, что способствует важной транзитной роли между Китаем и Европой [4, с. 48].

Анализирую геополитические интересы КНР в Азербайджане, отметим тот факт, что между двумя этими странами нет никаких противоречий, что в будущем может создать еще большие области сотрудничества. Тем более, что Азербайджан готов к многоступенчатому процессу сотрудничества с КНР, как, впрочем, и с любой другой державой, которая способна вести свои дела на уровне доверительного партнерства.

Подводя итог рассмотрению геополитических интересов Китая в отношении Азербайджана, отметим, что, по мнению Китая, Азербайджанская Республика играет основную роль в осуществлении важных стратегических задач страны на Каспии, и в первую очередь это касается транспортной сферы. Принимая во внимание создаваемую странами региона транспортную инфраструктуру, Баку сможет стать одним из главных связующих звеньев создаваемой в рамках Экономического пояса Шелкового пути глобальной коммуникационной сети на евразийском континенте.

Что касается Казахстана, то и здесь у Китая имеются свои интересы.

Так же как и предыдущие рассматриваемые нами страны, значимость Казахстана в современном мире по большому счету определяются его геополитическими данными. Отметим их. Конечно же, это уникальное географическое положение, которое отражается в нахождении страны на Евразийском континенте между Европой и Азией. Этот факт способствовал развитию Казахстана в двух направлениях – западном (влиянием России) и восточном. Также немаловажным фактором выступает способность держать под контролем ключевые пространства и географические центры.

Казахстан включен во внешнеполитический курс Китая как «проводник в Центральную Азию». Казахстан открывает возможности получить выход на основные транспортные и энергетические коридоры региона, а также доступ к природным ресурсам, что является основным фактором развития китайской экономики. Более того, Поднебесная ориентируется на Казахстан в качестве немаловажного импортера своей продукции и возможностью получить доступ дальнейшего перемещения товаров в другие страны через Казахстан. Китай стал вести активное стратегическое партнерство с Казахстаном в данных отраслях, посредством использования инструментов мягкой силы. Например: льготное кредитование, возможности для госкорпораций, а также «особый подход» для местного истеблишмента [5, с. 32].

В энергетической безопасности Китая Казахстан играет особое значение. Во-первых, он является главным поставщиком нефти для КНР. Кроме того, территория, по которой происходит транзит газа из Туркмении в Китай, является наиболее выгодной, благодаря наземным трубопроводам [9, с. 47]. Следовательно, для китайских инвесторов республика Казахстан является привлекательной для экономического партнерства. Промышленная сфера Казахстана открывает для КНР возможности получения ценных энергоресурсов региона, что еще раз подтверждает заинтересованность Китая в сотрудничестве с Казахстаном. Более того, важным является формирование значимых объектов на территории Казахстана, так как это ключевой момент в создании транзита для экспорта товара.

Итак, интерес Китая к Казахстану базируется на следующих интересах:

- Пекин имеет своей целью получить доступ к богатым энергетическим ресурсам Казахстана, что имеет очень важное значения для увеличивающейся потребности КНР в ресурсах в ближайшем будущем;
- Китай защищает свои политические, геополитические и экономические интересы в Казахстане от других внешних игроков;
- Китаю необходимо использовать казахстанский рынок для реализации своего товара.

Проанализировав геополитические интересы КНР в странах Прикаспия, можно отметить, что основой для создания стратегических отношений между странами служат энергоресурсы. В китайско-иранских отношениях одной из главных тем в двустороннем диалоге является нефтяной сектор. В дипломатических отношениях с Республикой Азербайджан Китай принимает выгодное положение страны в Евразийском континенте, и поэтому определяющим звеном в сотрудничестве является транспортная сфера. Что касается Казахстана, Китайская Народная Республика определяет его крупнейшим из своих торговых партнеров. В пределах Каспийского региона транзитный потенциал Казахстана является ключевым в развитии и укреплении китайской экономики.

Таким образом, отметим, что Китай имеет достаточно масштабные интересы в описанных странах Прикаспия и делает это весьма успешно. В отличие от своего главного оппонента, США, претендующего на мировое господство, Китай, являясь при этом серьезным конкурентом в возникшем геополитическом поединке, не выставляет свои права на перекраивание карты мира. Наоборот, в этом плане Китай постепенно ведет осторожную внешнюю политику, нацеленную на результат.

В основе внешней политики Китай открыто демонстрирует политику невмешательства и уважения по отношению к любой стране, независимо от ее экономики и места на политической арене. Такая тактика в ближайшем времени даст возможность Китаю распространить свое экономическое влияние в странах Прикаспия, которые имеют огромное геополитическое значение. И как следствие этого, определенно, станет укрепление позиций Китая и в иных областях, например в гуманитарной, а также в области безопасности.

Список литературы

1. Аксёнова К. И. Внешняя политика КНР: от утопии беспоплярного мира к китайской «перезагрузке» / К. И. Аксёнова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. – 2018. – № 1. – С. 22–27.
2. Бабаева З. Ш. Основные аспекты внутренней и международной стабильности развития Китая / З. Ш. Бабаева // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 10. – С. 35–38.
3. Байнова Ю. А. Роль Китая в мировой экономике / Ю. А. Байнова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 28 ноября 2018 г. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 118–121.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 2018. – 56 с.
5. Додонов В. Ю. Перспективные формы финансового сотрудничества в рамках Экономического пояса Шелкового пути. Инициатива «Один пояс и один путь»: состояние и перспективы / В. Ю. Додонов. – Алматы : Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2018. – 39 с.
6. Евсеев В. В. Китайско-иранские отношения на современном этапе / В. В. Евсеев // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/14-03-10.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 18.04.20).
7. Интересы России, США, Китая и ЕС в Каспийском регионе. – Режим доступа: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1594&type>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.04.2020).
8. Китай и Азербайджан: 20 лет отношений сотрудничества и дружбы. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/841/2012/04/03/1s421659.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 07.04.2020).
9. Литера Б. Нефть и газ Каспийского моря: состояние и перспективы / Б. Литера // Кавказ & Глобализация. – 2017. – Т. 1 (2). – С. 45–55.
10. Свешников А. А. концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А. А. Свешников. – Москва : Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. Дата обновления: 09 марта 2006. – Режим доступа: https://portalus.ru/modules/politics/rus_readme.phpsubaction=showfull&id=1141857334&archive=1397901465&start_from=&ucat=&, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 14.04.2020).
11. Шарипов У. З. Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке / У. З. Шарипов. – М. : Институт востоковедения РАН, 2013.
12. Эйвазов Дж. Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской Республики / Дж. Эйвазов. – Баку : Нурлан, 2017. – 342 с.
13. Ling Xu-Ming. (凌旭明) 南帕斯凝析油存口口口与安全影响分析 // 中国安全生口科学技口 / Ling Xu-Ming. – 2013. – 6 口.

ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Драгомир Анастасия Анатольевна, студентка
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева 20а
E-mail: nastia.dragomir@yandex.ru

Аннотация. Новый коронавирус CoViD-19, возникший в Китае и распространившийся на весь мир необратимо изменил эпидемиологическую ситуацию во многих странах, что повлекло за собой изменения в экономике и политике. В этой статье рассматривается опыт ведения политики такими державами, как Россия, Китай, Германия, Италия, Испания и США. Каково влияние вируса на их положение на мировой арене? В результате определено, что сейчас ни одно государство не показало эталонной модели поведения. Прогнозы экспертов диаметрально противоположны, среди исследователей нет единого мнения о том, какой будет мировая арена после окончания эпидемии.

Ключевые слова: политический лидер, коронавирус, CoViD-19, США, Китай, Россия, Германия, Италия, Испания, пандемия

BEHAVIOR OF MODERN POLITICAL LEADERS DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Dragomir Anastasia A., student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: nastia.dragomir@yandex.ru

Annotation. The new coronavirus CoViD-19, which originated in China and spread to the whole world, changed the epidemiological situation in many countries, which led to changes in the economy and politics. This article examines the experience of politics with powers such as Russia, China, Germany, Italy, Spain and the United States of America. What is the impact of the virus on their position on the world stage? As a result, it was determined that now no

state has shown a reference model of behavior. Expert forecasts are diametrically opposed. There is no consensus among researchers about what the world scene will be like after the epidemic ends.

Keywords: political leader, coronavirus, CoViD-19, USA, China, Russia, Germany, Italy, Spain pandemic

2020 год ознаменован огромным количеством заразившихся новым вирусом CoViD-19. Согласно актуальным данным Университета Джонса Хопкинса, диагноз подтвердился более чем у 4,2 миллионов человек по всему миру [2]. Границы между странами закрыты, люди в панике, многие лишились работы. Без сомнения, CoViD-19 затронул абсолютно все сферы человеческой жизни. Каждая отрасль претерпела изменения, к сожалению, не всегда в лучшую сторону. Существует множество версий о происхождении вируса, но одно мы знаем точно, 30 января 2020 года в связи со вспышкой эпидемии ВОЗ объявила чрезвычайную ситуацию международного значения в области здравоохранения [3]. Оценить полный масштаб изменений, которые повлекла за собой пандемия, будет возможно спустя много лет. В этой статье будет рассмотрено поведение современных политических лидеров ведущих стран мира в период с января 2020 года по начало мая 2020, а также спрогнозированы их дальнейшие взаимоотношения на мировой арене.

Чрезвычайное положение в разных странах в сочетании с глобальной ограниченностью политических процессов не может не отразиться на всей мировой политике. И дело не только в том, что официальные лица точно так же заражаются инфекцией, попадают в карантин и отменяют визиты и встречи. Пандемия может затормозить глобальные политические процессы и спровоцировать новые кризисы. Мир борется с пандемией COVID-19, но единства в этой борьбе нет: разногласия между странами никуда не исчезли, и противостояние основных игроков в мировой политике продолжается в разных формах. Запад обоснованно обвиняет Россию и Китай в проведении кампании дезинформации и пропаганды, Китай и Россия, в свою очередь, говорят о несправедливости этих обвинений [10].

Начать стоит с политики той страны, с которой началась пандемия коронавируса, с Китайской Народной Республики. «Есть признание того, что у действий Китая в этой ситуации было много недостатков – реагировали медленно, пытались скрывать и совершали другие действия, которые привели к тому, что вирус поразил Китай, а потом и весь мир. Однако, несмотря на все это, Китай начал распространять пропаганду о том, что только он начал всерьез предоставлять другим странам реальную помощь с медицинским снаряжением и средствами индивидуальной защиты, а также скоординировал подобные действия других стран. Обычно именно такую роль играли в мире США, но по различным причинам в этот раз мы задержались со всем этим» – это слова эксперта в сфере консалтинга Курта Кэмпбелла, у которого взял интервью американский журнал «Foreign Policy» [10]. Китай в лице Си Цзиньпина не

уходит в тень из-за своей вины, а наоборот пользуется ситуацией. Он выступает своеобразным аналогом США после Второй мировой войны – распространяет свое влияние через помощь пострадавшим странам. «Си Цзиньпин взял на себя лично ответственность за восстановление нормальной жизни в Китае, он публично это демонстрирует, приехав недавно в Ухань без защитной маски, и он пытается связать все будущие успехи Китая в политике с его личной властью», – заявляет Курт Кэмпбелл.

В начале пандемии коронавируса президент Соединённых Штатов Америки Дональд Трамп уверял граждан, что Америка готова справиться с этим вирусом, призывал их покупать ценные бумаги. Но когда количество заразившихся стало превышать тысячи, оптимизм поубавился [9]. Распоряжение Трампа отменить рейсы из Евросоюза вызвало еще больше критики, в первую очередь в Брюсселе. В ЕС возмутились, что президент принял это решение без каких-либо предупреждений. Это вновь указало на прохладный тон в отношениях заклятых союзников ЕС и США. При этом первоначальный указ Трампа об ограничении полетов не коснулся Великобритании – страны, где коронавирус нашли у замминистра здравоохранения. Хотя позже меры в отношении Королевства все же были введены [5].

Курт Кэмпбелл отметил, что в политической элите США нет единства относительно того, какими должны быть отношения Вашингтона и Пекина после пандемии: «Есть два видения будущих отношений США и Китая: одно – что будет откровенное противостояние и неприязнь, проявляющиеся в пропаганде, технологиях, военной сфере, и так далее. Но тут есть сложности: ни один из наших союзников не пойдет тем же путем. Они хотели бы вместе с нами занимать твердую позицию в отношении Китая на мировой арене, но никто из них не готов к реальной «холодной войне» с Пекином. Другая точка зрения – «мы готовы конкурировать, но не до смерти, и есть сферы, где если не прямое сотрудничество, то координация необходимы». Если нам придется вакцинировать весь мир, то это потребует выдающихся возможностей, достичь которых можно только при сотрудничестве США и Китая, точно так же, как США и СССР сотрудничали для того, чтобы победить распространение болезней, даже на пике «холодной войны» [10].

Что касается России, пик эпидемии еще не пройден, по мнению многих экспертов [11]. И нашей стране возможно придется пройти через всё то, что проходят Европа и США. Авторитет президента Владимира Путина. Из-за CoViD-19, у Владимира Путина сорвались два важнейших события в этом году – всенародное голосование по поправкам в конституцию, намеченное на 22 апреля, и масштабное празднование Дня победы 9 мая, куда были приглашены многие мировые лидеры, в том числе президент Трамп и Си Цзиньпин, и которое должно было сыграть цементирующую роль в его укреплении своего образа «отца нации» [10]. Как в Америке действия и решения президента Дональда Трампа могут отразиться на его переизбрании на выборах в ноябре 2020 года, так и в России дей-

ствия Владимира Путина могут отразиться на решении электората на Общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию. Эти поправки крайне важны для российской элиты, потому что Владимир Путин потенциально сможет править до 2036 года.

Пандемия способствует падению роли США прежде всего на уровне политической психологии», – заявил сенатор Совета Федерации Алексей Пушков.

Ведущая страна мира, как отметил он, не может проигрывать войну с вирусом и допускать такого количества смертей и заражений. Это убивает образ «всемогущей Америки». Он считает, мир станет не просто многополярным, у нового мира будут три вершины: США, Россия и Китай. Причем в этом треугольнике две вершины — Россия и Китай ближе друг к другу, чем к третьей – США. Он подытожил, что глобальный мир не исчезнет, но значительно изменится после пандемии.

А как повлиял коронавирус на Германию? Германия относится к странам с наибольшим количеством заразившихся. Каждый день Институт Роберта Коха, входящий в структуру минздрава Германии, публикует данные о распространении в стране коронавируса COVID-19 [1]. Сообщения о первых жертвах нового заболевания появились 9 марта. Через две недели по всей стране было принято решение закрыть детские сады, школы и высшие учебные заведения. Запретили проведение всех массовых мероприятий, перестали работать музеи, бары, рестораны, кафе, клубы, театры, библиотеки, бассейны, салоны красоты и фитнес-центры. Сотрудников компаний по возможности перевели на удалённую работу.

В специальном телеобращении к нации канцлер Германии Ангела Меркель заявила: «Ситуация серьезная. Отнеситесь и вы к этому серьезно. С момента объединения Германии, нет, со времен Второй мировой войны наша страна не стояла перед вызовами, требующими таких сплоченных и солидарных действий». Ангела Меркель подала настоящий пример для всех жителей Германии. Она контактировала с врачом, у которого позже обнаружили коронавирус. И она сделала самое верное решение – ушла на карантин. Хотя её результат на этот вирус оказался отрицательным, она продолжила руководить страной из дома, так как она может быть носителем [7].

В целом немецкий карантин куда более мягкий, чем итальянский или испанский, о чем власти ФРГ постоянно напоминают своим гражданам. Так, немцам можно не только ходить на работу, в магазины и аптеки, выносить мусор, но и заниматься спортом, гулять, однако общественные места можно посещать только по одному или парой. Хотя страны Европы находятся в непосредственной близости, реакция властей и карантинные меры очень сильно могут отличаться. Например, в соседней для Германии Италии был введен жесткий карантин, людям было разрешено выходить из дома по одному и только за продуктами или в аптеку. По данным на 1 апреля, в Италии зараженных больше 105 тыс. человек, еще 12,4 тыс.

скончались, в Испании заражены 94 тыс. человек, 8,2 тыс. человек стали жертвами коронавируса CoViD-19. В Германии уровень смертности один из самых низких – 1,03 %. Для сравнения: в Италии этот показатель – 11,8 %, в Испании – 8,7 % [7].

Любой мировой лидер строит определенные планы либо на своё переизбрание и укрепление позиций, либо пытаются завершить свою карьеру объективно достойно. Но CoViD-19 изменил позиционирование некоторых политиков, что повлияет на отношение избирателей к ним. Например, последние несколько лет мы наблюдали, как политическая карьера канцлера Германии Ангелы Меркель шла на спад, в 2018 году она объявила, что в 2020 году не будет баллотироваться на пост немецкого канцлера. В Христианско-демократическом союзе готовился преемник Ангелы Меркель. Но рейтинг одобрения канцлера ФРГ с марта вырос на целых 11 %, теперь одобряемость Ангелы Меркель равна 79 % [6]. Ангела Меркель создала удачный имидж во время эпидемии, помог ей в этом директор Института вирусологии при берлинской больнице Шарите Кристиан Дростен. Кстати, в этом институте вирусологии начали разрабатывать тесты на коронавирус в январе 2020, когда, по официальным данным, не было еще ни одного заразившегося коронавирусом в Германии. Собственно, этот институт в январе 2020 разработал тесты на CoViD-19, что показало серьезную озабоченность Германии этим вопросом [12]. Таким образом, политический лидер Германии Ангела Меркель усилила свои позиции в роли главы государства, её поддержка населением возросла в разы. А Германия справляется с коронавирусом довольно демократичным путем, по минимуму ограничивая права и свободы граждан.

В соседней Франции президент Эммануэль Макрон также повысил свои рейтинги, хотя там введены одни из самых жестких ограничительных мер. В последние несколько лет его одобряемость населением снизилась. На это повлияли множественные протесты, которые происходили по всей Франции из-за роста цен на бензин в конце 2018 год. Тогда его рейтинг одобрения упал до 25 %. А в декабре 2019 по Франции прошла новая волна протестов. На этот раз рейтинг Эммануэля Макрона пострадал из-за пенсионной реформы [12]. Но ситуация с коронавирусом изменила его положение в стране. Это случилось, потому что он приостановил реформы в государстве, включая пенсионную реформу. Хотя из-за введенного режима чрезвычайной ситуации во Франции, эту реформу могли провести, но Эммануэль Макрон решил все силы пустить на решение проблем, которые за собой повлекла пандемия коронавируса. Такие действия положительно отразились на его рейтинге.

Что касается самой маленькой по площади страны, среди рассматриваемых, – Италии, то там ситуация обстоит еще интересней. За эпидемиологической ситуацией в Италии следили из каждого уголка мира, многих шокировали кадры с абсолютно пустыми улицами, на которых были только военные. На тот момент в правительстве Италии была нелёгкая ситуация,

правлящая коалиция была сформирована в сентябре двумя соперниками: «Движением пяти звезд» и Демократической партией. Помимо этого нужно отметить, что местные власти наиболее задетого CoViD-19 региона Ломбардии сопротивлялись введению жесткого карантина, но Джузеппе Конте всё-таки смог ввести суровые меры на территории всего государства. С 2018 года его рейтинг впервые возрос до 71 %, а его работу во время кризиса, вызванного пандемией поддерживают около 60 % итальянцев [12].

Седьмым лидером, описанным в данной статье, станет премьер-министр Великобритании Борис Джонсон. Должность премьер-министра он занимает с июля 2019 года. В целом, в Великобритании у лидеров совершенно невысокий уровень одобряемости. Борис Джонс стал на 5 % популярнее, и его рейтинг вырос до 52 % в марте, а в апреле снова снизился. Но Тереза Мэй еще на ступень ниже в этом списке. Действия Бориса Джонса чаще подвергались критике. Его первоначальный путь ведения политики был очень демократичным. Возможно, Джонс не хотел вредить экономике и наводить панику в Великобритании, поэтому 12 марта 2019 года заявил, что стратегия Великобритании отличается от европейской, что он не хочет закрывать все учебные заведения, не хочет отгораживать людей от спорта. По сути он просто посоветовал старшему поколению сидеть дома. Карантин в Великобритании ввели только 24 марта. Немного лояльности со стороны населения ему дало то, что он лично переболел коронавирусом CoViD-19. Пандемия коронавируса выявила пробелы в системе здравоохранения Великобритании, которые не замечались из-за озабоченности правительства вопросами Brexit [12].

Стоит отметить, что не только приведенные выше лидеры изменили отношение к себе и повысили в какой-то степени уровень одобрения. Вот кого еще можно внести в этот список: канцлера Австрии Себастьяна Курца, чей рейтинг повысился более чем на 30 %; премьер-министра Дании Метте Фредериксен повысил свой рейтинг на 40 %; а у Марка Рютте премьер-министра Нидерландов на 30 %. Чем же они это заслужили? Пандемия коронавируса выступила отличным поводом для громких речей, которые были необходимы обществу в тот момент. Населению нужна была поддержка, а политические лидеры её им дали. Также общество считает глав государств ответственным за решение проблем и любые действия, направленные в эту сторону, могут помочь политическому лидеру улучшить отношение к себе. Средства массовой информации стараются не усугублять настроение общества, оппозиция тоже сейчас не так активно противостоит действующей власти, потому что есть более серьезные проблемы. Сейчас мы не знаем, когда закончится мировая эпидемия CoViD-19, и будет ли вторая волна заболеваемости из-за снижения ограничительных мер, никто не может сказать с уверенностью. Но можно предположить, что поддержка политических лидеров населением сильно угаснет. Формула проста, когда по всему миру умирают люди от неизведанного вируса, от политического

лидера требуется: успокоить своих граждан, показать свою готовность государства противостоять вирусу и защитить людей, бросить на это все силы. Но, как только эпидемиологическая ситуация в мире улучшится, станет более заметен финансовый кризис. В бюджетах практически всех стран появились огромные дыры: многие производства приостановили работу на период карантина, а бюджетные деньги ушли на выплаты гражданам и здравоохранение. Когда случится осознание всех после карантинных проблем, общество станет предъявлять претензии и требования к государству. В этот же момент оппозиция снова активизируется и многие политические лидеры не смогут справиться с этим напряжением, соответственно их рейтинг и их одобрение населением может очень сильно упасть [12].

Отношение населения к политическим лидерам кардинально разное не только в странах мира, но и в небольшой по территории Европе. В Германии канцлер Ангела Меркель повысила рейтинги из-за нежесткого карантина, а в Италии премьер-министр Джузеппе Конте и президент Франции Эммануэль Макрон повысили рейтинги противоположным путем – жесткими мерами ограничения передвижения людей. А вот рейтинг одобрения Владимира Путина в России при том, что режим ЧС в РФ введен не был, упал на 10 % [8].

Мы выяснили, что, на данный момент, мнения по поводу будущего мировой расстановки сил сильно разнятся. Лекарство от коронавируса CoViD-19 не найдено и достоверных данных о том, когда человечество справится с этим вирусом тоже нет. Все страны мира борются не только с вирусом, но и с его последствиями в облике кризиса. Хоть и отношения между государствами-лидерами накалены в экономическом плане, с точки зрения гуманитарной помощи, они друг другу помогают. Вполне возможно, что расстановка сил не поменяется и США по-прежнему будут на первом месте, но нельзя отрицать возможность перемен мест на мировой арене. Логичным будет считать, что быстрее оправятся от потрясения именно те страны, которые либо меньше пострадали от коронавируса, либо быстрее вышли из карантина и восстановили полноценную работу государства.

Список литературы

1. Archiv der Situationsberichte des Robert Koch-Instituts zu COVID-19 (ab 04.03.2020). – Режим доступа: https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges_Coronavirus/Situationsberichte/Archiv.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем. (дата обращения: 19.05.2020).
2. Coronavirus disease 2019 (COVID-19). – Режим доступа: <https://bestpractice.bmj.com/topics/en-gb/3000168>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 09.05.2020).
3. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. – Режим доступа: <https://www.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 10.05.2020).

4. Nicholas J. Beeching. Robert Fowler. COVID-19. BMJ / Nicholas J. Beeching, Tom E. Fletcher, Robert Fowler. Best Practices. – BMJ Publishing Group. – Режим доступа: <https://bestpractice.bmj.com/topics/en-gb/3000168>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 10.05.2020).

5. Times: замминистра здравоохранения Великобритании инфицирована коронавирусом. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7943281>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 10.05.2020).

6. «Поверьте, она идеальна»: Меркель набрала политические очки в период пандемии – Режим доступа: <https://argumenti.ru/world/2020/05/665212>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 20.05.2020).

7. Бронебойный порядок: почему в Германии удаётся сдерживать пандемию. В стране от коронавируса умирают гораздо меньше, чем в других уголках Европы. – Режим доступа: <https://iz.ru/994440/kseniia-loginova/broneboinyi-poriadok-pochemu-v-germanii-udaetsia-sderzhivat-pandemiiu>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 19.05.2020).

8. Коронавирус в России: ожидание масочного режима в Москве и обвал рейтинга Путина. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-52556654>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 21.05.2020).

9. Коронавирус влияет не только на экономику, но и на мировую политику. Объясняем почему. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7968279>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 11.05.2020).

10. Мировая политика после пандемии COVID-19: США, Китай и Россия. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/experts-on-world-powers-competition-after-coronavirus/5379581.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 09.05.2020).

11. Пик эпидемии в России придется на середину мая. Но тестирование нужно расширять и улучшать – иначе на этом пике можно застрять на несколько месяцев. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/04/30/pik-epidemii-v-rossii-prividetsya-na-seredinu-maya-no-testirovanie-nuzhno-rasshiryat-i-uluchshat-inache-na-nem-mozhno-zastryat-na-neskolko-mesyatsev>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 14.05.2020).

12. Сияют в кризис: почему растут рейтинги лидеров Европы. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2020/04/30_a_13068211.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 20.05.2020).

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Айрапетян Арман Валерьевич, студент
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mai: arman_air26@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает европейский миграционный кризис с позиций представителей ведущих политических элит Германии и Франции. Проведен сравнительный анализ действия немецких и французских элит в борьбе с миграционной проблемой. В статье рассматриваются мнения наиболее влиятельных немецких и французских политических деятелей. Объектом исследования выступает миграционный кризис в Европе, предметом исследования являются позиции политических элит Германии и Франции касательно миграционной проблемы. Целью данной статьи является анализ позиций, действий и ошибок правящих политических элит европейских стран.

Ключевые слова: элита, миграция, кризис, Европа, угрозы, конфликты

MIGRATION CRISIS FROM THE POINT OF VIEW OF LEADING EUROPEAN ELITES

Ayrapetyan Arman V., student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mai: arman_air26@mail.ru

Annotation. In the article the author considers the European migration crisis from the positions of the leading political elites of Germany and France. A comparative analysis of the action of German and French elites in combating the migration problem is made. The article considers opinions of the most influential German and French political figures. The object of the research is the migration crisis in Europe; the subject of the research is the positions of the political elites of Germany and France regarding the migration problem. The aim of this article is to analyze the positions, actions and mistakes of the ruling political elites of the European countries.

Keywords: elite, migration, crisis, Europe, threats, conflicts

Активизация миграционных процессов – неотъемлемая часть современного мира. Но события, произошедшие в Европе в 2015 году, получили рекордные масштабы. Последние прецеденты подобных массовых миграций были только во времена Второй мировой войны.

2015-й год прошел достаточно тяжело для Европейского Союза, начавшись с террористических актов, а закончив возникновением миграционного кризиса, вызванного резким увеличением миграционных потоков, к которым страны были не готовы. Некомпетентные действия правительств, бросивших свои силы на решение таких краткосрочных проблем, как размещение мигрантов и борьба с контрабандистами, перевозившими беженцев через Средиземное море, привели к тому, что Европа потеряла возможность предотвратить миграционный кризис непосредственно в самом его начале. Сосредоточившись на поверхностных проблемах Европа, не смогла вовремя оценить масштабы миграционной проблемы, разработать подробный план действий по его урегулированию, разделить конкретные задачи между странами – участниками союза, наладить институты Евросоюза. Вместо этого страны только пустились в разногласия начнут распределения ответственности за прием многочисленных мигрантов, особенно острые разногласия касались финансовой стороны.

Как мы видим, одна из основных причин миграционного кризиса в Европе – это неспособность политических элит Европейского союза договориться между собой.

Но вернемся к первостепенным причинам кризиса. Почему миграционные потоки в таких масштабах направились именно в страны Европы, а не в США, Канаду или Россию?

Первое, что приходит на ум, – это географическая близость стран, но причина кроется не только в этом. В современных условиях Европа является землей обетованной для беженцев, каковой являлись Соединенные Штаты Америки в годы второй мировой войны, с одной лишь разницей, попасть в США было задачей не из легких, что не скажешь про Евросоюз. Дело в том, что Европа играет роль оплота демократии в современном мире, что напрямую отражается и на миграционном законодательстве стран – участниц союза.

Прежде чем перейти к анализу позиций европейских элит касательно миграционной проблемы, уточним, что именно будет подразумеваться под термином «элита». Элита – это совокупность наиболее влиятельных и могущественных людей, влияющих на ситуацию в стране и в мире. Таким образом, речь пойдет о позициях и действиях правящей верхушки Европейских стран: глав государств, министров, представителей наиболее влиятельных политических партий в регионе.

Правящие элиты Европейских стран ведут демократическую и сравнительно открытую миграционную политику уже со второй половины двадцатого века, а, приняв форму союза, начинают проводить целенаправленную политику мультикультурализма, суть которой в толерантном отношении к иностранцам, а основной задачей является построение интегрированного общества с исключением возможности конфликта между мигрантами и коренным населением. Данная политика была интересна политическим элитам в первую очередь из-за притока дешевой рабочей силы, она должна

была помочь обеспечить мирное проживание мигрантов в стране и предоставить им все условия для поддержания национальной самобытности. И как следствие, политика мультикультурализма стала базой миграционных законодательств стран – участниц Евросоюза [9].

Однако такая демократичность миграционного законодательства устраивала население лишь до того, как они столкнулись с реальными последствиями массовой миграции. Местное население стало негативно реагировать на неудобства, вызванные новыми жителями, что в свою очередь стало вызывать реакцию и в политических элитах, опасаящихся на этом фоне потери избирателей.

Разберем подробно ситуации в двух ведущих странах Европы: Германии и Франции.

Германия с притоком массового числа беженцев столкнулась с большим количеством проблем, поэтому для немецких политических элит приоритетной задачей особой важности становится решение этих самых проблем, в том числе: прием беженцев, обеспечение их всем необходимым, организация социальных пособий, пропорциональное размещение их по всем землям германской нации. Но при этом Германии как одной из ведущих стран Европы взять под контроль и другие проблемы, которые также попадают под удар в сложившейся ситуации: сохранение стабильности и открытости границ между странами Шенгенского договора, соблюдение Дублинских соглашений и системы квотирования.

Но ситуацию осложняет и фактор адаптации беженцев на новой земле. Большинство мигрантов исповедуют Ислам – религию чуждую для коренного немецкого населения. Разница в менталитете и порядках вызывает осложнение в мирном проживании местного и приезжего населения. Так должны ли немцы мириться с неудобствами из гуманных соображений или взбунтоваться и потребовать нормализовать миграционную ситуацию в стране?

Одновременно с тем, как лидер страны Ангела Меркель заявляет в новогоднем обращении к народу: «Мы справимся с этим», население не собирается единодушно соглашаться с выбранным курсом своего государства. Также стоит отметить, что обращение Ангелы Меркель к народу впервые было транслировано не только на немецком и английском языках, но и на арабском. Данное новаторство также получило неоднозначную реакцию у коренного населения.

Пока Ангела Меркель придерживается максимально лояльной и «гостеприимной» позиции по отношению к мигрантам, которая отражается во всех ее официальных заявлениях, народ начинает все активнее проявлять свое недовольство, что также и переходит на политические силы ФРГ. Партии левого и правого фронта, чиновники в земельных и федеральных правительствах начинают требовать поддержать права местного населения на комфортную и безопасную жизнь, изменив миграционное законодательство в связи с текущими событиями. За первые полгода, прошедшие с начала

событий, которые каждый день освещались в Европейских газетах под названием «Миграционный кризис», мигранты в глазах жителей из бедных жертв войны превратились в угрозу. Отсутствие же решительных действия со стороны правящих элит Германии только увеличивает недовольство в стране.

Разногласие по данной тематике вызывает раскол и в самих политических элитах. Так, руководитель Свободной Демократической партии Германии Кристиан Линдер обвиняет канцлера Германии в неправильной миграционной политике, бездействии и отсутствии какой-либо существенной реакции на требования населения страны [1]. Вхождение данной партии в коалицию с Христианским Демократическим Союзом Германии – партией Ангелы Меркель, никак не отражается на критике, исходящей от Линдера и других союзных политиков. Так пока канцлер пытается найти способы принятия и интеграции беженцев в немецкое общество, лидер Христианского – Социального Союза Хорст Зеехофер требует ограничить число принимаемых мигрантов до 200 тысяч человек – максимально допустимое число, которое Германия способна безопасно принять для немецкого населения [3]. Впервые раскол прошел внутри самой партии ХДС/ХСС. Члены партии уже не уверены, что ФРГ способна справиться с таким числом беженцев и многие видные политики начинают поддерживать Хорста Зеехофера, в том числе премьер-министр Саксонии – Анхальт Райнер Хазеллофф – член партии ХДС.

С критикой миграционной ситуации в стране и действий канцлера выступают и видные политики, занимающие высокие посты в правительстве. Глава министерства внутренних дел – Томас де Мезьер несколько раз выступал с заявлениями, что ресурсы Германии не носят неограниченный характер, и у нее не хватит ресурсов на перевоз семей сирийских беженцев, поэтому программа «воссоединения семей», упоминавшаяся неоднократно в речах канцлера, не может быть возможной [2].

С неожиданной критикой выступил и министр финансов ФРГ Вольфганг Шойбле. Он считает, что миграционный кризис приобрел невероятные масштабы и вышел из под какого-либо контроля, и в сложившейся ситуации Германия не справится с ним в одиночку [7].

До событий 2015-го года ни население, ни представители политических элит не сомневались в правильности действия главы правительства Германии, однако на этот раз мнения о том, что канцлер не учитывает интересы представленных в Бундестаге партий, становится все более популярным. Осуждение происходит как от избирателей, так и от соратников канцлера.

Недовольство народа позиции правительства касательно миграционной ситуации вызвало изменение и в составе политических элит Германии. Если до этого правые и ультраправые партии не пользовались особой популярностью в стране, то после начала миграционного кризиса ситуация изменилась. Так, в 2013 году партия «Альтернатива для Германии» не набрала пятипроцентного проходного порога на выборах в Бундестаг, но уже в 2017 году

партия провела успешную предвыборную кампанию. Удалось им это за счет критики бездействия правительства касательно миграционной проблемы, в частности исламского населения страны, обещая при этом поспособствовать принятию мер для восстановления комфортной жизни коренного населения ФРГ, на которые предыдущее правительство никак не решалось. Это помогло им набрать 12,6 % балла и получить 94 места в Бундестаге, тем самым добившись крупнейшего успеха со времен основания партии [5].

Но нельзя сказать, что Ангела Меркель наблюдала за недовольствами населения и продолжала поддерживать свой курс, никак не реагируя на критику. Напряженная обстановка в стране, усугубившаяся массовыми изнасилованиями немецких девушек мигрантами в городе Кельн [4], просто не могла не заставить канцлера предпринять какие-либо меры. В связи с этим Ангела Меркель признала необходимость ужесточения миграционных законов, заявив, что правительство начнет незамедлительно готовить новую миграционную реформу, заключающуюся в упрощении депортации мигрантов. Однако, несмотря на видимую жестокость заявлений, канцлер вновь сделала акцент на толерантности, недопустимости закрытия границ и ограничения квот.

Несмотря на то, что процесс подготовки затянулся на длительное время, когда население и оппозиционные политики уже окрестили обещание канцлера ложью, реформа увидела свет. В июне 2019 года Бундесрат Германии одобрил пакет миграционных законов об ужесточении правил депортации и лишения немецкого гражданства. Нельзя сказать, что данный шаг стал поворотным моментом в борьбе с миграционной проблемой или нормализовал падающие рейтинги канцлера Германии и отношение к ней у коренного населения. Но данный шаг – это показатель недовольства поведением мигрантов на законодательном уровне.

Таким образом, подведем небольшой вывод по позициям политических элит Германии касательно миграционной проблемы. Канцлер Германии держит толерантный курс решения миграционной проблемы, что вызывает бурные недовольства у населения страны и активизирует правые и ультраправые движения. Представители политических элит как союзных канцлеру партий, так и оппозиционных ратуют за ужесточение миграционных законов и права коренного немецкого населения. Позиции Ангелы Меркель в рейтингах популярности у народа падают. Канцлер находится в достаточно сложной ситуации, придерживаясь «гостеприимной» политики, Ангела сталкивается с критикой немецкого населения, но в случае с отказом от этих самых принципов, она рискует направить к себе критику мирового сообщества в целом. Но мы не можем сказать, что с 2015-го года правительство Германии ничего не приняло для нормализации совместного проживания мигрантов и коренных немцев. Приняты законы, ведутся активные диалоги на данную тему, без которых редко обходятся заседания правительства. Поэтому мы можем сказать, что Ангела Меркель на данном

этапе пытается угодить коренному населению, при этом стараясь не вызывать теперь массовых недовольств у мигрантов и мирового сообщества.

Перейдем теперь к ситуации во Франции.

Сразу стоит отметить важнейшее отличие, притоки мигрантов во Францию значительно меньше, чем в Германию и страны Скандинавии. И этому есть несколько причин. Законодательство во Франции несколько менее «гостеприимно» по сравнению с вышеупомянутыми странами. Это касается в первую очередь четкого трудового кодекса, в связи с этим фирмам очень трудно взять работника на неофициальную зарплату. Это отражается на безработице среди мигрантов, среди иностранных трудящихся она занимает 16 %, то есть мигранты, приезжая во Францию, понимают, что могут остаться без какой-либо работы в отличие от Германии или Великобритании, где неофициальную работу найти гораздо легче.

Но тем не менее, миграционный кризис с самого начала тяжело ударил по Франции, начавшись с событий, которые способствовали тому, что население и политические элиты стали менее расположены к принятию мигрантов с самого начала. Речь идет об активизации террористической деятельности на территории страны, которая началась одновременно с повышением миграционных потоков. Только за 2015-й год произошло три крупных теракта во Франции. Это связано с тем, что радикальные исламисты используют миграционные каналы для внедрения боевиков на европейские территории.

Перейдя к обзору позиций политических элит Франции, стоит отметить, что после теракта 13 ноября 2015-го года Французские правящие элиты стали активнее друг друга ратовать за необходимость принятия мер по урегулированию миграционных потоков. Они одни из первых заявили о невозможности победить проблему одиночными силами и необходимости перейти к четким совместным действиям борьбы. Главной мерой должно стать ужесточение контроля общеевропейских границ, что означает более тщательную проверку всех въезжающих на территории Евросоюза, надзор над нелегальным провозом мигрантов, введение переговоров с Турцией по вопросу беженцев. Но одновременно с этим Франция придерживается поддержания базовых европейских ценностей, несмотря на случившийся кризис. Французское правительство заняло особую позицию касательно сохранения внутренних границ Евросоюза и свободы перемещения, выступив резко против восстановления внутренних границ в ЕС, ссылаясь на то, что Шенгенское соглашение – это основа существования Европейского Союза [6].

Четкую позицию по миграционному вопросу обозначил новый лидер страны Эммануэль Макрон. Во время предвыборной гонки программа Макрона касательно мигрантов казалась менее суровой по сравнению с конкурентами. Но уже за первый год у власти новый президент показал четко всю серьезность своих намерений по этому вопросу. Макрон не раз заявлял, что Франция не будет содержать тех, кому на ее территории нахо-

дится не положено. В связи с этим с начала его правления увеличились «зачистки» лагерей беженцев – это десятки и сотни палаток, поставленных прямо на земле и сбившихся в кучу. Полиция разрушает данные конструкции, а всех беженцев, находящихся там отправляет в полицейский участок с целью проверки документов [8].

Особенно суровым шагом стало то, что МВД страны получило приказ о проверке документов у людей, получивших укрытие в центре экстренного размещения бездомных. Данное решение было раскритиковано в СМИ.

Подводя итоги по Французской позиции, можем сказать, что позиции французских политических элит с самого начала событий более четкая, жесткая и эффективная, в связи с тем, что потери мирного населения во время террористических актов повлияли на общественное мнение, направив его против мигрантов. Французские элиты ведут активную борьбу с нелегальной миграцией внутри страны и всячески способствуют консолидации ведущих европейских элит в борьбе с миграционной проблемой.

Перейдем к подведению итогов исследования. Обозначим основные ошибки в действиях европейских правящих элит в решении миграционной проблемы:

- разобщенность в действиях на первом этапе наступления кризиса. Во время первоначальной фазы, правящие элиты Европы были сконцентрированы на решении проблемы исключительно в рамках своей страны. Отсутствовал единый механизм принятия решений по проблеме во всем регионе. Правительства уделяли внимание локальным проблемам, обращая меньшее внимание на более глобальные угрозы, для решения которых необходимо было подключить совместные силы. Более существенные совместные меры начали приниматься к концу 2015-го года и началу 2016-го, когда правительства убедились, что собственными силами проблему не решить;

- направленность действия правительств на решение поверхностных задач для наведения временного порядка в стране (размещение беженцев, обеспечение их всем необходимым и др.), а не ключевых, решение которых могло бы приостановить миграционные потоки (повышенный контроль границ и др.);

- излишняя демократичность миграционных законодательств.

Что касается разности позиций правительств Германии и Франции, то здесь наблюдается существенная разница. Точка зрения французских политических элит носит более суровый характер и более эффективный, и сталкивается с меньшей критикой, чем позиция Германии. Если вторую часто обвиняют в мягкости по отношению к беженцам, то первую нередко обвиняют и в жестокости. Тут встает вопрос, на чьи интересы опираться главе государства, ведь в данной ситуации лидер в ответе и за коренное население, и за вновь прибывшее. Мы можем сделать вывод, что необходимо придерживаться позиции середины пути, позиции компромиссов, стараясь, не ущемлять права не одной из сторон внутреннего конфликта.

Но если спорные ситуации возникают, для поддержания рейтингов позиции коренного населения должны быть у лидера в приоритете.

В заключение, стоит упомянуть, что даже в 2020 году нельзя говорить о выходе стран из миграционного кризиса. Проблема мигрантов до сих пор является ключевой в повестке дня европейских правительств. Мы наблюдаем тенденции ужесточения миграционных законодательств и позиций правительств, которые по предварительному прогнозу будут продолжаться до окончательного решения данной проблемы.

Список литературы

1. Gabriel S. Die gegenseitige Erpressung ist unwürdig / S. Gabriel // SPD. – 30.10.2015. – Режим доступа: https://www3.spd.de/aktuelles/130982/20151030_gabriel_streit_in_union.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

2. Kammholz K. Ohne Familiennachzug wird Integration schwierig / K. Kammholz // Die Welt. – 11.11.2015 – Режим доступа: <http://www.wlt.de/politik/deutschland/article148726595/Ohne-Familiennachzug-wird-Integration-schwierig.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

3. Seehofers // Bild. – 05.01.2016. – Режим доступа: <http://www.bild.de/news/standards/ernst-elitz/seehofers-200000-44016150.bild.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

4. Schonmehrals 500 Anzeigen bei der Polizei eingegangen // Kölner Stadt-Anzeiger. 10.01.2016. – Режим доступа: <http://www.ksta.de/politik/sexuelle-uebergriffe-inder-silvesternachtschon-mehr-als-500-anzeigen-bei-der-polizei-eingegangen,15187246,33491930.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

5. Von Matthias Kolb. Süddeutsche Zeitung. AfD bei Bundestagswahl: sechs Grafiken, die den Erfolg der AfD erklären / Von Matthias Kolb. – 25.09.2017.

6. Зверева Т. В. Франция и урегулирование миграционного кризиса в ЕС / Т. В. Зверева // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. – М. : ИМЭМО РАН, 2016. – С. 234–244.

7. Мельникова К. Канцлер под ударом / К. Мельникова // Lenta.ru. – 27.11.2015. – Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2015/11/27/merkel_problems/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

8. Саркисян Ж. М. Московский экономический журнал / Ж. М. Саркисян // Современные миграционные тенденции во Франции. – М., 2019. – № 3. – С. 24.

9. Сахарова В. В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада / В. В. Сахарова. – М., 2015. – С. 227.

ЖЕМЧУЖИНА В ТЕОРИИ РУССКОГО ПРАВА

Подвойский Леонид Яковлевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии

Астраханский государственный университет

414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: leonid.podv@gmail.com

Аннотация. В статье дан краткий анализ работы российского юриста Б.А. Кистяковского «В защиту права» в контексте тех задач и проблем, которые стоят в XXI веке перед российским обществом и российской философско-правовой наукой. Обращено внимание на то, что проблема правосознания в плане его формирования и проблема правовой культуры в целом так же актуальны, как и в начале XX века, когда была написана анализируемая статья. Подчеркивается, что наиболее ярко проблема правового нигилизма проявляется при рассмотрении поведения современной молодежи. Именно к ней должны быть предъявлены повышенные требования в отношении понятия правосознания и соблюдения правовых норм.

Ключевые слова: право, правосознание, свобода, личность, ценности, правовая культура, правовые нормы, выборы, правовой нигилизм, абсентеизм

A PEARL IN THE THEORY OF RUSSIAN LAW

Podvoisky Leonid Ya., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Philosophy

Astrakhan State University

20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation,

E-mail: leonid.podv@gmail.com

Annotation. The article gives a brief analysis of the work “In Defense of Law” by the Russian lawyer B.A. Kistyakovsky in the context of tasks and problems that confront Russian society and Russian philosophical and legal science in the 21st century. Attention is drawn to the fact that the problem of legal consciousness in terms of its formation and the problem of legal culture as a whole are just as relevant as at the beginning of the 20th century when the article under analysis was written. It is emphasized that the problem of legal

nihilism is most clearly manifested when considering the behavior of modern youth. It is to the youth that increased requirements should be presented with respect to the concept of legal awareness and compliance with legal norms.

Keywords: law, legal consciousness, freedom, personality, values, legal culture, legal norms, elections, legal nihilism, absenteeism

Слова, вынесенные нами в заглавие статьи, принадлежат советскому и российскому юристу, доктору юридических наук, профессору, лауреату Государственной премии СССР, заслуженному юристу Российской Федерации, народному депутату СССР, одному из авторов Конституции РФ Александру Максимовичу Яковлеву (1927–2011). Это мнение известного юриста о статье Богдана (Федора) Александровича Кистяковского (1868–1920) «В защиту права» (Интеллигенция и правосознание).

По мнению русского писателя Кормера В.Ф., «проблема интеллигенции – ключевая в русской истории. В начале века, преодолевая привычное народопоклонство, русское общество стало как будто осознавать это. Бесспорно, что осознание это достигло высшей точки в сборнике «Вехи», значение и влияние которых именно благодаря выбору такой темы – сборник статей о русской интеллигенции, – за пределы этой темы выходит, выходит за пределы эффекта, произведенного сенсационным когда-то бестселлером» [3].

Мы попытаемся проделать краткий анализ взглядов Б.А. Кистяковского в контексте современного состояния правосознания в нашей стране, выйдя за пределы правосознания только интеллигенции, уделив особенное внимание молодежи.

В начале 1990-х годов Россия выбрала путь прогрессивного развития общества, всех сфер его жизнедеятельности, в том числе правовой. Осуществление процессов демократической трансформации общества, эффективная реализация закрепленных в Конституции целей развития России, становление новой политико-правовой системы, гражданского общества и правового государства предполагают значительную работу по повышению уровня правовой культуры населения нашей страны.

Известно, что понятие правосознания обозначает сферу общественного, группового и индивидуального сознания, отражающую правозначимые явления и обусловленную правозначимыми ценностями, представлениями о должном правопорядке. Правовое сознание дает представление о духовных ценностях личности и общества с субъективной стороны. Оно выражается в чувствах, представлениях, идеях. Будучи элементом системы правового воздействия на общественные отношения, правосознание тесно связано с правовой культурой, которая в значительной степени характеризует правовую систему страны. При анализе правовой культуры общества изучают правовые феномены, описывают и приводят объяснения ценностей, идеалов и достижений в правовой сфере, которые отражают объем прав и свобод человека, степень их гарантированности государством

и обществом. Речь идет о качестве правовой жизни общества, о наличии или отсутствии в нем правовой личности, знающей, понимающей и соблюдающей свои права и обязанности.

К сожалению, правовая культура населения в нашей стране пока еще довольно низка и не отвечает современным требованиям. Даже законопослушные граждане не всегда склонны считаться с законами, что порой приводит к неэффективности действия апробированных мировой практикой правовых норм.

В ряду отечественных мыслителей, внесших большой вклад в теоретическую проработку указанных проблем, видное место занимает и Б.А. Кистяковский. Богдан (Федор) Александрович Кистяковский (1868–1920) – юрист и социолог, считал себя приверженцем «научно-философского идеализма», который он противопоставлял «религиозно-мистическому направлению» русской философии, а также выдающийся русский правовед и один из авторов сборника «Вехи» (1909), в котором и была опубликована его статья «В защиту права» (Интеллигенция и правосознание).

По мнению известного юриста А. Яковлева, эта статья Богдана Кистяковского – одна из жемчужин в кратком, но плодотворном опыте теории русского права. Написанная первоклассным юристом, статья эта выходит далеко за рамки узкоправовой тематики, это горький вывод о самих основах русской политической жизни накануне революции. А. Яковлев подчеркивает, что сегодня эта статья предстает уже не только своеобразным «правовым приговором» русской интеллигенции, правосознание которой «никогда не было охвачено всецело идеями прав личности и правового государства». Эта статья является одновременно обращением к нам: идеи прав человека, идеи свободы и демократии не только не стареют, не умирают, если еще не воплощены в жизнь, а напротив, как никогда живы и актуальны [9, с. 2].

Б.А. Кистяковский приводит слова А.И. Герцена из его работы «О развитии революционных идей в России» (1850): «Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство». Дав такую безотрадную характеристику нашей правовой неорганизованности, сам Герцен, однако, как настоящий русский интеллигент, прибавляет: «Это тяжело и печально сейчас, но для будущего это – огромное преимущество» [2, с. 124].

Б.А. Кистяковский, однако, решительно не согласен с А.И. Герценом в том, что отсутствие у нас прочного правопорядка есть некоторое наше преимущество. Он констатирует, что «надо признать общим свойством всей нашей интеллигенции непонимание значения правовых норм для общественной жизни» [2, с. 125].

Соглашаясь с Б.А. Кистяковским, можем заметить, что такое непонимание характерно не только для интеллигенции, а и для других слоев общества. Известный юрист подчеркивает это потому, что статья его

посвящена именно интеллигенции как наиболее образованной части общества. И в этом нам слышится такая достаточно горькая мысль: если уж интеллигенция не понимает большого значения правовых норм, то чего же можно ожидать от других!

Очевидно, что правовая культура предполагает уважение к закону, но как дореволюционная, так и советская история России не дают нам свидетельств массового отношения к праву как к ценности. Напротив, мы имеем бесчисленное количество примеров правового нигилизма, пренебрежения к закону, а порой и апологии беззакония.

Со знанием законов дело тоже обстоит далеко не лучшим образом. Поэтому вполне естественно, что невысокая юридическая грамотность населения составляет питательную среду для целого ряда негативных явлений, среди которых прямую угрозу обществу представляет коррупция. Следствием правовой неграмотности является также отсутствие привычки обращения к закону, к правосудию при разрешении споров и конфликтов, стремление некоторых граждан решать проблемы вне правового поля. Это можно характеризовать как попытку решения вопросов и проблем не по закону, а, образно говоря, «по понятиям». Выражение «по понятиям» пришло из криминальной среды. Нельзя утверждать, что это явление в обычной нормальной гражданской среде носит массовый характер, но и полностью отрицать его наличие тоже нельзя, учитывая при этом, что оно носит не откровенно криминальный смысл.

Современный период развития российского государства характеризуется серьезным реформированием политических, экономических, духовных, организационных основ жизни общества, что вызывает потребность глубинного переосмысления в том числе и правовых механизмов регуляции общественной жизни. Одним из наиболее значительных ее компонентов является правосознание.

Следует отметить, что проблемы правосознания, правовой культуры народа, преодоления правового нигилизма имеют глубокие корни в российской истории; пути их решения занимали многих отечественных интеллектуалов в предыдущие столетия. Научно-теоретический вклад ряда отечественных мыслителей в науку о праве в целом и правосознании в частности имеет несомненное и непреходящее значение не только для России, но и для мировой культуры в целом.

Как подчеркивает современный философ Э.Ю. Соловьев, «дефициту правосознания в национальном сознании соответствовал дефицит правопонимания в отечественной философии, тесно связанный с ее этикоцентризмом и проповедью абсолютно нравственного подхода к жизни» [5, с. 231].

Нельзя не отметить, что до сих пор политико-правовое учение Б.А. Кистяковского исследовано далеко не в полной мере. Возможно, в определенной степени это связано с тем, что его научно-правовое наследие на протяжении нескольких десятилетий было практически предано забвению.

Поэтому обращение к учению этого русского мыслителя, юриста, правоведа, теоретика либерального направления общественно-политической и философской мысли России начала XX в. в наше время представляет собой, можно сказать, восстановление исторической справедливости по отношению к его научному наследию, представляющему высокую научно-теоретическую ценность для современного отечественного правоведения.

Достаточно интересным и содержательным нам представляется исследование «Право и правосознание в учении Б.А. Кистяковского», проделанное А.Н. Харитоновой, защитившей кандидатскую диссертацию по этой теме в 2011 году в Казанском (Приволжском) федеральном университете.

Она отмечает, что правовое учение Б.А. Кистяковского представляет несомненный интерес, поскольку значительная часть его научного наследия содержит в себе обоснование непреходящей ценности права. Специфика развития и функционирования русского общества, согласно Б.А. Кистяковскому, заключается, помимо всего прочего, и в том, что оно никогда не уважало права, а русская интеллигенция, к сожалению, не заботилась о формировании прочного правосознания как необходимого условия нормального общественного развития. Отсюда путь России – признание, наряду с абсолютными ценностями, относительных ценностей права, преодоление правового нигилизма. Если экстраполировать данную мысль на современность, то вполне можно сказать, что это в значительной степени может способствовать построению правового государства в нашей стране [6].

Обращение к правовому наследию Б.А. Кистяковского в современный период развития российского общества вызвано настоятельной и все возрастающей необходимостью учитывать национальный опыт государственно-правового строительства в России. Несмотря на то, что современное общество значительно отличается от общества начала XX столетия, представляется, что опыт прошлого (в данном случае – опыт научных изысканий Б.А. Кистяковского – Л.П.) может быть использован и сегодня как в теории, так и в практике. Он также может стать хорошим проводником в современной российской законодательной политике и прогнозировании.

В своих трудах Б.А. Кистяковский размышляет в первую очередь над проблемой значения права в жизни человека, говоря, что одни видят в праве только этический минимум (набор моральных норм), а другие считают неотъемлемым элементом его принуждение, т. е. насилие.

Однако, как справедливо подчеркивает А.Н. Харитонова, право – это единственная социально-дисциплинирующая система. Дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком – тождественные понятия. Право есть основное условие внутренней свободы человека, а игнорирование власти права ведет к власти силы, т.е. к росту несвободы [7, с. 171].

С некоторой горечью Б.А. Кистяковский пишет, что русская интеллигенция никогда не относилась к праву с достаточным уважением, что, в свою очередь, предопределило низкий уровень ее правосознания. В свете данных

рассуждений становятся понятными распространённость и устойчивость в России такого явления, как правовой нигилизм, выступающий сегодня как одно из препятствий на пути формирования правового государства [2, с. 120].

Ярче всего проблема правового нигилизма проявляется при рассмотрении поведения современной молодежи, к которой, по-нашему мнению, должны быть предъявлены повышенные требования в определении понятия правосознания. Молодёжь любого государства является важным социокультурным слоем, от поведения и воспитания которого во многом зависит дальнейшая судьба государства. Применительно к нашему государству выделяют несколько причин правового нигилизма молодёжи, среди которых мы бы хотели особо выделить:

- аполитичность молодёжи, т.е. безразличное отношение молодёжи к общественной деятельности и политической жизни страны;
- недоверие современному образу государства в лице его органов государственной власти;
- отсутствие должного правового воспитания молодёжи, отчего во многом должна зависеть их социальная роль в обществе.

Обратим внимание на такое явление, как абсентеизм среди молодежи (абсентеизм – уклонение избирателей от участия в голосовании на выборах, или, в более широком понимании, политическое поведение, характеризующееся бездействием, то есть уклонением от какого-либо политического участия).

Нельзя не задаться вопросом, почему молодёжь ведёт себя недостаточно ответственно в отношении выборов? Иначе говоря, в чем причина того, что абсентеизм так распространён среди молодежи? Социологические исследования показали, что молодые граждане страны плохо информированы о своих правах, политических партиях и молодежных организациях, о том, кто может выражать их интересы, представлять во власти молодежной среде (18–30 лет) наблюдаются две противоположности: активное участие в политической жизни страны и равнодушие ко всем политическим процессам, происходящим в России. Избирательная активность – это важный показатель гражданской зрелости молодежи, а также ее отношение к происходящим в стране политическим процессам.

Однако, к сожалению, выборы подтверждают тот факт, что за будущее России, за будущее молодежи активнее голосуют люди пенсионного возраста. Причем абсентеизм преобладает и среди впервые голосующих молодых людей, которых, казалось бы, должно привести на избирательные участки присущее молодости любопытство. Почему молодёжь в большинстве своем не идет на выборы? Этот феномен подвергается глубокому анализу организаторами выборов с учетом мнений специалистов по молодежным проблемам, экспертов и политологов.

Можно выделить три основные причины, определяющие отсутствие у молодежи устойчивых и серьезных мотивов для участия в выборах.

1. Даже если большая часть молодежи готова к реализации своего избирательного права, то реализуется эта готовность пока еще недостаточно - в немалой степени из-за слабого развития соответствующих институтов. К тому же сформулировать свои политические взгляды и отдать предпочтение той или иной идеологии, позиции, для не имеющего жизненного опыта молодого человека непросто.

Разумеется, что общественно-политические организации страны, как и институты власти, нуждаются в кадровом пополнении за счет молодых людей. Поэтому они сейчас образуют молодежные околопартийные структуры и молодежные органы самоуправления.

Но для активной молодежи рядовая работа в партийных структурах не очень престижна и мало привлекает, поскольку партии пока не могут конкурировать с иными сферами деятельности, в том числе по финансовой обеспеченности и предоставлению возможностей карьерного роста. Невелики их роль и авторитет в регионах нашей страны, не хватает информации об их текущей, рутинной работе.

2. Молодые люди не ощущают и не знают цены свободы и демократии: они не жили в тоталитарном обществе, не испытали на себе его запреты и ограничения, не боролись за право жить в условиях демократического общества, как это делали их родители и старшее поколение. Молодежь получила все это с рождения и не видит необходимости бороться, не имеет устойчивых интересов и целей, а в результате не понимает степени важности голосования ни за политические партии, ни за политических лидеров, которые могли бы защищать, отстаивать и представлять права, свободы и интересы граждан, в том числе молодых.

3. Представляется, что формирование гражданской позиции – это проблема не только вовлечение молодежи в социальную жизнь общества, но и устойчивости традиций в семье, обществе, государстве. Голосование на свободных выборах, свободный выбор из нескольких партий, как демократическая традиция у нас только формируется. Социологи высказывают мнение о случайных воздействиях, объясняя этим низкий уровень электоральной активности молодежи. Кроме того, неопытные молодые люди часто становятся объектом манипулирования нечистоплотных политиков, что в их глазах дискредитирует институты власти, подрывает веру в свободные и справедливые выборы [1].

В одной из статей, посвященных рассмотрению электорального поведения молодежи в Южном Федеральном округе, обращено внимание на то, что молодежь Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей демонстрирует низкий уровень заинтересованности в политике. Дело в том, что: 1) большая часть молодежи занята решением своих повседневных проблем и 2) подавляющее большинство молодых людей не склонно измерять себя в рамках политической деятельности. Не удивительно, что не

более 2 % молодежи в каждой из областей ЮФО состоит в какой-либо политической партии или движении.

Следует подчеркнуть, что стратегия электорального поведения молодежи регионов подчинена иррациональной мотивации и воздействию эмоциональных компонентов, т.е. молодежь каждой из областей более склонна к экспрессивному выбору, чем к рациональному. Молодежь не выделяет политику значимой для себя, поэтому и не желает тратить усилия на анализ электорального предложения [4, с. 26–27].

Но все-таки в последнее время молодежь активнее начинает пользоваться своим избирательным правом.

Существенно возрос и уровень первоначальной идеи молодежного парламентского движения: на правовой основе, с соблюдением всех процедур голосования проводятся выборы, с избранным составом молодежных парламентов ведутся серьезные дебаты, принимаются решения, разрабатываются молодежные программы и так далее.

Молодежный парламентаризм не развивается по единой схеме. Федеративные органы власти дали регионам самостоятельность, в некоторых из них такая инициатива не получила поддержки. Молодежное собрание – это, с одной стороны, одна из возможных форм привлечения молодежи к участию в управлении делами государства, а с другой – школа обучения избирательному процессу, реализации конституционных прав граждан [8].

В целом можно заметить, что современная молодёжь не обладает достаточным уровнем правосознания, значительная её часть воспринимает свободу личности как вседозволенность, забывая при этом, что подлинная свобода реализуется в сочетании с защищенностью и обязанностями.

Государство должно уделять больше внимания этой проблеме и искать пути её решения, опираясь, конечно же, и на труд Б.А. Кистяковского. Высокий уровень правосознания и правовой культуры, по Б.А. Кистяковскому, возможен лишь тогда, когда право воспринимается не как принудительное правило, а как правовое убеждение.

Б.А. Кистяковский пишет, что «Нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок» [2, с. 123].

Относительно нашей страны, Б.А. Кистяковский упоминает, что непонимание значения правовых норм для общественной жизни присуще значительной части русской интеллигенции, что является своеобразным отражением отсутствия правового порядка в повседневной жизни русского народа. Свобода и неприкосновенность личности как основа правопорядка, сама идея правовой личности не были и, к сожалению, пока не стали общественным идеалом в России.

В настоящее время в России реально возрастает ценность права и поставлена задача построения правового государства. Конечно, при этом совершенно очевидно, что формулировку ст. 1 в Конституции Российской Федерации о том, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, следует понимать не как достигнутый, а как желаемый уровень развития нашего общества (в данном случае имеется в виду характеристика нашего государства как правового).

В такой ситуации, когда небрежение правом характерно практически для всех слоев нашего общества, обращение к идеям отечественных ученых в области теоретических разработок вопросов права и правосознания, в том числе и к учению Б.А. Кистяковского, представляется объективно необходимым, научно обоснованным и практически востребованным [2].

Мы полностью солидаризируемся с этой оценкой учения Б.А. Кистяковского.

Список литературы

1. Ермакова Э. Правовая культура как основа электоральной активности молодежи / Э. Ермакова // Журнал о выборах. – 2009. – № 2.
2. Кистяковский Б. А. «В защиту права» (Интеллигенция и правосознание) / Б. А. Кистяковский // «Вехи»: сборник статей о русской интеллигенции. С приложением «Библиографии Вех». – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 240 с.
3. Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура / В. Ф. Кормер // Вопросы философии. – 1989. – № 9.
4. Самолазова А. Е. Электоральное поведение молодежи областей Южного Федерального округа Российской Федерации: региональные тренды и особенности / А. Е. Самолазова // Русская политология – Russian Political Science. – 2017. – № 2.
5. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры) / Э. Ю. Соловьев. – М., 1991.
6. Харитонова А. Н. Право и правосознание в учении Б.А. Кистяковского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Харитонова. – Казань, 2011. – 25 с. – Режим доступа: https://xn-90ax2c.xn-plai/catalog/000199_000009_005004496/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.02.2019).
7. Харитонова А. Н. Кистяковский Богдан Александрович / А. Н. Харитонова // Элитология культуры: культурная элита России XX века: энциклопедический словарь Э/ под ред. проф. П.Л. Карабущенко. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2017.
8. Шапиев С. Молодежный парламентаризм российских регионов / С. Шапиев // Журнал о выборах. – 2009. – № 3.
9. Яковлев А. От права Силы к силе Права / А. Яковлев // Наше Наследие. – 1990. – Т. IV (16). – С. 2.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИ ВЛАСТИ

Подвойская Наталия Леонидовна, кандидат политических наук,
директор Института базового образования, доцент

Национальный исследовательский технологический университет
«МИСиС»

119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр-т, 4

E-mail: n.podvoyskaya@misis.ru

Аннотация. Феномен власти характеризуется сложностью, многогранностью и неисчерпаемостью по своему содержанию. Это нашло отражение в многообразных определениях власти, ни одно из которых не может претендовать на полноту и законченность. Рассмотрены вопросы происхождения власти, ее особенности, ресурсы. Уделено внимание разделению властей как политико-правовой доктрине и конституционному принципу, лежащему в основе организации власти демократического государства. Раскрыто значение понятий «легальность» и «легитимность». Обращено внимание на то, каким непростым был процесс легитимации власти в новой России после развала Советского Союза. Проведен анализ значения внесения в действующую Конституцию поправки относительно понятия «публичная власть».

Ключевые слова: Россия, Конституция, власть, виды власти, политическая власть, государственная власть, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, публичная власть, ресурсы власти, принцип разделения властей, легальность, легитимность

PHILOSOPHY-LEGAL AND POLITICAL BORDERS OF AUTHORITY

Podvoiskaya Natalia L., Ph.D. (Political Science), Director of the Institute of Basic Education, Associate Professor

National University of Science and Technology MISIS

4 Leninsky Ave., Moscow, 119049, Russian Federation

E-mail: n.podvoyskaya@misis.ru

Annotation. The phenomenon of power is characterized by complexity, versatility and inexhaustibility in its content. This is reflected in the diverse definitions of power none of which can claim to be complete and finished. The issues of the origin of power, its features, and resources are considered. Attention is paid to the separation of authorities as political and legal doctrine and the constitutional principle underlying the organization of power of a democratic state. The meaning of the concepts of legality and legitimacy is revealed.

Attention is paid to how difficult the process of legitimizing power in the new Russia was after the collapse of the Soviet Union. The analysis of the significance of introducing amendments to the current Constitution regarding the concept of "public power" is done.

Keywords: Russia, Constitution, power, types of power, political power, state power, legislative power, executive power, judicial power, public power, power resources, principle of separation of powers, legality, legitimacy

Над таким явлением, как власть, люди стали задумываться практически с незапамятных времен. Их не могли не интересовать, не волновать такие, например, вопросы:

- что заставляет людей повиноваться чьей-то воле?
- почему люди готовы идти и с готовностью идут за человеком, не занимающим каких-то официальных постов и не имеющим официальной власти, но готовы рисковать положением, а то и жизнью за выдвигаемые им идеи?
- но почему они не готовы идти и не идут за человеком, стоящим на вершине пирамиды власти?
- в чем заключается «секрет» успешного воздействия одного человека на других?
- что же такое власть, и каким образом она заключает в себе какую-то особую силу?

Всеми этими вопросами издавна занимались и власть имущие, и мыслители разных школ и направлений, и простые люди, которые на себе ощущали те или иные проявления власти, как одного из фундаментальных начал общества и политики. Можно сказать, что до сих пор вопросов больше, чем ответов. Очевидно только то, что феномен власти характеризуется сложностью, многогранностью и неисчерпаемостью по своему содержанию, по сути своей, что нашло отражение в многообразных определениях власти, ни одно из которых не может претендовать на законченность по глубине и полноте содержания. Приведем некоторые из определений, предложенные в разных источниках.

Так, в словаре философских терминов фиксируется, что власть это политический и экономический феномен, описывающий систему господства-подчинения и предполагающий наличие субъекта власти, центр и источник власти, определенное оформление властных отношений (законы) [6, с. 82]. С этим, конечно, трудно не согласиться, но за рамками этого определения остаются многие другие виды властных отношений, не зафиксированные в законах.

В кратком словаре политологии дается определение власти и политической власти. В первом случае власть – это волевое отношение между людьми, при котором один человек воздействует на другого с целью заставить его поступать определенным образом. Власть есть явление

особого рода, и эта особенность заключается в принудительности. Властные отношения объективно присущи общественной жизни [4, с. 29].

Во втором случае власть – это понятие, фиксирующее совокупность механизмов и средств, способов определяющего воздействия политических субъектов, в первую очередь государства, на поведение социальных общностей, людей, организаций с целью управления всех членов общества единой политической воле посредством убеждения и принуждения [4, с. 30].

В этом же словаре, в статье «Власть, формы власти в кратологии (*греч.* *kratos* – власть)» дается одна из систем классификации власти, в основу которой положены разнообразные формообразующие элементы и которая власти опирается на разнородные логико-исторические основания и включает в себя несколько десятков видов. Здесь даются определения понятий «автократия», «аристократия», «бюрократия», «демократия», «меритократия» и другие. Кроме перечисленных форм укажем на некоторые другие. Агиократия (*греч.* *hagios* – святой) – власть, в основе которой лежат реализуемые сакральные ценности. Банкократия (*фр.* *banque*) – власть банков. Геронтократия (*греч.* *gigon* – старик) – власть мудрецов-старейшин. Изократия (*греч.* *isos* – равный, одинаковый, подобный) – власть граждан, равных перед законом. Клептократия (*греч.* *klepto* – вору) – власть, под различными предлогами разрушающая, разворовывающая богатство общества. Маникратия (*англ.* *money* – деньги) – власть денег. Медиакратия (*англ.* *massmedia* – средства массовой информации) – власть, основанная на массивном воздействии средств массовой информации. Милитакратия (*лат.* *militaris* – военный) – власть военных, военная диктатура. Монократия (*греч.* *monos* – один) – власть одного лица при любой форме власти. Нациократия (*лат.* *patio* – народ) – ориентация власти на господство в государстве определенной нации, близкая к национализму. Ноократия (*лат.* *noos* – ум, разум) – власть разума. Нормократия (*лат.* *norma*) – власть, основанная на законах, традициях, установлениях формообразующего, нормативного характера. Тимократия (*греч.* *time* – честь, цена, плата) – власть аристократов, основанная на соперничестве, честолюбии, различных ограничениях-цензах. Феминократия (*лат.* *femina* – женщина) – власть женщин. Элитократия (*фр.* *elite* – лучшее, отборное) – власть элиты. Этатократия (*фр.* *etat* – государство) – власть государства. Юрократия (*лат.* *juris* – право) – власть юристов и господство права.

Существует целый ряд и других форм власти, которые классифицируются по этому основанию (эксперткратия, юнократия, идеократия, экономократия, криптократия и т. д.), а также по другим. Например, с использованием греческого корня «...архия» (*греч.* *arche* – власть, главенство): анархия, диархия, епархия, монархия, патриархия, полиархия, олигархия, тетрархия и т. д. Есть и другие многочисленные формы, характеризующие те или иные моменты, способы осуществления власти.

Суть дела, конечно, заключается не в том, чтобы без конца перечислять и «творить» новые категории. Задача науки сводится в конечном итоге к тому, чтобы осмыслить те политические условия, в которых власть осуществляется, и попытаться привести ее в соответствие с возможностями и потребностями, существующими в данный момент в обществе. Особенно это актуально для России, которая вынуждена создавать новые социальные и властные структуры из противоречивого и перепутанного «социального материала» [4, с. 32–33].

В краткой философской энциклопедии подчеркивается, что власть это сила, которая в отличие от физического насилия, оказывает воздействие на тело, душу и ум; сила, пронизывающая их, подчиняющая другому закону своей воли. По существу своему она подобна авторитету [2, с. 70]. В этом контексте можно говорить об авторитете власти и о власти авторитета.

В словаре констант словаря русской культуры обращается внимание на то, что в российском обществе живучи представления о «тайной власти». «Тайная власть» в современном русском обществе ассоциируется то с масонством, то с мафией, то просто с некими «невидимыми» структурами реальной системы власти. В последнем случае представление о «тайной власти» имеет под собой вполне реальные исторические основания [7, с. 613].

Очевидно, что власть (исходное значение – сила, авторитет, принуждение) – это далеко нескучная и отнюдь не отвлеченная теоретическая проблема. Это сама реальность, возможно, важнейшая часть нашей жизни, нашего существования. Власть – это сложный феномен, который находит свое проявление не только в рамках общественных процессов, но и в контексте взаимоотношений конкретных индивидуумов между собой. Можно сказать, что главное качество власти – это способность конструировать отношения между людьми.

На это обращал внимание один из классиков политической науки Макс Вебер (1864–1920). Он в своих рассуждениях подчеркивал, что власть представляет собой способность настоять на своём даже при наличии сопротивления, независимо от того, в чём эта способность выражается. Другими словами, власть – такое взаимоотношение, при котором один субъект может тем или иным образом вызывать изменения (уступки) в поведении других людей, желательные для него, даже, когда не желают этого те, кто должен изменить свое поведение. Таким образом, М. Вебер хочет сказать, что человек, который имеет власть, может изменять поведения других людей, заставлять их делать, поступать так, как хочет он даже тогда, когда они этого не хотят, т.е. направлять их действия (поступки) для достижения своей желаемой цели.

По теме власти написано очень много, однако, как ни странно, сущность этого явления до сих пор толком не объяснена и все время как бы ускользает от каких бы то ни было точных и законченных объяснений. Обратившись к понятию «власть», следует констатировать, что есть

множество его дефиниций. Но если выделить в них общее, то властвовать всегда означает – принимать решение за другого. Власть как группа управляющих индивидов, намеренных принимать решение за других, стремится придать этому процессу характер, соответствующий ее собственным интересам. Порой бывают такие ситуации, когда власть принимает решения именно в своих интересах, упуская из виду интересы народа, или же прямо противореча им. И тогда она вынуждена принимать так называемые «непопулярные меры».

Будучи тесным образом связанной с феноменом неравенства, власть с одной стороны справедливо может рассматриваться как старейшая из существующих форм организации общества в целом, а с другой – как способ закрепления особенного «статуса» чьих-то идей или взглядов на мир. Существенно и то, что власть, будучи явлением всепроникающим, может рассматриваться представителями разных областей знания сквозь призму их профессионального инструментария, а представителями разнообразных идейных течений сквозь призму наиболее привлекательных для них лично и для их сторонников социально-политических учений.

Например, в средние века в мире господствовало представление о власти как о божественном промысле. Так, в учении Августина Блаженного (354–430) Церковь, которая часто была подвластной государству и даже преследуемой в Римской империи, объявлена тоже властью наряду с властью государственной, а не элементом государства. Крупный теологический средневековый философ Фома Аквинский (1225–1274), рассматривая вопрос о соотношении духовной и светской власти, однозначно встал на сторону церкви и провозгласил: «Вся власть от Бога». В своем главном труде «Сумма теологии» он утверждал, что государство установлено Богом. А в труде «Сумма против язычников» подчеркивал, что благо отдельного человека, общества и универсума определяется божественным замыслом, и нарушение человеком божественных законов является действием, направленным против его собственного блага.

В XVI–XVII столетиях наступила эпоха абсолютизма, который, сто лет спустя, вошел в соприкосновение с первыми теориями общественного договора.

В XIX столетии на фоне промышленной революции и развития образования идейно-научный спектр чрезвычайно обогатился. Считается, что Карл Маркс (1818–1883) впервые раскрыл значение понятия экономической власти и сделал вопрос о власти предметом исследования экономической науки. По его мнению, сущность природы власти заключается в обладании собственностью или так называемыми меновыми стоимостями. Согласно Марксу, властные отношения – одна из важнейших характеристик капитализма. Политическая власть, по его мнению, является вторичной. Она лишь порождение экономической власти. Отсюда известная формула «политика – это надстройка над экономикой». А государство является

институтом экономически господствующего класса, который при помощи государства становится еще и политически господствующим классом.

Бесспорно, что власть – одно из основных понятий политической науки и практики. Не случайно В.И. Ленин (1870–1924) писал, что коренной вопрос всякой революции – это вопрос о власти в государстве.

В современном мире только в рамках политологии власть принято рассматривать с помощью целого ряда активно используемых методов: нормативного, бихевиористского, системного, антропологического, исторического, институционального анализа, компаративного подхода и ряда других.

Как об этом уже было сказано выше, власть с одной стороны может интерпретироваться как действие, а с другой – как некоторое сложившееся устойчивое положение вещей. В этом контексте достаточно популярной является точка зрения Макса Вебера. Его понимание сущности власти сводится к тому, что под ней следует понимать аспект отношений и взаимодействий, в основе которых чаще всего лежит конфликт той или иной степени интенсивности, и, наконец, власть совсем необязательно должна осуществляться с помощью насилия.

По мнению М. Вебера, власть характеризуется следующими особенностями:

- власть осуществляется индивидами и поэтому включает в себя тот или иной выбор, какое-либо намерение и средство:
- она включает в себя представление о средстве, т.е. о том, как индивиду достичь желаемых целей;
- осуществляемая над другими индивидами, власть может повлечь за собой сопротивление и конфликт;
- она подразумевает, что имеются различия в интересах лиц, обладающих властью, и лиц, не имеющих власти;
- власть – негативное явление, включающее в себя ограничения и лишения для тех, кто подчинен доминированию.

Со всей очевидностью социальная сущность власти проявляется в том, что без власти в обществе не было бы порядка, именно она утверждает правила взаимодействия людей между собой, и она же является мощнейшим механизмом согласования интересов и потребностей. Собственно говоря, нередко, когда той или иной системе власти, существующей в той или иной стране на том или ином этапе ее развития, выставляются эмоциональные оценки «хорошая власть» или «плохая власть» в виду имеется как раз то, насколько власть успешно решает перечисленные выше задачи.

Говоря относительно происхождения власти и ее природы, чаще всего выделяют несколько следующих основных подходов:

- а) нормативный, он же формалистский, заключается в том, что источником власти является какая-то система правил – как писаных, так и неписаных;

б) организационный, в рамках которого первостепенное внимание уделяется функциональным аспектам властвования, а поведение конкретной личности выкает из того, какие роли ей предписано выполнять;

в) психологический, в рамках которого в основе власти лежит стремление к накоплению благ и приобретению статусов;

г) социологический – в его рамках власть рассматривается как дихотомия между свободой одних и ограничением других; и, наконец,

д) классовый (марксистский) – с его точки зрения политическая власть в государстве принадлежит экономически господствующему классу, и используется эта власть чисто в его интересах.

Что касается механизмов реализации власти, они предполагают существование ее субъекта, объекта, источников и средств или ресурсов. При этом надо иметь в виду, что и субъект, и объект имеют свойства меняться ролями – в зависимости от складывающихся обстоятельств, условий и др.

С течением времени может меняться как само содержание отношений господства, так и роли тех, кто первоначально оказывал воздействие. В результате, тот, кто был субъектом, начинает играть роль объекта воздействия и наоборот.

Именно субъект власти направляет в адрес объекта разнообразные императивы (повеления, приказы, указания), содержащие сведения относительно параметров волеизъявления, введении каких-то требований и осуществлении контроля.

В реальной жизни в качестве субъектов политики могут выступать политические лидеры, политические элиты, государственные и межгосударственные образования. Роль же объектов чаще всего достается конкретным индивидам, а также каким-либо общественным группам и классам. Впрочем, порой подобную роль могут играть и целые государства.

В случае с источниками власти, их дееспособность во многом зависит от наличия или отсутствия в их распоряжении ресурсов, необходимых для реализации властных полномочий.

Из разнообразных источников власти обратим внимание на такой источник как «харизма». Это понятие в последнее время получило очень широкое хождение, в том числе и в работах по политологии и элитологии. Харизма (от греч. *charisma* – оказанная милость, благодать, дар божий) – исключительная одаренность, обладание некоторым лицом особыми исключительными качествами, воспринимаемыми другими людьми как сверхъестественные качества, доступные только избранным личностям.

Понятие харизмы впервые появилось в социологических теориях Э. Трельча и М. Вебера в качестве одной из форм политического господства, которая характеризуется отношением к политическому лидеру как высшему сверхъестественному существу. Разумеется, что харизма наиболее заметной бывает у политических деятелей и руководителей разного

ранга, особенно высшего. Логично предположить, что во многом именно харизме они и достигли своего заметного положения в общества.

Более того, что харизма чаще всего тесно ассоциируется с креативностью. А обиходное выражение «у него есть харизма» означает, что человек производит на окружающих определенное позитивное впечатление, в силу чего они готовы к нему прислушиваться, поддаются его влиянию и готовы следовать за ним.

Серьезными ресурсами обычно считаются экономические, силовые и символические. В самом широком смысле слова:

- экономические ресурсы могут быть охарактеризованы как любые материальные активы, необходимые для осуществления полномочий;
- силовые характеризуются через способность диктовать свою волю (армия, полиция, специальные службы);
- символические реализуются через разнообразные нормы, ценности, правила, традиции, а в последние десятилетия – и через продукты массовой культуры, а также всепроникающие информационные процессы.

Еще раз подчеркнем, что понятие «власть» в обыденной жизни и в научной литературе употребляется в самых разных смыслах. Богословы говорят о власти от Бога; родители – о семейной власти; психологи – о власти человека над самим собой; естествоиспытатели – о власти над природой; экономисты – о власти хозяйственной; философы говорят о власти над объективными законами общества; социологи – о власти социальной; юристы – о государственной власти и о власти закона; политологи – о политической власти. Используются понятия законодательной, исполнительной и судебной власти.

При рассмотрении вопроса о власти мы считаем целесообразным обратить внимание на *принцип разделения властей*.

Разделение властей – это политико-правовая доктрина и конституционный принцип, лежащий в основе организации власти демократического государства.

Известно, что зачатки доктрины разделения властей усматриваются уже в трудах выдающихся мыслителей Древней Греции и Древнего Рима. Среди них можно выделить Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), Эпикура (ок. 341 – ок. 270 гг. до н.э.), Полибия (ок. 201 – ок. 120 гг. до н.э.). Однако авторство концептуального оформления этой идеи принадлежит, бесспорно, двум мыслителям, ставшим в определенной степени провозвестниками революционных перемен в своих странах: англичанину Джону Локку (1632–1704) и французцу Шарлю Монтескье (1689–1755). Именно они развили эту доктрину в эпоху буржуазных революций в противовес абсолютизму и феодальному произволу.

Д. Локк, который считается отцом западного либерализма, первым выдвинул эту идею, выделив законодательную, исполнительную (в том числе судебную) и федеративную (внешнеполитическую). По его мнению,

в правильно устроенном государстве эти ветви власти находятся в состоянии динамического равновесия.

Ш. Монтескье теоретически осмыслил взгляды Д. Локка и развил их в классическую теорию разделения властей (практически в современном ее понимании). Он предложил разделить государственную власть с целью ее более эффективного функционирования и предотвращения деспотизма на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную.

Основная цель разделения властей виделась Ш. Монтескье в том, чтобы избежать злоупотребления властью. Наличие и функционирование системы разделения властей в государстве должно, по его замыслу, оберегать общество от злоупотреблений государственной властью, узурпации власти и концентрации ее в одном органе или одним лицом.

Как известно, английский историк и политик лорд Джон Актон афористично высказал серьезную мысль: «Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Представляется, что принцип разделения властей, безусловно, является гарантией от злоупотреблений государственной властью и от абсолютного развращения ею [8, с. 36–37]

Большая заслуга Ш. Монтескье состоит и в том, что он развил положение о системе сдержек различных властей, без которой их разделение не было бы действенным. По его утверждению, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга. По сути дела, речь идет о системе сдержек и противовесов, где специальными правовыми мерами определяется баланс законодательной, исполнительной и судебной власти. Эти меры должны обеспечивать не только взаимодействие, но и взаимоограничение ветвей власти в пределах, установленных правом.

Свое юридическое закрепление принцип разделения властей впервые получил в Конституции США в 1778 году, затем в конституционных актах Великой французской революции (1799–1794).

Имеет смысл коротко сказать о действии этого принципа в США, закрепленного в Конституции. Конституция США представляет собой отнюдь не объемный документ – она состоит из Преамбулы и семи статей. Учитывая, что жизнь не стоит на месте, и даже основной закон требует некоторых изменений, в США применяется система поправок к Конституции, которые принимаются конгрессом. В общей сложности Конгрессом было принято около 40 поправок, но не все они были ратифицированы штатами. На данный момент действуют 27 поправок. После утверждения Конгрессом США каждая из поправок становится полноправной статьей Конституции.

Президент в своей деятельности не зависит от того, как будет принята проводимая им политика в конгрессе, за исключением случаев, когда осуществление этой политики было бы невозможно без его содействия (ассигнования, заключение международных договоров, законодательство, назначение на важные посты).

Президент не подотчетен конгрессу, что обеспечивает ему свободу действий. Однако, следуя принципу разделения властей, конституция лишила президента законодательной инициативы в строгом смысле слова (право представлять палатам готовый законопроект). Президент имеет право налагать вето на любой законопроект, принятый обеими палатами, отсылать его на доработку со своими возражениями в ту палату, из которой он поступил. С другой стороны, Конституция устанавливает, что президентское вето может быть «опрокинуто» квалифицированным большинством обеих палат. Президент не имеет полномочий распустить ни одну из палат Конгресса.

В свою очередь, для удаления президента Конституция требует обоснованного обвинения в измене, взяточничестве или других важных преступлениях. Обе палаты имеют полномочия возбудить процедуру импичмента. Но вопрос об отстранении от власти президента решает сенат под председательством Верховного судьи двумя третями голосов присутствующих. В результате, президент и конгресс были лишены возможности вмешиваться в дела друг друга напрямую, что обеспечивает их независимость друг от друга. Можно сказать, что президент имеет косвенное влияние на Верховный суд в том плане, что он назначает его членов. Но так как они назначаются пожизненно, и все включая президента США, обязаны подчиняться решениям Верховного суда, то становится очевидным то, что система взаимных сдержек и противовесов работает и здесь [9].

На сегодняшний день в подавляющем большинстве стран мира разделение властей закреплено конституционно, в том числе и в России (ст. 10) [1, с. 8].

Очевидно, что необходимость разделения власти на эти три «ветви» обусловлена следующими соображениями:

- более четко определяются функции, компетенции и ответственность различных государственных органов;
- этим органам создаются возможности контролировать друг друга, создавать систему сдержек и противовесов, помогающую достигать единства действий в процессе преодоления возникающих противоречий;
- создаются условия для более эффективного предотвращения злоупотреблений властью, поскольку реализация принципа разделения властей всегда сопряжена со свободой СМИ анализировать действия власти, критиковать их (поэтому и говорят о них как о «четвертой власти»), в том числе и с помощью оппозиции.

Принцип разделения властей тесно увязан с адресной ответственностью за исполнение конкретных функций независимо от того, отвечает ли за это одно или несколько лиц, один или несколько институтов (в ряде стран и в разные эпохи исполнение, например, законодательных, исполнительных и судебных функций совмещалось). Принципиально важно,

чтобы всегда было юридически ясно, за какую функцию, в какой момент и кто может быть спрошен по всей строгости закона.

В связи с этим обратимся к знаменитой римской юридической максиме «властуй, разделяя», которая обычно трактуется в том смысле, что успешное управление предполагает насилие (т.е. «правитель – разъединяй, противопоставляй друг другу подвластных»). На самом деле имеется в виду совершенно противоположное: успешное управление основано на различении (divide – различение) и только в этом смысле – разделении тех, кем управляешь (т.е. «правитель – познай, согласовывай интересы подданных; познай, различи собственные властные способности и функции»).

Заметим, что идея разделения властей нашла отражение и в русской политической мысли XIX века, в частности, в воззрениях декабристов. Так, руководитель Южного общества полковник П.И. Пестель разработал проект программы будущего устройства России под названием «Русская правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного верховного правления». Обычно она называется просто «Русская правда».

В этом проекте предполагалось, что Россия будет государством, основанным на трех принципах: «Единородство. Единообразие. Единомыслие». Исходя из теории разделения властей, П.И. Пестель предлагал передать законодательную власть Народному Вече, исполнительную – Державной Думе (оба эти органа планировалось избирать на 5 лет, причем каждый год 1/5 часть их состава подлежала смене), судебную («блюстительную») – Верховному Собору (в составе 120 человек, которые должны были избираться пожизненно). Эти власти вместе призваны обеспечить благоденствие народа, которое П.И. Пестель понимал как равновесие прав и обязанностей правителей и народа.

Мы сейчас не можем сказать, как все это могло бы осуществиться на практике, ведь, как известно, восстание декабристов было подавлено, а сам П.И. Пестель казнен.

В настоящее время принцип разделения властей воспринят теорией и практикой всех демократических государств. Представляется целесообразным обратить внимание на отношение к принципу разделения властей в нашей стране после совершения Октябрьской революции 1917 года и практически до 1993 года, когда была принята ныне действующая Конституция. Дело в том, что теория и практика государственного строительства в Советской России и СССР отвергали теорию разделения властей. Советская власть, полностью отвергая разделение властей, сформировала свой собственный подход к основам построения механизма власти и жёсткой её централизации.

Это проявилось в том, что первые конституционные акты Советской России провозгласили единство государственной власти и принадлежность

ее представительным органам. С тех пор и в течение ряда последующих десятилетий Советы, как представительные органы государственной власти, признавались органами, которые возглавляют всю систему государственных органов. Вместе с тем, в систему государственных органов входили и органы государственного управления, органы суда и прокуратуры с различной компетенцией.

Огромную, определяющую роль в руководстве всеми сферами жизнедеятельности государства играли партийные органы, как говорится «де-факто». Именно партийные структуры обладали монополией на власть, опираясь на идеологическую легитимность среди широких слоев населения.

А вот «де-юре» действительный механизм власти в СССР впервые был отражен в Конституции 1977 года, где в 6-й статье КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза) была названа «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций». Такое узаконение реальной роли партии привело к монопольному контролю партийных организаций за деятельностью предприятий и учреждений. Оно резко повышало значение партийного аппарата по всей властной вертикали. Сила партийной структуры была в монополии на организацию, которая благодаря мощному привилегированному аппарату пронизывала все сферы общественной жизни.

Можно сказать, что если в начале советского периода развития нашей страны господствовал лозунг «Вся власть Советам!», то в Конституции 1977 года его место, занял лозунг «Вся власть КПСС!». При этом есть, можно сказать, маленький нюанс. Так, если в первом случае речь шла цели и надежде, что так оно и будет, то во втором случае речь шла о констатации факта и надежде, что так оно останется и будет всегда.

Во времена перестройки, начатой в 1985 году, вновь, как и семь десятилетий назад, воссиял лозунг «Вся власть Советам!». Однако на деле никакой полноты власти Советов в первоначальном смысле этого понятия как не было после 1917 года, так же не было и после 1985 года.

Поэтому принцип разделения властей в его современном понимании с полным основанием может рассматриваться в качестве важной новации российской политики и права. В качестве одного из принципов организации государственной власти в современной России, он был провозглашен Декларацией «О государственном суверенитете Российской Федерации» 12 июня 1990 года. Затем он получил законодательное закрепление в ст. 10 Конституции Российской Федерации (1993 г.), которая гласит: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Таким образом, принцип разделения властей в его полном объеме в нашей стране впервые зафиксирован только в Конституции Российской Федерации 1993 г.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что в статье 11-й к этим трем ветвям власти как бы добавляется четвертая – президентская. Конкретно это выглядит следующим образом:

«1. Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.

2. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти».

Следует также знать и положения 3-й статьи Конституции РФ:

«1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (относительно органов самоуправления в 12-й статье указывается, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» – Н.П.).

3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону» [1, с. 8].

Обратим внимание на новый аспект относительно власти в разных ее значениях. Логично предположить, что в результате голосования 1 июля 2020 по поправкам к ныне действующей Конституции в Основном законе появится термин ««публичная власть». Об этом можно говорить с уверенностью, потому что голосование за поправки будет «пакетное», а не постатейное.

Заметим, что этот термин в чисто научном контексте в нашей стране имел место быть и раньше. Например, в Большой советской энциклопедии было дано такое определение: «Публичная власть – политическая власть господствующего класса, независимо от конкретных государственных форм её организации и проявления. Основные функции публичной власти – подчинение (в т. ч. подавление сопротивления др. классов), организация общества, управление им в соответствии с экономическими, политическими и духовными интересами этого класса. В классово антагонистическом обществе публичная власть по сути своей – диктатура господствующего класса, орудие эксплуатации трудящихся. Аппарат публичной власти состоит из вооруженных сил, разведки, органов управления, дипломатической службы и т.д. Публичная власть эксплуататорских государств, политически и организационно отчужденная от общества, содержится за счёт трудящихся: налоги и займы – материальная основа и признак публичной власти. В социалистическом государстве публичная

власть служит интересам народа, выражает его волю и связана с ним многообразными демократическими формами, которые совершенствуются по мере развития социализма [10].

Но ни в одной из Конституций РСФСР и СССР этого термина не было. Так что «прописку» в Основном законе страны это термин получит впервые.

Об организации публичной власти говорится в поправках к статье 67 – «Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом» и к статье 71 – «организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти».

Что это за термин и для чего он вводится, попробуем разобраться.

Конституция Российской Федерации закрепляет понятие государственной власти в нашей стране. Об этом гласят ст.ст. 3, 5, 10, 11 Основного закона. Упоминаются разные уровни государственной власти и в других статьях Конституции РФ.

На сегодня в Основном законе страны имеется указание лишь на государственную власть и местное самоуправление. Т.е., власть, осуществляемую государством и муниципалитетом, соответственно. В то же время государственная власть в РФ подразделяется на федеральную и местную (региональную):

- президент РФ;
- Правительство РФ;
- Федеральное Собрание РФ;
- суды РФ на федеральном уровне;
- главы регионов;
- правительства регионов;
- парламенты регионов;
- мировые судьи в регионах (субъектах Федерации) на местном уровне.

Особняком стоит местное самоуправление. В него входят:

- главы местного самоуправления;
- муниципальные депутаты;
- администрация (исполнительная власть). «Своих» судов в муниципалитетах нет.

Поправки в Конституцию вводят новое понятие «публичная власть». Эта формулировка объединяет в себе «федеральную», «региональную» и «местную (муниципальную)» власти. Под публичной властью можно будет понимать любое из существующих понятий. Либо же все уровни власти вместе, а также любую их связку.

Почему это нужно? Дело в том, что зачастую власти регионов называют государственными, однако, это не совсем верно.

Россия действительно, осуществляет свою власть через власти региональные. Именно РФ образует власти «на местах». Власти, образованные таким образом, сами организуют свои властные органы. При этом субъекты вправе самостоятельно решать, как им и что организовывать внутри. Но регион в любом случае является частью федерации, не образуя отдельное государство. Под государством же нужно понимать исключительно Федерацию.

Примерно та же картина существует и в отношении муниципальных властей. Говоря о муниципальных властях, многие граждане понимают государство, однако, это тоже не верно. Органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти в РФ, исходя из ст. 12 Конституции. Это вызывает и путаницу не только на словах, но и в документах.

Для устранения этих разночтений и вводится новое понятие. Оно даст всем трём уровням власти в России единое определение – «Публичная власть» [11].

Как видим, определенная логика во введении этого термина на уровне Конституции, безусловно, есть.

Применительно к законодательной власти используется довольно жесткая юридическая процедура законодательного процесса, которая регламентирует основные его стадии и порядок осуществления: законодательную инициативу, обсуждение законопроекта, принятие закона, его опубликование.

В современной российской политической системе противовесов важную роль призван играть Президент, который имеет право применить отлагательное вето при поспешных решениях законодателя, назначить при необходимости досрочные выборы. Деятельность Конституционного Суда также можно рассматривать в качестве института, обладающего правом сдерживающей силы, ибо он имеет право блокировать все антиконституционные акты. Законодатель в своих действиях ограничивается временными рамками, самими принципами права, Конституцией, другими юридическими и демократическими нормами и институтами.

В отношении исполнительной власти используются ограничения ведомственного нормотворчества и делегированного законодательства. Сюда же можно отнести установленные в законе определенные сроки президентской власти, вотум недоверия правительству, импичмент, запрет ответственным работникам исполнительных органов избираться в состав законодательных структур, заниматься коммерческой деятельностью.

Власть – это возможность навязать свою волю другим людям, даже вопреки их сопротивлению. Суть власти не зависит от того, на чём основана такая возможность. Власть может базироваться на различных методах: демократических и авторитарных, честных и нечестных, насилии и мести, обмане, провокациях, вымогательстве, стимулировании, обещаниях и т.д. власть появилась с возникновением человеческого общества

и будет в той или иной форме всегда сопутствовать его развитию. Она необходима для организации общественного производства, которое требует подчинения всех участников единой воле, а также для регулирования других взаимоотношений между людьми в обществе.

Важнейшей характеристикой власти является *ее легитимность* (франц. *legitimite*). Термин «легитимность» не имеет строгого юридического содержания. Он представляет собой психологическую характеристику власти, поскольку является признанием полномочий власти со стороны достаточно широких общественных групп, олицетворяющих собой большую часть населения той или иной страны. Иначе говоря, легитимность – это способность власти создавать и поддерживать у населения убеждение в том, что власть в стране наделена правом принятия решений, которые ее граждане должны выполнять. Можно сказать, что это некий символ веры, представление, присутствующее в сознании граждан.

Размышляя о легитимности власти, не следует путать ее с легальностью, поскольку эти два понятия никак не могут быть признаны равнозначными. При этом надо иметь в виду, что термин «легитимность» первоначально возник во Франции в начале XIX века и практически отождествлялся с термином «легальность» – «legalite» (законность) [3, с. 129].

Вообще-то термин «легальность» восходит еще к античности: легальность – (лат. *legalis* – законный). В настоящее время он имеет несколько значений:

1) понятие, выражающее формально-юридическую законность, объектом которой может быть власть, политические институты, политические организации, субъекты политики;

2) узаконенность деятельности, которая основывается на документах и общепринятых нормах;

3) соответствие власти действующим законам.

Что же касается легитимности (легитимность: лат. *legitimus* – законный), то под нею понимается качество власти, которое определяется опорой на согласие масс, на их доверие, которым они через свое отношение как бы неофициально узаконивают ее деятельность и положение.

Очевидно, что власть требует согласия, общественного признания и некоторой взаимности. В свою очередь, согласие общества включает *принцип законности* и механизмы, обеспечивающие сдерживание злоупотребления власти. Отражением принципа законности является легализация как юридическое обоснование осуществления власти, ее норм и законов.

Легальность власти находит свое отражение в официальном признании власти или претензии на ее признание.

Легитимность, в отличие от легальности, представляет собой неофициальное одобрение власти в силу ее притягательных черт [3, с. 109].

Еще раз заметим, что сам термин «легитимность» иногда переводят с французского как «законность» или «узаконенность». Но такой пе-

ревод не совсем точен, поскольку законность, понимаемая как действие через закон и в соответствии с ним, может быть присуща и нелегитимной власти [5, с. 126].

Кстати говоря, в современной политической практике перед субъектами политики нередко встает задача обоснования и легальности, и легитимности не только самих институтов власти или конкретных их руководителей, но и принимаемых решений. Нередко именно в непризнании за некоторыми из таких решений статуса легальных или легитимных и кроются причины падения рейтинга власти.

Согласно М. Веберу, никакое господство не могло удовлетвориться чистой покорностью, поэтому оно стремилось преобразовать дисциплину в привязанность к истине, которую оно представляет или претендует представлять.

Классическая модель легитимности в свое время также была предложена М. Вебером. В частности, он выделял три типа обеспечения легитимности:

1. *Традиционная легитимность* базируется на вере в обычаи, традиции и др. Власть вождей, монархов, основанная на престолонаследии и признании божественного характера монарха; власть опирается на традицию населения подчиняться.

Этот тип легитимности сохранился до нашего времени, хотя и заметно трансформировался. К примеру, традиционная легитимность королевской власти имеет место быть в ряде стран: Непал, Саудовская Аравия, Оман, Иордания, Кувейт и др.

В современных обществах (Япония, Англия) королевская власть сохранилась исключительно как дань традиции: институт монархии, сохраняя неотъемлемую часть менталитета, играет чисто символическую роль. В некоторых развитых государствах (Испания, Бельгия) институт монархии несет представительские и исполнительные функции (например, король Испании – верховный главнокомандующий).

2. *Харизматическая легитимность* реализуется в тех случаях, власть на себя берет личность, исключительно одаренная и притягательная. «Божественный дар» (Будда, Моисей, Магомет), характеризуется абсолютным доверием населения к лидеру в силу его выдающихся качеств, возникает в переходных и нестабильных обществах.

Понятие «харизма» М. Вебер позаимствовал у теолога Р. Зона, отсюда оно имеет религиозный характер. До настоящего времени термин «харизма» не имеет четкого содержания. Его трактовка очень широка: от культа личности (например, И.В. Сталина в СССР) до носителей харизматической власти (бывшего лидера Ирана аятоллы Хомейни). Кроме Хомейни в числе современных лидеров харизматического типа можно назвать М. Ганди (индийский политический и общественный деятель)

и Ататюрка (Османский и турецкий государственный и политический деятель, военачальник).

3. *Легальная (рационально-легальная) легитимность* основывается на следовании букве закона и признании эффективными механизмов властвования, прописанных в законодательстве. Основана на вере в правильность и обязательность формальных правил, по которым формируется власть: свобода выбора, верховенство закона, равная ответственность власти и граждан перед законом; характерна для демократических стран.

Примечательно, что веберовский тип рациональной легитимности распространяется на развитые плюралистические демократии, в которых власть признается большинством населения легитимной на свободных выборах в течение уже довольно длительного времени. Таких государств примерно 35: страны Западной Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии и др. Но на практике рационально-легальная легитимность трансформировалась в смешанную: *легально-рационально-бюрократическую*. При этом политические режимы могут как иметь высокую легитимность, так и вообще быть ее лишены.

Наряду с ними есть *авторитарно-бюрократические* режимы, где во главе стоят либо военные, либо гражданские правительства. Это, к примеру, государства Латинской Америки, уровень легитимности в которых заметно снижен.

Отметим, что за пределы классической теории легитимности М. Вебера выходят *тоталитарные режимы*. В общепринятом смысле они не являются легитимными. Об их легитимности можно говорить только относительно уровня правящей элиты. Особенность тоталитарного режима в том, что правящий класс, исходя из своих интересов и ценностей и обладая всеми ресурсами, навязывает нормы и стандарты жизни всему обществу.

В то же время, как показала практика, тоталитарные режимы, будучи нелегитимными, в некоторых случаях оказываются достаточно эффективными (например, в СССР и странах Восточной Европы, составлявших так называемый социалистический лагерь).

Как видим, современная политическая практика (особенно XX–XXI вв.) заметно расходится с идеальными типами легитимности М. Вебер [3, с. 130–133].

Целесообразным представляется вспомнить, насколько непростым был процесс легитимации власти в новой России после развала Советского Союза. Принятие необходимых в новых условиях нормативных актов (прежде всего Конституции) затягивалось, что привело к политическому кризису. Возникла ситуация, когда формальная законность (легальность) и легитимность не только не совпадали, но по некоторым пунктам находились в конфликте между собой. Особенно остро это проявилось в сентябре-октябре 1993 года во время противостояния между президентом Б. Ельциным и большинством Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ.

Это было сложное для нашей страны время (и в экономическом смысле, и в политическом), когда Конституция РСФСР уже фактически не действовала, а новой Конституции России еще не было. На момент кризиса в нашей стране не было механизма разрешения споров конституционным способом.

Конституция, которую так рьяно защищала оппозиция, по рукам и ногам связала Б. Ельцина. Поэтому у него был один выход: изменить закон, если понадобится – силой. Конфликт перешел в фазу крайнего обострения 21 сентября 1993 года, после знаменитого указа № 1400, в котором Б. Ельцин временно прекращал полномочия Съезда и Верховного Совета. В ночь на 4 октября президент принимает решение о штурме Верховного Совета с использованием бронетехники.

Представляется, что если бы к тому времени (сентябрь-октябрь 1993 г.) в стране уже была новая Конституция России, то и этого кризиса не было бы вовсе или же он был бы разрешен без кровопролития. Как раз отсутствие механизма разрешения споров между ветвями власти сыграло роковую роль в трагических октябрьских событиях 1993 года, когда погибло довольно много человек. Поскольку данные по оценке жертв в результате этих событий в разных источниках сильно разнятся, поэтому мы их вообще не приводим – Н.П. При этом обращаем внимание на то, что эти трагические события нашли отражение в романе Ю.В. Бондарева «Бермудский треугольник». В основе этого романа лежит социальная проблематика. Взаимоотношения человека и власти, разрушительное воздействие власти на личность, получившего ее, новая для людей философия денег, когда ради прибыли переступают через все моральные и нравственные нормы.

Уроки данного кризиса, закончившегося кровопролитием, были в какой-то мере учтены в новой Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года.

Имеет смысл обратить внимание на современные интерпретации легитимности. Современные авторы говорят о двух основных понятиях легитимности: *нормативном* и *дескриптивном*.

Основой *нормативного* понимания легитимности является соответствие политического порядка ценностям справедливости и общего блага. В противоположность ему *дескриптивное* понятие легитимности исходит из фактического положения дел: считают ли граждане данный политический порядок оправданным и соответственно ли ему действуют.

Американский политолог Д. Истон выделяет три типа легитимности по источникам поддержки политического режима:

а) *идеологическая легитимность*, когда население выражает моральную убежденность в справедливости существующего порядка;

б) *структурная легитимность*, когда население привержено нормам и процедурам, с помощью которых принимаются решения в обществе;

в) *персональная легитимность*, когда население верит в личные качества политического лидера.

Можно привести интересные данные. Так, в 2004 году в 12 странах мира было проведено исследование, по результатам которого считают режим нелегитимным 3 % немцев, 7 % канадцев, 9 % американцев, 10 % австралийцев. Как видим, процент довольно небольшой.

В то же время есть ряд стран, в которых налицо признаки исчезновения легитимности. Например, доля граждан, воспринимающих режим как нелегитимный, в Великобритании – 24 %, во Франции – 26 %, в Индии – 41 % [3, с. 134].

Ученые выделяют ряд признаков падения легитимности власти:

1. Рост степени принуждения.
2. Ограничение прав и свобод личности.
3. Запрещение политических партий и движений и независимой прессы.
4. Рост коррумпированности всех инструментов власти, их сращивание с криминальными структурами.
5. Низкая экономическая эффективность власти (наиболее существенный показатель).

Можно утверждать, что во многом именно экономическая неэффективность привела к падению коммунистические режимы в странах Восточной Европы и СССР.

Есть и обратные примеры, когда экономический рост, ликвидирующий нищету, открывает широкие возможности для согласия и преодоления конфликтов в обществе, возникавших вследствие высокой степени социального неравенства. В итоге это приводит к расширению границ и уровня легитимности, что показывает опыт Южной Кореи, Сингапура, Тайваня [3, с. 135].

Данная статья, конечно, не дает более-менее полного представления о таком феномене общественной жизни как является власть. Автор и не ставил перед собой такую задачу, что и было подчеркнуто в самом названии – показать некоторые грани этого важного, сложного и многогранного феномена.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М. : Новая Волна, 1997. – 63 с.
2. Краткая философская энциклопедия. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с.
3. Мухаев Р. Т. Политология : учебник / Р. Т. Мухаев. – М. : Проспект, 2015. – С. 129.
4. Политология. Краткий словарь. – Ростов н/Д. : Феникс, 2001. – 448 с. – (Словарь XXI века).
5. Пугачев В. П. Введение в политологию : учебник / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – 5-е изд. перераб. – М., 2015. – С. 126.
6. Словарь философских терминов / научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2005. – Т. XVI. – 731 с. – (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).

7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
8. Тощенко Ж. Т. Три особенных лица власти: Социологические заметки / Ж. Т. Тощенко. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. – С. 36–37.
9. Режим доступа: https://vuzlit.ru/1323133/sistema_sderzhek_protivovesov, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Режим доступа: [gufo.me>dict/bse/Публичная_власть](https://gufo.me/dict/bse/Публичная_власть), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Режим доступа: <https://restra.net/single-post/publicznaia-vlast-novoe-ponyatie-v-konstituciyu-chto-eto-znachit>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

НООСФЕРА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Таирова Шахноза Собирджоновна, магистрант
Астраханский государственный университет
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: tairova.shaxnoza@mail.ru

Статья посвящена анализу сравнительно нового глобального проекта под названием ноосфера. Концепция ноосферы рассматривается здесь с позиций геополитики и представляется как один из возможных типов цивилизационного развития. В статье проводится краткий разбор таких понятий как «цивилизация» и «ноосфера». Выделены основные черты, сближающие концепцию многополярности с ноосферой. Также в работе подводятся некоторые итоги, позволяющие ответить на вопрос «Возможен ли переход на новый цивилизационный тип?»

Ключевые слова: ноосфера, многополярность, цивилизация, глобальный проект, концепция, универсализм, интеграция, развитие, миросистема

NOOSPHERE AS A GLOBAL PROJECT OF MODERN CIVILIZATION DEVELOPMENT

Tairova Shakhnoza S., graduate student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: tairova.shaxnoza@mail.ru

The article is devoted to the analysis of a relatively new global project called the noosphere. The concept of the noosphere is considered from the perspective of geopolitics and is presented as one of the possible types of civilizational development. The article provides a brief analysis of such concepts as “civilization” and “noosphere”. The main features that bring the concept of multipolarity to the

noosphere are highlighted. Also, some results are summarized in the work, allowing to answer the question “Is it possible to switch to a new civilization type?”

Keywords: noosphere, multipolarity, civilization, global project, concept, universalism, integration, development, world system

Цивилизация – понятие сложное и многогранное. Каждый период истории жизни человечества так или иначе символизируется с определенным типом цивилизации. Принято считать, что впервые термин «цивилизация» был употреблен во французской литературе в 1757 г., а в английской в 1772-м. Этот термин, в соответствии с этимологией (от латинского *civilis* – воспитанный, гражданский, государственный, а также нечто достойное гражданина, подобающее гражданину), означал общий высокий уровень общественного и культурного развития. В этом смысле данное понятие начинает широко использоваться во Франции и Англии со второй четверти, а в России с третьей четверти XIX в. [7, с. 155]. Российский исследователь Ф.В. Лазарев назвал цивилизация «второй реальностью, сотворенной руками человека» [3, с. 288].

Развитие цивилизаций прошлого и настоящего происходило по различным сценариям. В этом смысле вполне целесообразно разделить такие понятия, как «старая» и «новая» цивилизация. Различный характер прогресса служит важнейшим разграничителем этих двух, казалось, смежных понятий. Процесс развития цивилизаций «прошлого» имел дифференциационную, т.е., разграничительную составляющую, где каждая цивилизация развивалась в отрыве от соседних. Историческая хронология проходила через конкретные цивилизационные ойкумены. Картина несколько изменилась после наступления эпохи великих географических открытий, давшей начало новому типу развития - интеграционному. Однако интеграционный характер цивилизационного развития сложился не сразу, а только после кровопролитных войн (достаточно вспомнить столкновение Старого и Нового Света). Поэтому цивилизацию можно сравнить с живым организмом – ей также свойственны процессы рождения, развития и угасания. Мы видим, что процесс и ход цивилизационного развития трансформируется вместе с человечеством, а значит приобретает универалистские черты, которых не было ранее. (Например, все более выраженное размежевание границ, глобализм, развитие дипломатических отношений и интеграции). Нельзя забывать о том, что универсализм цивилизационного развития возник как ответ на глобальные проблемы, вставшие на обозрение лишь во второй половине XX столетия. Сегодня, в веке XXI, он напрямую связан с проблемой выживания человечества, ведь масштаб и характер глобальных изменений, сопровождающийся нарастанием отрицательных эффектов в био-, социо- и антропосфере заметно возрос и стал во многом угрожающим [5, с. 3].

Еще одной важной причиной универсализма современного цивилизационного развития можно назвать наступление космической эры. Науч-

но-технический прогресс углубил производительную деятельность человечества и постепенно начал приобретать общепланетарный масштаб. Однако профессор О.С. Анисимов считает, что современное цивилизационное развитие произошло при сохранении на Земле противоречий и цивилизационного противостояния, наличии «холодной» войны, победы в ней агрессивных сил, дополненной выделением роли Китая и ряда стран Востока, резкой активизации терроризма и сохранении инерции экологических проблем при продолжении эгоцентрического главенства спекулятивной экономики Запада, особенно финансового капитала [1, с. 101]. Глядя на современную ситуацию в мире можно говорить о поэтапном становлении эпохи глобализма, однако, на этом пути встречаются препятствия. Так например, резкая дифференциация «Юга и Севера» является одной из главных проблем здорового развития глобализма. Пробел между богатым Севером и бедным Югом постепенно начал формироваться в эпоху, когда европейские страны предпринимали первые шаги в промышленной революции. С течением времени дифференциация между Севером и Югом только возрастала. Разрыв «Север-Юг» способствует возникновению других глобальных проблем, таких как (бедность, массовая эмиграция, безработица в странах третьего мира). Среднедушевые доходы в 20 наиболее богатых странах мира в 37 раз превышают соответствующий показатель в 20 беднейших странах, причем за последние 40 лет этот разрыв удвоился. По оценкам аналитиков Программы развития ООН, на начало XXI в. совокупное богатство 225 богатейших людей планеты превышало 1 трлн долларов, что равнялось ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих 47 % населения мира. Цифры показывают широту проблемы острой дифференциации. Универсализация цивилизации, или, проще говоря, глобализация, требует целостности, индивидуализм в подобной мир-системе уступает место всесторонности. Сравнительно до недавнего времени, универсализм общемировой цивилизации оставался вопросом малоизученным. Но в начале XX века французские ученые и просветители Э. Леруа и Т. де Шарден впервые предложили ввести в науку понятие «ноосфера», позволившее заменить сложное словосочетание более коротким и вместительным определением. Слово «ноосфера» состоит из двух греческих слов, означающих разум и шар (дословно «сфера разума») [8, с. 22]. Э. Леруа трактовал ноосферу как «мыслящую» оболочку, формирующуюся человеческим сознанием. Заслуга в разработке и усовершенствовании идеи ноосферы принадлежит российскому ученому-естествоиспытателю В.И. Вернадскому, который впервые обосновал идею о том, что человечество стало самостоятельной геологической силой, влияние которой на перемещение элементов в геологических оболочках Земли огромно. Ноосфера не признана отдельным направлением цивилизационного развития, однако это продуманный проект, осуществление которого должно произойти благодаря «общемировой консолидации». Так может ли концепция

ноосферы, предложенная учеными еще в начале XX века стать основой для современного цивилизационного развития? И можно ли связать концепцию ноосферы с идеей многополярности?

Чтобы разобраться в концепции многополюсного мира нужно обратиться к геополитике – науке, ориентированной на мысли о контроле территорий и распределением сфер влияния, которая едва ли переплетается с понятием ноосферы. Несмотря на это, обе сферы мысли схожи тем, что рассматривают взаимодействие социума и природы (геополитика с уклоном на географический сегмент, а ноосфера на биолого-геологический). При всем этом следует учесть разноплановость этих направлений. Геополитике важно изучение основных механизмов контроля над территорией, которые, преимущественно, не выходят за рамки формальной логики. Взаимодействие между основными акторами в геополитике построены на бинарных принципах «истина»-«ложь», «выгода»-«убыток». В концепции ноосферы не ставится подобных задач. Однако идея многополярности, зародившаяся, как известно в рамках геополитики, выходит за рамки бинарных логических принципов, приближаясь тем самым, к концепции ноосферы. Первая их схожесть заключается в глобалистском рассмотрении истории развития цивилизации. Разобщенности и индивидуализма нет как в концепции ноосферы, так и в идее многополюсного мира (т.е. все государства мира в той или иной степени вовлечены в ту или иную цивилизацию). Вторая схожесть заключается в идее взаимосвязи, взаимодействии разных полюсов силы. Все это делает многополюсную систему мира одной из основных справедливых и гармоничных концепций мироустройства. Универсализм и всеобщность, заложенные в основе идеи многополярности, сближают ее с ноосферной концепцией. Исходя из всего общего, что имеют эти модели развития, можем ли мы говорить о том, что ноосфера - это многополярность?

Многополярность, скорее мост, через который можно подойти к современному проекту ноосферного развития цивилизации. Это, пожалуй, один из самых важных компонентов, без которого построение ноосферного общества невозможно. Для эффективного укоренения основных идей ноосферы в массы необходима специальная подготовка, которая смогла бы помочь людям расширить горизонты видения и выйти за пределы бинарной логики. Возможно ли построение ноосферы прямо сейчас? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо обратиться к современной картине мира и попытаться взвесить ключевые плюсы и минусы развития. Для начала выделим несколько острых проблем:

Первая проблема. Неравенство. 28 мая 2020 г. в США начались массовые волнения и беспорядки, развернувшиеся на фоне убийства чернокожего мужчины в Миннеаполисе [2]. Спустя несколько дней беспорядки всколыхнули еще десяток американских городов. Мятежи вызваны массовой сегрегацией в США по отношению к этническим группам населения. Пример демонстрирует неразрешенность многовековой проблемы неравенства.

Вторая проблема. Новая геополитическая напряженность, угроза термоядерной войны, а также распространение ядерных технологий. Отказ от ядерного арсенала неоднократно обсуждался мировым сообществом, однако, ядерное оружие, к сожалению, до сих пор воспринимается как ключевой компонент суверенитета. 20 сентября 2017 года произошло исторически важное событие – подписание Договора о запрещении ядерного оружия. Соглашение было подписано 122 государствами – членами ООН, однако важнейшие участники договора (имеются ввиду страны – участницы ядерного клуба), проигнорировали это событие, ссылаясь на то, что подписание договора идет вразрез с их национальными интересами [6, с. 3]. Очевидно, отказ от подписания договора о запрещении ядерного оружия говорит о международном недоверии и о военизированной политике, которые лишь усугубляют дифференциацию и дистанцируют государства друг от друга, создавая бессмысленную иллюзию разобщенности.

Третья проблема. Колоссальный разрыв в развитии между бедными и богатыми странами. К одним из важнейших причин запоздалости развития «стран третьего мира» можно отнести автоматизацию и компьютеризацию. Несмотря на перспективность развития новых технологий, последствия технического прогресса могут быть негативными. Согласно подсчетам, более 57 % существующих рабочих мест в развитых странах будут замещены роботами в течение двух поколений. Безусловно, будут появляться новые рабочие места, однако они станут более низкооплачиваемыми. Для преодоления проблемы растущего неравенства экспертами было предложено введение универсального базового дохода, который позволил бы снизить смягчить негативные последствия автоматизации [4].

Неконтролируемый уровень миграции и роста населения свободно можно отнести к очередной причине растущего разрыва между богатыми и бедными регионами. Проблема миграции представляется общемировой, так как зародившись в преимущественно неблагополучных регионах она медленно перетекает в благополучные и развитые государства Европы и Северной Америки. Растущий миграционный поток можно контролировать, но невозможно искоренить [4]. Отсюда возникает постоянная необходимость регулирования ситуации растущей демографии. Сохранение миграционной проблемы влечет за собой прогрессирующую угрозу растущего недовольства, внутри государств, непосредственно столкнувшихся с этой проблемой.

Эти и многие другие глобальные вопросы требуют более глубокого и детального анализа, однако одно их существование наглядно демонстрирует неготовность перехода к ноосфере. Как говорилось ранее, многополярность (если рассматривать геополитический сегмент ноосферы), есть первый ключ на пути к построению ноосферной цивилизации. Однако существующая дихотомия международных отношений, не дает права утверждать о том, что многополярный мир (в его полнейшем проявлении) сейчас возможен. Сегрегация существовала всегда, и с течением времени

заметно трансформировалась (достаточно вспомнить первобытный трайбализм и современную систему биполярного мира). Но разделение, несмотря на его грандиозное расширение, в глубине так и осталось обыкновенным и наипростейшим способом укрепить свою значимость. Таким образом, человечество, с его многомиллионной историей, развивалось опираясь на вопросы «Кто богаче, сильнее или влиятельнее». Похожая тенденция, несмотря на многочисленные заверения экспертов о наступившей многополярности, наблюдается до сих пор. На данном этапе она эффективно «завуалирована», но негласная борьба продолжается, приобретая формы торгово-экономического соперничества. Примечательно, что подобная ситуация «вечной конкуренции» не представляется нам чем-то далеким, совсем наоборот. Многополярность с его несколько утопической идеей равенства, к сожалению, кажется идеей более далекой от современных реалий, однако нельзя застревать на древних архаичных системах и полностью исключать вероятность наступления нового, более гармоничного сообщества. Нельзя также забывать о том, что международные отношения – это некое подобие живого организма, способного с течением времени изменяться и, соответственно, приобретать новые формы.

Список литературы

1. Анисимов О. С. Идея ноосферы и перспектива мирового проекта: цивилизационный подход / О. С. Анисимов, С. Н. Глазачев, О. С. Глазачев // Вестник Международной академии наук. Русская секция. – 2018. – С. 101.
2. Информационное агентство 1 канал. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2020-05-28/386710v_ssha_protesty_iz_za_gibeli_afroamerikantsa_pererosli_v_massovye_bespooryadki_i_pogromy, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Лазарев Ф. В. Ноосфера как планетарная реальность и глобальный проект цивилизационного развития / Ф. В. Лазарев // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2008. – С. 288.
4. Материалы из XIV ежегодного заседания клуба «Валдай». Сессия «Конфликт богатых и бедных». 17.10.2017 – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/konflikt-bogatykh-i-bednykh-sessiya-2/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Ноосферный проект социоприродной эволюции: поиск алгоритмов устойчивости : коллективная монография. – Донецк, 2014. – С. 3.
6. Оскольская Д. И. Ядерное оружие как угроза глобальной безопасности в начале 21 века / Д. И. Оскольская // Архонт. – 2018. – № 2 (5). – С. 3.
7. Павленко Ю. В. Цивилизационное развитие человечества как целостный процесс / Ю. В. Павленко // Философия и общество. – 1998. – № 3. – С. 155.
8. Таирова Ш. С. Концепция ноосферы в системе двух цивилизационных типов: евразийство – атлантизм / Ш. С. Таирова // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – 2019. – Т. 17. – С. 22.

Трибуна молодого ученого

ПРОБЛЕМЫ МИРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Хван Ирина Иосифовна, студентка
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Аннотация. В данной статье рассматриваются сложные проблемы, которые стоят на пути к мирному объединению Корейского полуострова, и возможные способы их преодоления. В статье говорится о цене и возможных последствиях создания единой Кореи, о прогнозах и сценариях достижения объединения. Приводятся данные социологических опросов южнокорейского общества на тему объединения. Освещаются и оцениваются позиции региональных держав на проблему объединения КНДР и Республики Корея.

Ключевые слова: объединение Кореи, корейский вопрос, Южная Корея, Северная Корея, проблемы объединения

PROBLEMS OF PEACEFUL UNIFICATION OF THE KOREAN PENINSULA

Khvan Irina I., student
Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

Annotation. The article discusses the complex problems that stand in the way of the peaceful unification of the Korean Peninsula, and possible ways to overcome them. The article talks about the price and possible consequences of creating a united Korea, about forecasts and scenarios for achieving a unification. The data of sociological surveys of South Korean society on the topic of unification are presented. The positions of regional powers on the unification of the DPRK and the Republic of Korea are highlighted and evaluated.

Keywords: unification of Korea, the Korean question, South Korea, North Korea, problems of unification

В 1945 году Корейской полуостров был освобожден от японской оккупации, и при этом искусственно поделен по тридцать восьмой параллели. Прошло более семидесяти лет с момента разделения на Северную и Южную Корею, но до сих пор власти двух суверенных

государств не могут прийти к обоюдному соглашению о воссоединении Корейского полуострова.

Северную Корею не устраивает нахождение на территории Южной Кореи военного контингента США, поэтому не начинает денуклеаризацию, а Юг не выводит американские базы из-за наличия у КНДР ядерного оружия. Так стороны не могут прийти к компромиссному решению проблемы, но, несмотря на это, урегулирование проблемы остается в интересах Северной и Южной Кореи, а также всего мирового сообщества [6].

Эксперты, оценивая перспективы объединения КНДР и Республики Кореи, опираются на многочисленные проблемы, которые встанут на пути. Исследователи подчеркивают дороговизну модернизации КНДР к уровню Южной Кореи и время, которое потребуется для адаптации принятых решений. При этом отмечают еще недостаточный экономический потенциал Южной Кореи, ведь именно она станет основным источником бюджета для объединения.

Проблемы мирного объединения КНДР и Республики Кореи хорошо представлен в совместном труде В.В. Михеева и А.Н. Федоровского «Объединение Кореи: возможные вызовы и «ловушки». Авторы считают наиболее приемлемым вариантом объединения интеграцию двух государств на принципах рыночной дипломатии, верховенства права, свободы и базовых ценностей, то есть по южнокорейскому пути.

Другие варианты объединенной Кореи при сохранении политического режима и самостоятельности Северной Кореи в формате конфедерации включают в себя множество стратегических уловок. Так как не гарантирует устранение нынешних политико-идеологических, ядерных и военных угроз безопасности для всего мира, а также КНДР может дестабилизировать обстановку, получив доступ к богатствам Южной Кореи [4, с. 7].

Особенная трудность состоит в том, что путь к рыночным отношениям, демократии и открытости необходимо провести в очень закрытой стране – Северной Корее.

Была высказана предположительная дата объединения Кореи. Профессор Г.Н. Ким в своих очерках приводит мнение, что возможно объединение будет достигнуто в пределах 10–20 лет, но чем дальше отодвигаются сроки объединения, тем больше финансов нужно будет в него вложить.

Объединение Кореи будет очень затратным для Южной Кореи, являющейся основным источником бюджета, главными статьями расходов станут: модернизация северокорейской экономики, обучение и подготовка северокорейских кадров, административная и государственная реструктуризация объединенной Кореи, адаптация населения Северной Кореи к новым условиям жизни, а также внешний долг КНДР.

Г.Н. Ким приводит различные мнения в оценке предстоящей стоимости объединения, они варьируются от минимума 50 миллиардов до 5 триллионов долларов США [3, с. 179–180].

Расходы на объединение станут тяжелым бременем для экономики Южной Кореи, ее гражданам придется платить в течение долгого времени дополнительные налоги, которые пойдут на модернизацию Северной Кореи. Осознание дополнительных затрат не вызывает у южнокорейцев энтузиазма объединения, ведь их стабильная жизнь может столкнуться с множеством трудностей.

Но даже после объединения между двумя частями Корейского полуострова останутся существенные различия в экономическом и социальном планах, властям надо будет тщательно продумать способы обеспечения поддержания стабильности в стране без каких-либо потрясений [3, с. 181].

В совместной работе двух исследователей А.Б. Волынчука и Ю.В. Андреевой, проанализировав уровень геополитического потенциала стран Корейского полуострова, эксперты считают желаемый северокорейской стороной вариант насильственного объединения на основе социалистической идеологии невозможным сценарием объединения. Неравенство сил между Северной и Южной Кореями не позволяют реализовать этот план, так как коммунистическая модель экономики недееспособна в современных условиях. Также мешает сближению Севера и Юга существующий тоталитарный режим в КНДР. Север не располагает политическим, экономическим, кадровым и организационным потенциалом, чтобы возглавить объединение полуострова по собственному проекту. В стране отсутствуют рычаги для модернизации.

Авторы считают, нужно опираться на южнокорейский сценарий объединения, при котором сначала нужно сделать шаги к экономической интеграции полуострова. Модернизируя экономику Северной Кореи и приближая ее экономические показатели к южнокорейскому уровню, властям будет легче добиться объединения [1, с. 39–40].

Межкорейские отношения отмечены дезинтеграцией ценностей, с момента разделения Кореи прошло более семидесяти лет, за это время у когда-то единого народа осталось мало общего, поменялись культура, менталитет, восприятие мира.

Социальные и психологические проблемы воссоединения Корейского полуострова были изучены американскими востоковедами: Ким Джиюн, Карл Фрейдхов, Кан Чанг Ку, Ли Ючоль. В Азиатском отчете общественного мнения авторы утверждают, что проблема объединения заключается не только в экономическом разрыве между странами, но и в разрыве политических и общественных ценностей и взглядов общества. Южнокорейцам придется нести дополнительное финансовое бремя во благо объединения. В предстоящие годы отношение нынешней молодежи может представлять все большую проблему для политики объединения. Со временем исчезают взгляды на необходимость объединения среди подрастающего поколения, на чьи плечи в основном будет возложен финансовый груз [10, с. 22].

Согласно опросу, проведенному министерством образования и министерством объединения Южной Кореи осенью 2019 года, 55,5 процентов респондентов заявили о необходимости воссоединения Кореи, что на 7,5 процента меньше, чем годом ранее. Приблизительно 19,4 процента сказали, что воссоединение ненужно.

Большинство студентов (58,8 процента) воспринимают Северную Корею негативно, ассоциируя ее с войной, милитаризмом и диктатурой. Меньшее количество студентов (43,8 процента) считают, что Северная Корея является страной, с которой Южная Корея должна сотрудничать, что на 7 процентов меньше по сравнению с результатами опроса 2018 года [8].

Хотя, как и прежде, идея объединения имеет сильную эмоциональную привлекательность среди южнокорейцев, их энтузиазм перед объединением полуострова постепенно снижается, причиной этому можно считать предполагаемое финансовое бремя для Республики Корея, учитывая временные и ценовые показатели.

Хотя больше половины южнокорейцев выступают за объединение Кореи, но выбирая между экономикой и воссоединением с Северной Кореей, восемь из десяти респондентов отдают предпочтение экономике, а не воссоединению с Северной Кореей, согласно опросу, проведенному Корейским институтом здравоохранения и социальных дел в июне-сентябре 2018 года [11].

Еще одной проблемой в объединении Корейского полуострова является вопрос причастности и ответственности других государств в решении данной проблемы. Объединение Кореи затрагивает принципиальные интересы нескольких сверхдержав, таких как Китай, Японию, США и Россию.

Одним из главных внешних игроков на Корейском полуострове является США: его военный контингент присутствует в Южной Корее, подавляя агрессивные настроения со стороны Севера и набирающее обороты влияние Китая. Внешняя политика, которой руководствуется КНДР, опасна и непредсказуема, также владение ядерным оружием дают предлог США вмешиваться в дела полуострова и сохранять там военные базы. Если Кореи объединятся, США будет трудно поддерживать военное присутствие в Южной Корее, и она может выйти из сферы влияния США, чего крайне не желают американцы [5].

Япония крайне не заинтересована в появлении объединенной Кореи, есть вероятность, что она станет союзником Китая, что осложнит отношения в регионе. К тому же Японии не выгодно увеличение экономической мощи объединенной Кореи, пусть и не сразу. Несомненно, устранение северокорейской угрозы приветствуется в Японии, но маловероятно, что КНДР полностью откажется от ядерного оружия, таким образом, сохраняется ядерная угроза для Японии [7].

Китаю выгодна нормализация отношений на Корейском

полуострове, но он с осторожностью относится к объединению Кореи, так как существует возможность, что за объединенной Кореей останется ядерный статус и КНДР перейдет в лагерь США. Все время существования КНДР Китай расценивал ее в качестве своего партнера и как некий территориальный буфер против американских войск, дислоцированных на территории Южной Кореи. Китай выступает за безъядерный статус Корейского полуострова [7].

Но с другой стороны Китаю выгодно объединение Кореи при условии вывода американских войск с территории Южной Кореи. Американская военная база в Южной Корее предназначена предотвращать постоянное напряжение и угрозу со стороны Северной Кореи. После объединения Кореи исчезнет необходимость пребывания американского контингента на корейском полуострове. Также удастся приостановить процесс военизации Японии, ослабить американское влияние в СВА. Также выступая сейчас за объединение Кореи, Китаю в будущем столкнется с меньшим количеством преград при решении вопроса о присоединении Тайваня [2, с. 110].

Россия выступает за объединение разделенного корейского народа, но опасается возможного приближения к российской границе американских военных баз при сохранении американского влияния на территории объединенной Кореи. Хотя урегулирование корейского вопроса происходит без существенного участия России, но, восстановив значимость в регионе, в долгосрочной перспективе она может вынести большую экономическую выгоду [7].

Предполагается, что в будущем сеть объединенных корейских железных дорог может быть связана с Транссибирской железнодорожной системой, что предоставит возможность железнодорожного сообщения между Корейским полуостровом и Европой. Также расширяя экономическое партнерство с Корейским полуостровом, Россия сможет реализовать крупный проект – транснациональный нефте- и газопровод для снабжения Кореи и Японии [9, с. 13–14].

Проблема объединения Кореи осложняется тем, что корейский полуостров зависим от внешних игроков на полуострове, чьи интересы и позиции в корне разнятся друг от друга. Будет сложно прийти к одному варианту объединения без дополнительных условий, так как неизвестно к какому политическому лагерю в конечном итоге присоединится объединенная Корея. Никому не выгодно отпустить из своего влияния как КНДР, так и Республику Корею. Они не могут самостоятельно объединиться без одобрения или помощи внешнего мира.

Таким образом, можно сделать выводы, что основными проблемами объединения Корейского полуострова являются высокая финансовая стоимость, считается, что Южная Корея еще не имеет достаточный финансовый потенциал, чтобы стать предводителем объединения, она не

сможет поддерживать достигнутый уровень жизни при воссоединении с Севером, а также ослабевающая этническая связь между обществами КНДР и Республики Кореи, молодое южнокорейское поколение не ощущает особого родства с северокорейцами и большинство считает, что нет необходимости объединяться.

Изучая вопрос препятствий на пути к объединению, выделяются следующие проблемы: социокультурная дезинтеграция Севера и Юга, вопрос причастности и ответственности других государств, разница в политической и экономической системах двух стран, военное присутствие США на полуострове, ядерные разработки КНДР.

Список литературы

1. Волынчук А. В. Проблемы и перспективы объединения стран Корейского полуострова: опыт геополитической экспертизы / А. В. Волынчук, Ю. В. Андреева // Вестник Челябинского государственного университета. Политика и политические науки. – 2013. – № 14. – С. 35–41.
2. Кан Д. С. Почему Китай будет поддерживать объединение Кореи под эгидой Южной Кореи? / Д. С. Кан // Актуальные проблемы политики. – 2016. – № 58. – С. 106–115.
3. Ким Г. Н. Объединение Кореи неизбежно / Г. Н. Ким. – Сеул : Изд-во UKGO, 2014. – 212 с.
4. Михеев В. В. Объединение Кореи: возможные вызовы и «ловушки» / В. В. Михеев, А. Н. Федоровский. – М. : ИМЭМО РАН, 2016. – 33 с.
5. Половина Е. В. Нужна ли США объединенная Корея: политика Вашингтона на Корейском полуострове / Е. В. Половина // Политика, государство и право. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2014/06/1681>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 10.04.2020).
6. Смирнова Н. С. Проблемы объединения Кореи на современном этапе: взгляд российских и американских исследователей / Н. С. Смирнова // Молодой ученый. – 2018. – № 28 (214). – С. 71–77.
7. Смотряев М. Почему объединение Северной и Южной Кореи не выгодно никому / М. Смотряев. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/43829041>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 20.04.2020).
8. Fewer students think Korean unification needed: survey. – Режим доступа: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200211000731>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 17.04.2020).
9. Goghlan D. Prospects from Korean reunification / D. Goghlan. – Carlisle, PA : Strategic Studies Institute, U. S. Army War College, 2008. – P. 29.
10. Kim Jiyeon. Attitudes toward North Korea and Reunification / Kim Jiyeon, K. Friedhoff, Kang Chungku, Lee Euicheol. – Seoul : ASAN Public Opinion Report, 2015. – P. 27.
11. 8 in 10 Koreans prioritize economy over reunification: survey. – Режим доступа: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190607000402>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 15.04.2020).

ПОЛИТИКА КНР В БОРЬБЕ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ СЕПАРАТИЗМА

Шахаева М.Г., студентка

Астраханский государственный университет

414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: madina.shakhaeva63@gmail.com

Аннотация. В статье проанализированы основные направления национальной политики КНР в области противодействия сепаратистским настроениям в целях сохранения целостности государства. На примере Синьцзян-Уйгурского и Тибетского автономных районов рассматриваются проявления сепаратизма, опыт и меры, предпринимаемые китайскими властями для борьбы с ними, дается оценка проводимой политики.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян, Тибет, сепаратизм, этнические меньшинства, национальная политика

POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AGAINST SEPARATISM

Shakhaeva M.G., student

Astrakhan State University

20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

Annotation. The article analyzes the main directions of the national policy of the People's Republic of China in the field of countering separatist sentiments in order to preserve the integrity of the state. Using the example of the Xinjiang Uyghur and Tibet Autonomous regions, we consider the manifestations of separatism, the experience and measures taken by the Chinese authorities to combat them, and assess the policy being implemented.

Keywords: China, Xinjiang, Tibet, separatism, ethnic minorities, national policy

Одной из основных проблем для внутренней политики Китая с момента его образования является развитие и распространение сепаратистских движений в отдельных автономных районах страны. В Китайской Народной Республике проживают 56 этнических групп, самой многочисленной из которых является народность хань, остальные же народности называют этническими меньшинствами. Тем самым КНР принято включать в число самых крупных полиэтнических государств современности. Основными причинами развития сепаратизма в районах выступают различия политических, религиозных и культурных интересов групп этнических меньшинств.

В настоящее время основными центрами сепаратизма на материковом Китае являются Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР)

и Тибетский автономный район (ТАР). Данные территории имеют важное геостратегическое положение, так как они граничат с государствами Центральной и Южной Азии, тем самым обеспечивая доступ к экономическим рынкам этих стран [7, с. 116]. Однако их приграничное расположение и полиэтнический состав являются одними из коренных предпосылок возникновения и распространения сепаратистских настроений, образования политических организаций, чья деятельность направлена на расширение прав автономных районов и даже обретение независимости от Китайской Народной Республики.

Наиболее проблемной и опасной территорией Китая, где активно действуют сепаратисты, является Синьцзян-Уйгурский автономный район. Конфликт носит как этнический, так и экстремистско-религиозный характер, корни которого уходят глубоко в историю. Уйгуры – древняя народность, которая населяет территорию современного Синьцзяна и проживает многочисленными диаспорами в государствах Центральной Азии, имеет опыт государственности. Так, в VIII в. был образован Уйгурский каганат – первое государственное образование уйгуров, просуществовавшее около столетия. Позднее уйгуры ещё несколько раз предпринимали попытки создания собственных этнических образований, однако они не отличались прочной государственностью и долголетием [2, с. 96]. В XVII в. уйгурами было образовано государство Восточный Туркестан, но уже в 1757–1759 гг. данные территории были завоеваны Китайской империей и переименованы в Синьцзян («новая граница»). В 1955 г. эти земли получили статус автономии, и Синьцзян был преобразован в Синьцзян-Уйгурский автономный район. С помощью предпринятых мер не удалось полностью решить национальный вопрос на северо-западе Китая, где и в настоящее время присутствуют сепаратистские настроения. Их активизация была вызвана распадом Советского союза и примером обретения суверенитета и собственной государственности рядом народов Центральной Азии [6, с. 49].

Синьцзян – самый большой административный район Китая, занимающий 1/6 часть страны, богат минеральными ресурсами и стратегическим сырьём, на его территории проживают представители 47 национальностей. На конец 2017 г. численность населения СУАР превышала 24,45 млн человек, 45 % из которых составляют уйгуры, 40 % – ханьцы, а остальные – в основном тюркоязычные мусульмане: казахи, киргизы, узбеки и другие [9].

С момента присоединения к КНР в Синьцзяне произошло 15 крупномасштабных сепаратистских восстаний, причем все они имели религиозную окраску. К наиболее масштабным волнениям уйгуров следует отнести события июля 2009 г. в г. Урумчи (СУАР), в результате которых погибли 186 человек, более 1000 человек были ранены, 1400 человек арестованы [10].

Необходимо отметить и факт сильного влияния на коренное население района религиозных организаций. Они имеют сепаратистскую направленность и, контактируя между собою по поводу обретения суверенитета

СУАР, зачастую склоняются к принятию на вооружение террористических методов достижения поставленных целей.

Так, «Исламское движение Восточного Туркестана» является основной уйгурской сепаратистской организацией, пользующейся наибольшей поддержкой среди уйгуров. Основной целью организации является создание независимого исламского государства «Уйгурстан» на территориях Синьцзяна и граничащих с ним государств Центральной Азии, где присутствует многочисленная уйгурская диаспора (Казахстан, Киргизия, Узбекистан). Организация насчитывает до 600 боевиков, которые прошли подготовку в лагерях исламистов в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне. Структура организации представлена религиозно-политическим центром, центром оперативного управления, мобильными бандформированиями, подразделениями разведки и контрразведки, а также органами, отвечающими за пропаганду и материально-техническое обеспечение [3, с. 23].

Китай рассматривает проблему сепаратизма в Синьцзяне на основании двух аспектов: как проблему внутренней политики государства и как угрозу региональной безопасности Центральной Азии. Данная проблема освещается Пекином в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая была основана в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

В целях сдерживания «трёх сил зла» в 2001 г. по предложенной Китаем инициативе была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Взаимодействие между спецслужбами стран-участниц ШОС способствовало составлению списков террористических организаций и лиц, благодаря которым правительствам Казахстана и Киргизии удалось выдать Китаю ряд уйгурских боевиков.

В целях противодействия уйгурскому сепаратизму Китай последовательно реализует ряд эффективных мер. Так, после распада СССР китайскими властями были приняты превентивные меры для пресечения поддержки уйгурских сепаратистских объединений в Синьцзяне извне. В этих целях был усилен режим охраны границы с центральноазиатскими странами и ужесточен порядок въезда на территорию КНР.

В ходе переговоров с лидерами государств Центральной Азии китайская сторона получила заверения в том, что на территории этих стран запрещена деятельность сепаратистских организаций, направленная против КНР.

Путем использования информационных технологий Пекин ведет работу, связанную с показом всему миру негативного влияния уйгурского сепаратизма на другие страны. СМИ и центральные органы власти этих государств на постоянной основе снабжаются сведениями из Китая, приравнивающими уйгурские движения к терроризму и исламскому радикализму. Эта информация также содержит перспективы увеличения географии уйгурского сепаратизма, что приведет к дестабилизации обстановки в КНР.

Центральной властью Китая также проводится демографическая политика, направленная на ограничение рождаемости. Несмотря на то, что Китай отказался от политики «одна семья – один ребенок» в 2015 г., ограничения всё же сохранились, так, допустимое количество детей для любых семей не должно превышать 2. Так как данный процесс длится более 40 лет, то следует ожидать, что в перспективе этнические меньшинства Китая либо исчезнут, либо ассимилируются. Подобная демографическая политика поможет КНР в решении проблемы сепаратизма в Синьцзяне, а также минимизирует волнения малочисленных этносов на окраинах Китая.

Еще одним направлением политики противодействия силам «трёх зол» выступает развитие промышленного сектора и инфраструктуры СУАР, что ведет к притоку ханьцев в этом районе. Увеличение численности ханьцев «разбавляет» количество уйгуров и способствует снятию напряженности в Синьцзяне.

Еще одним очагом сепаратистских настроений в Китае является Тибетский автономный район (ТАР).

В течение продолжительного периода времени Тибет находился в вассальных отношениях с маньчжурской династией Цин, которая правила Китаем с XVII в. Лишь в 1913 г. Далай-лама XIII объявил Тибет независимым государством. Желая восстановить утерянную власть, Пекин в 1949 г. ввел войска в Тибет. В 1951 г. в силу вступило «Соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета», подписанное правительствами Китая и Тибета. Согласно данному соглашению Тибет приобретал региональную автономию в составе КНР. Однако в 1959 г. произошло восстание в Тибете, причиной которого стало недовольство жителей в связи с притоком китайских военных и гражданских лиц. Восстание было подавлено войсками НОАК, а духовный предводитель восставших Далай-лама покинул родину и по настоящее время живет за рубежом. В 1965 г. был создан Тибетский автономный район (ТАР).

В период «культурной революции» властями КНР применялись достаточно жесткие меры борьбы с сепаратизмом в Тибетском автономном районе, в результате чего культура Тибета была на грани исчезновения. Из 3000 тыс. монастырей удалось сохранить только 3, остальные же были разрушены и разграблены.

В настоящее время китайское правительство ввело ограничения, в соответствии с которыми каждый монастырь вправе иметь определенное число монахов. Данные меры приняты для нейтрализации сопротивления наиболее активной части населения на ранних этапах.

В 1996 г. центральными властями была развернута первая 100-дневная компания, в ходе которой были арестованы около 2000 тибетцев и 115 из них арестованы без суда, закрыты более 100 духовных школ, изъяты и сожжены свыше 500 тыс. экземпляров национальной литературы [6, с. 52].

Сегодня Пекин борется с экономическими причинами сепаратизма в ТАР путем развития инфраструктуры района, что, в свою очередь, ведет к повышению уровня жизни населения. Так, продолжительность жизни увеличилась почти вдвое – с 36 до 65 лет, была создана транспортная сеть в труднодоступные районы Тибета, построено свыше 500 ГЭС [5, с. 230].

Еще одним аспектом политики Китая, направленной на стабилизацию ситуации в ТАР, является осуществление на практике основных положений Конституции КНР. Принимая активное участие в выборах Собраний народных представителей, жители Тибета через своих депутатов участвуют в управлении делами государства и района. Причем основу «кадровой армии» составляют представители тибетской национальности и других этнических меньшинств, занимающие руководящие должности. На основании закона о национальной районной автономии Тибет обладает правом при реализации решений, постановлений и указаний вышестоящих органов поступать с учетом обстановки в своем районе.

Касаемо бежавшего за границу Далай-ламы Пекин высказывает свою позицию следующим образом: правительство КНР согласно возобновить переговоры по статусу ТАР только после признания им Тибета частью Китая и отказа от сепаратистской деятельности, а руководства страны – единственной законной властью.

В целом можно отметить, что Китай противодействует сепаратистской деятельности автономных районов путем их экономического развития и проведения религиозной политики.

Центральными властями Китая в 2000 г. был разработан проект освоения западных регионов КНР, рассчитанный на 50 лет, так как руководство осознавало, что недовольство населения уровнем жизни способствует развитию стремлений к большей независимости. Программа направлена на обеспечение социального прогресса и стабильности, увеличение финансирования Синьцзяна и Тибета. В 2013 г. Си Цзиньпином была выдвинута инициатива «Один пояс – один путь», в рамках которой Синьцзян будет ключевым транспортным узлом маршрута. В связи с этим необходимо обеспечить безопасность в регионе.

Развитие экономики автономных районов способствует нейтрализации в них сепаратистских идей и движений, снижению напряженности между этносами. Экономические меры, предпринимаемые Пекином, привели к повышению уровня жизни населения, переселению ханьцев в Синьцзян и Тибет, что также оказывает благоприятное воздействие на этнополитическую обстановку в районах.

Также методом противодействия сепаратистским настроениям является конфессиональная политика, так как большинство жителей автономных районов религиозны. В Синьцзяне проживает около 11,5 млн человек, исповедующих ислам, что составляет около 60 % населения, а в Тибете примерно 78 % жителей являются сторонниками тибетского буддизма

[1, с. 106]. Поэтому власти Китая считают необходимостью контролировать деятельность религиозных организаций в этих районах.

Согласно Конституции КНР граждане обладают правом на свободу вероисповедания, и государство не имеет права определять их религиозную жизнь, однако на практике контроль государства в этой сфере присутствует. Так, правительство сначала должно одобрить кандидатуру духовного лидера и только потом возможно его назначение. В Тибете государство регулирует буддистскую традицию перевоплощения лам, т.е. правительство вправе отказать человеку стать призванным перевоплощенным духовным руководителем. Имамы в Синьцзяне также назначаются органами центральной власти.

Несмотря на такие меры контроля, в СУАР и ТАР постоянно увеличивается число религиозных объектов, государство инвестирует огромные ресурсы в открытие и реконструкцию уже имеющихся учреждений и оказывает финансовую поддержку религиозному образованию. Например, в Тибете восстановили все буддистские монастыри, которые были разрушены во время «культурной революции» [4, с. 158].

Таким образом, руководство КНР, сотрудничая с духовенством, обеспечивает лояльность со стороны конфессиональных структур по отношению к правящей партии и режиму, социалистической системе [8].

Основной задачей проводимой политики КНР является недопущение распространения сепаратистских идей и движений в автономных районах, а также сохранение целостности государства. Однако большинство населения Тибетского и Синьцзян-Уйгурского автономных районов придерживаются мнения о необходимости расширения политических прав своих автономий, часть сепаратистских организаций все еще борется за предоставление суверенитета.

Таким образом, опыт Китая в решении проблемы сепаратизма демонстрирует, что внутреннюю политику необходимо проводить более последовательно, не ограничивая права и свободы народов Тибета и Синьцзяна. Следует отметить, что применение жестких мер в целях снижения сепаратистской деятельности и контроль над сепаратистами не могут полноценно содействовать разрешению существующих противоречий. Подобные действия, направленные на сдерживание сепаратистских настроений, малоэффективны в долгосрочной перспективе, ведь они не выполняют основополагающего требования сепаратистов, заключающегося в расширении прав автономии, предоставлении большей степени самостоятельности в управлении собственной территорией.

Список литературы

1. Бондаренко А. В. Современная национальная и религиозная политика в Синьцзян-Уйгурском автономном районе / А. В. Бондаренко // Россия и АТР. – 2007. – № 3. – С. 105–109.

2. Васильев Л. Е. О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трех зол» / Л. Е. Васильев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2018. – № 15. – С. 92–106.
3. Васильев Л. Е. Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом // Л. Е. Васильев. – М. : Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, 2009. – 172 с.
4. Гарри Ирина. «Тибетский вопрос» и тибетский буддизм в Китае: реформы и конфликты / Гарри Ирина // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 4. – С. 148–173.
5. Лукашова В. А. Основные направления политики КНР в противодействии сепаратизму / В. А. Лукашова // Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 11. – С. 226–232.
6. Морозов Ю. В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Дальнем Востоке Российской Федерации и в Китае: возможные уроки и пути решения проблем / Ю. В. Морозов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 7. – С. 44–59.
7. Новичков В. С. Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 г. / В. С. Новичков // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 116–122.
8. Председатель КНР: религия должна поддерживать партию // Русская служба BBC. – 24.04.2016. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news/2016/04/160424_china_religion, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 11.05.2020).
9. Синьцзян – Xinjiang // Wikipedia. – Режим доступа: <https://ru.qwe.wiki/wiki/Xinjiang#Demographics>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 08.05.2020).
10. Шустов А. Беспорядки в Синьцзяне и Центральная Азия / А. Шустов // ЦентрАзия. – 15.07.2009. – Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1247650740>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 09.05.2020).

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП РЕСПУБЛИКИ КРЫМ НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

Долотказина Дина Маратовна, студентка
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: di.dola@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает события интеграции Республики Крым как одного из факторов влияния на этнополитическое пространство в современной России. Проводится анализ этнических общностей Республики Крым и специфика их вхождения в этнополитическое пространство России, автор акцентирует внимание на особенностях крымско-татарского этноса. Также в статье рассмотрено развитие межнациональных отношений в России в конце XX в. Автор полагает, что культурная взаимосвязь наций является одним из значимых факторов роста и развития государства. Объектом исследования являются этнополитические процессы Российской Федерации. Предметом исследования выступают этнические группы

Республики Крым и Российской Федерации, а также межнациональные противоречия, существовавшие в регионе. Целью данной статьи является анализ возможных противоречий между этнонациональным составом Республики Крым как бывшего региона Украины и этническим составом России.

Ключевые слова: этнос, этнополитические процессы, нация, культура, народность, конфликты, Крым, этническая идентичность, государственность, этнические особенности, этнонациональные процессы

INFLUENCE OF INTEGRATION OF THE REPUBLIC OF CRIMEA ON ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN RUSSIA

Dolotkazina Dina M., student

Astrakhan State University

20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

E-mail: di.dola@mail.ru

In the article, the author considers the events of the Crimean crisis as one of the factors influencing the ethno-political processes in modern Russia. The author analyzes the ethnic communities of the Republic of Crimea and the specifics of their entry into the ethno-political space of Russia, the author focuses on the features of the Crimean Tatar ethnic group. The article also examines the development of interethnic relations in Russia at the end of the twentieth century. The author believes that the cultural relationship of Nations is one of the significant factors of growth and development of the state. The object of research is ethno-political processes. The subject of the study is the ethnic groups of the Republic of Crimea and the Russian Federation, as well as interethnic contradictions that existed in the regions. The purpose of this article is to analyze possible contradictions between the ethnic composition of the Republic of Crimea as a former region of Ukraine and the ethnic composition of Russia.

Keywords: ethnos, ethno-political processes, nation, culture, nationality, conflicts, Crimea, ethnic identity, statehood, ethnic features, ethno-national processes

Этнополитические процессы являются важной составляющей социальных и политических изменений в государстве. Проблемы этнического характера часто выступают механизмом воздействия на политические процессы в обществе. Именно по этой причине многие первостепенные интересы этносов нашли свое отражение и реализацию в политике.

Объект этнополитики – различные сферы общественной жизни народа, которые непосредственно связаны с осуществлением политики. Объектом этнополитики в частности могут выступать столкновения интересов этносов на территории одного государства, наличие или отсутствие политико-правового статуса, а также ущемление прав этноса.

Несомненно, важным фактором формирования этнической составляющей выступают условия развития национальной культуры.

В чистом виде этнополитические отношения не существуют, так как они выступают совокупностью проблем различного характера: социального, политического, религиозного и др. [4].

На современном этапе развития российского общества важной задачей становится определить факторы влияния на современные этнонациональные процессы и спрогнозировать развитие этнонациональных событий, уделяя особое внимание специфике регионов страны. Данная проблема приобретает актуальность также в связи с тем, что в 2014 году в состав Российской Федерации интегрировала Республика Крым и, соответственно, национальный состав государства был изменен.

Одной из причин возрастания конфликтности этнополитических процессов в конце XX в. является распад Советского Союза и социалистического строя. В связи с этим возникло множество национальных проблем: миграция, искусственное разделение семей, члены которых стали гражданами иных государств и оказались оторванными от своих родственников. Следствием этого стали факторы культурной, национальной и политической напряженности, которые в дальнейшем привели к росту националистических настроений. Положительным аспектом данных событий стало то, что возросла заинтересованность населения в своих национальных истоках. Также время дезинтеграции советского общества характеризуется конфликтностью этнической культуры с национальной. Кроме того, период конца XX – начала XXI вв. в России характеризуется большим количеством конфликтных отношений, активностью новых социальных движений и различными целями участников данных этнополитических процессов [1].

Распад СССР и, как следствие, создание новых независимых государств не только не разрешили вопрос об оптимизации межнациональных отношений, но и усугубили его. Политические проблемы этнического характера стали трудноразрешимыми для новых ведущих политических элит.

Советский и российский социолог А.Г. Здравомыслов, исследуя сущность и причины конфликтов этнического характера, отметил: «процесс суверенизации должен быть понят не через абстракцию «национальных интересов», а через формирование новых элит и борьбу между ними за перераспределение влияния в политическом пространстве» [6].

Важно отметить, что вопрос национального суверенитета появляется оттого, что происходит изменение положения этнической группы. Это может зависеть как от экономических, политических, так и социальных или культурных колебаний в обществе. Политическими изменениями могут выступать объединения этносов в связи с новым государственным образованием. При социальной трансформации может происходить

изменение статуса национальной группы, реализация права этносов на самоопределение. Культурным аспектом конфликтных ситуаций может явиться упразднение роли национального языка, национального образования, а также неподобающее к традициям народа.

Россия богата своим этнонациональным составом. Начиная с 1990-х гг., когда многие этнические элиты выступали с предложениями мобилизовать и политизировать этническую сферу жизни общества, некоторые регионы заявляли о том, чтобы стабилизировать этнополитические процессы. Это является важным фактором, так как позволяет поддерживать стабильное развитие региона с этнической точки зрения, обеспечивать взаимодействие национальных групп, проживающих на данной территории, взаимовлияние этнокультурных организаций и народностей, а также способствует обеспечению суверенитета этноса.

Ф. Ницше в труде «К генеалогии морали» ввел понятие «ресентимента»² [14]. В политическом дискурсе данный термин воспринимается многими учеными как чувство затаенной обиды, и соотносят его с россиянами. На первый план в этом ключе выходит не этническая принадлежность, а менталитет. Оно появилось по причине негативных изменений в политической, социальной и экономической жизни общества, с которыми столкнулись народы Российской Федерации, начиная с 1990-х гг.

Многие исследователи говорят о том, что народ России выступает как единая нация вне зависимости от исконной родовой принадлежности. На первый план выходит идентификация с нацией, а не с этносом, а также чувство гражданства, а не генетического родства. В данном контексте этнос выступает лишь составляющей большой нации государства [8].

Советский и российский этнолог В.А. Тишков говорит о том, что «Россия есть состоявшееся национальное государство, как и все другие принятые в ООН государства мира» [17]. По его словам, весь современный мир состоит из многонациональных государств. Доминирующей этнической группой он называет русскую, а доминирующей конфессией – русское православие. Однако при отсутствии других этнических групп и конфессий государство становится «классической империей», а не «национальным государством». Наличие различных конфессиональных и этнических групп обеспечивает уникальное развитие этого государства и построение той или иной этнической политики, выработку определенной стратегии в развитии общества.

Особое место в определении этнополитической ситуации в России уделяется не только пониманию конфессиональных групп и народностей, но и субъективному фактору: национальным лидерам, политическим партиям и элитам, а также общественным движениям.

2 Ресентимент (от фр. *ressentiment*) — тягостное сознание тщетности попыток улучшить свой статус в жизни или в обществе; завистливая, бессильная злоба. Впервые употребил Ф. Ницше в «К генеалогии морали» в 1887 г.

Россия является полиэтническим государством, где, в первую очередь, титульная нация, а также ни одна другая существующая не подвергают сомнению права народов на самоопределение и не имеют притязаний на суверенитет того или иного этноса. В Конституции РФ предусмотрен принцип, при котором народы имеют национально-государственные образования в формах субъектов Федерации [10]. В главном законе страны закреплено, что «республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой устав и законодательство» [10].

Так, в настоящее время в состав Российской Федерации входит 85 субъектов. Согласно федеративному устройству России, на территории полуострова Крым располагаются субъекты Российской Федерации: город федерального значения Севастополь и Республика Крым.

Геополитическая и стратегическая значимость Крымского полуострова велика. Он являлся субъектом Украины с самым многочисленным этническим составом. Будучи регионом в составе Украинского государства, он имел достаточно большой уровень этнополитической конфликтности. Причиной этому служили разногласия между этническими группами, а также различия в статусе групп, их численности и роли в социальной жизни полуострова. Основными национальными группами выступали: украинцы, русские, крымские татары. Межэтнические конфликты переходили в более глубокую форму и приобретали этнополитический характер. З.В. Зинкевич отмечает такую черту этничности, что она «становится эффективным инструментом в форме национального движения для достижения политических, экономических целей» [7], особенно это было ярко выражено в условиях социально-экономического кризиса на Украине.

Население Крыма постепенно утрачивало свою национальную идентичность. О восстановлении государственности на территории Крыма заявлял Меджлис крымско-татарского народа. Помимо этого, он выступал с речами об исторической несправедливости и о расширении статуса и роли крымских татар.

После Великой Отечественной войны Крым считался самым советским регионом СССР, впоследствии его население постепенно утрачивало этническую идентичность [12]. В связи с этим, трудно сказать о создании и развитии государственности крымско-татарским этносом. Находясь под влиянием СССР, крымские татары не стремились к политической борьбе за свою независимость и сепаратизацию. Они также не являются угнетенным или колонизированным народом по причине того, что такие народы уже обладают государственностью до момента завоевания. Таким образом, в ходе исторических процессов крымские татары не изъявляли попыток создать суверенное государство.

В данном контексте уместно сказать об этнической идентичности, которая выступает важнейшим фактором влияния на политическую власть.

Крымско-татарский этнос использовал определенные средства влияния на политические элиты Украины, стремясь добиться желаемых результатов. Украина, в свою очередь, вела тактичную политику по соблюдению прав данного народа, не желая допустить открытый этнополитический конфликт. Такое поведение присуще каждому этносу – этнической идентичностью характеризуется каждая этническая группа, которая является субъектом этнополитических отношений. Требования, выражаемые группами, переходят в форму политических, следствием становится расширение суверенитета этнической группы. А политические и экономические требования, в свою очередь, приобретают этнический оттенок. Тут начинает вступать в силу этническая мобилизация, чьи механизмы применяются при реализации данных требований [2].

Особенностью крымского полуострова, находившегося еще в составе Украины, являлось наличие радикальных настроений: пророссийского и антироссийского. Эти настроения стали решающими при переходе Крыма к России: многие семьи оказались разделены на две стороны с противоположными настроениями. Люди, являющиеся в настоящее время гражданами Украины, не поддерживают отношения с родственниками, принявшими решение стать гражданами Российской Федерации – этническая идентичность может влиять настолько, что может стать выше ценностей семьи.

Таким образом, можно сказать о двух факторах, повлиявших на российские интересы в регионе: действия крымско-татарского этноса и отношение к русскоязычному населению.

Настроения российского народа к народу Крыма не являются радикальными, присоединение полуострова Крым стало великим событием в истории России и укрепило патриотические чувства русского народа. Крымские татары и этнос крымского полуострова столкнулись с новой выбранной властью и с новым законом. Россия как демократическое государство должна соблюдать волю народа и нового этноса на ее территории. Это обеспечит благополучное развитие этнических групп и положительную взаимосвязь их с государством, а также не допустит возможных межконфессиональных столкновений.

Говоря о соблюдении волеизъявления народов, важно отметить, что был предпринят Российской Федерацией ряд программ и проектов по закреплению прав и свобод этносов Крымского полуострова, а также выполнены некоторые требования крымских татар после присоединения региона.

Крымскотатарскому языку был дан статус официального. Это стало закреплено 11 марта 2014 года в Постановлении при принятии новой Конституции Республики Крым как региона, находящегося в составе РФ [15]. Помимо этого, в Конституции Республики Крым, принятой 11 апреля 2014 года, закреплено, что на данной территории 3 языка имеют статус государственного: русский, крымскотатарский, украинский [9].

Процесс интеграции крымскотатарской этнической группы был также осложнен таким историческим событием, как депортация данного этноса в советское время. Правительство Российской Федерации подписало законопроекты, целью которых стало получение льгот крымскими татарами, подвергшимся депортации, а также получение в собственность территории для строительства. Иным значимым законом в развитии взаимоотношений между этносами стал указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», который был подписан В.В. Путиным 21 апреля 2014 года [18]. При интеграции крымскотатарской этнической группы Правительству РФ необходимо также было учитывать.

Сохранение прав народов и их независимости является признанием ценности их культур со стороны государства [16]. В Концепции государственной национальной политики РФ отражены принципы национальных отношений в Российской Федерации: «преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности» [11].

Сложному обществу, в особенности полиэтническому, свойственны постоянные внутренние противоречия. В свою очередь, этнополитические процессы следует анализировать не только с точки зрения взаимодействия этнических групп и их влияния на политическую сферу жизни общества, но и в более широком контексте: политизируются «коды этничности», такие как традиции, язык, территория проживания. А политические элементы, в частности, политические элиты и партии, общественные движения тесно взаимодействуют с этническими.

Еще одной особенностью и преимуществом полиэтнического государства является культурное многообразие, которое складывается из традиций и ценностей каждого народа как важного составляющего большого государства. Национальный фактор вносит свой неповторимый вклад в развитие культуры всей страны [13].

В условиях постиндустриального мира многообразие культурных наследий выступает гарантом против унификации и стандартных форм ведения политики, а также источником современного видения социального, экономического и политического динамизма. Поддержание этого плюрализма культур станет важным элементом роста Российского государства как великой державы и «семьи народов».

Список литературы

1. Андреев А. Л. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства / А. Л. Андреев // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 1. – С. 106.
2. Аюпов М. А. Политико-трансформационный процесс и его структура / М. А. Аюпов // *Социально-гуманитарные знания*. – 2003. – № 4. – С. 277–280.
3. Бекирова Г. Крымскотатарская проблема в СССР (1944–1991). – Симферополь : Оджакъ, 2004.
4. Давуров Д. М. Этнополитический процесс в современной России: понятий, факторы влияния / Д. М. Давуров // *Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. Политика и политические науки*. – 2007. – Т. 17, № 43–1. – С. 96–99.
5. Драгунский Д. В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии / Д. В. Драгунский // *Полис*. – 1995. – № 3. – С. 36–45.
6. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А. Г. Здравомыслов. – М. : Аспект Пресс, 1999. – С. 164.
7. Зинкевич З. В. Социология и психология национальных отношений / З. В. Зинкевич. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. – Ч. 2. – С. 26.
8. Ильинский И. М. О российской нации / И. М. Ильинский // *Знание. Понимание. Умение*. – № 3. – С. 5–16.
9. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.).
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). – Ст. 1, 5.
11. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // *Российская газета*. – 10.06.1996. – Гл. 2.
12. Корнеева Е. А. Этнополитический конфликт в Крыму: путь к легитимации власти крымских татар / Е. А. Корнеева // *История российского социума*. – С. 158–161.
13. Костина А. В. Россия как полиэтническое государство: особенности и проблемы современного развития / А. В. Костина // *Русский мир*. – 2010. – № 2. – С. 107–116.
14. Политология. Справочник. – Режим доступа: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Постановление ВР АРК «О гарантиях восстановления прав крымскотатарского народа и его интеграции в крымское сообщество».
16. Проект ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».
17. Тишков В. А. Культурный смысл пространства (Доклад на пленарном заседании V конгресса этнологов и антропологов России, г. Омск, 9 июня) / В. А. Тишков // *Этно-журнал*. – Режим доступа: <http://www.ethonet.ru/lib/0803-02.html>
18. Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» (с изменениями и дополнениями).

АСТРАПОЛИС

Астраханские политические исследования

**2019–2020
(9–10)**

Материалы публикуются в авторской редакции.

Техническое редактирование,
компьютерная правка, верстка *Н.Н. Сахно*

Заказ № 4250. Тираж 10 электрон. оптич. дисков
Уч.-изд. л. 13,1. Объем данных 722 Кб

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
тел. (8512) 24-64-95 (отдел планирования и реализации), 24-68-37
E-mail: asupress@yandex.ru